

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
АбдухакиМ ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Шавкат ВАЛИЕВ

Редактор
Елена ЮРЧЕНКО

Республика Узбекистан
Ташкент

Искандар ХАММАДОВ

проза

АЛЬБОМ

Повесть

Поэтому я при всех, особенно при уважаемой Елене Владимировне, хочу признаться Ирине, что я ее люблю, прошу ее руки и, самое главное, я хочу ей вручить этот альбом, чтобы она, если конечно согласится на мое предложение, продолжила вместе со мной нашу общую родословную, чтобы наши фотографии, фотографии наших детей пополнили этот старенький альбом.

Олег ЯКОВЛЕВ

возвращение к читателю

Давайте, наконец, полюбим жизнь...

* * *

Если в мертвой до сих пор природе
Встрепенутся, оживут цвета,
Если запьянит, засумасбродит
Песней в голове мечта,

Если смысл, неведомый доселе,
Тайн никчемных ране заблистал
И приметил: птицы прилетели,
Значит снова в сердце доброта!

Рустам РАХМОН

переводы

МАХЛУК

Рассказ

Встать на ноги не было сил, он сумел только отползти в сторону чайханы и пристроиться под одной из сури. Через полчаса тело его слегка дёрнулось, а глаза, устремлённые на трамвайную колею, так и остекленели, в последний раз отразив ту самую дорогу, которая навсегда увела от него по-человечески преданного хозяина...

Письма в сезон безветрия...

Я там, где ты – распластана, распята и забыта, и предана до утренней зари.
И новый город, и страна другая, и я опять бреду, как вечный жид, себя теряя, о тебе не зная. И время с тишиною говорит, отщёлкая стрелками часы.

БРАТЬЯ

Рассказ

– Запомни, сынок: талант, судьба... это всё иллюзия, наши выдумки, гениальный повод оправдать все наши слабости, неудачи, нежелание и обычную лень. Мы, слабые и самолюбивые, сами придумали эти иллюзии и слепо в них поверили! Учти, спарта-нец, есть только труд и твои решения, а не талант и судьба.

ПЕЙЗАЖ ДУШИ

Ответ простой: мы, живущие на планете Земля, пытаемся раскрыть главный секрет и ответить на вопрос: «кто я и зачем пришёл в этот мир?» Шри Чинмай в своих рисунках тоже пытается ответить на этот вопрос. Ведь птицы в его работах – это не обычные птицы, а Птицы-Души, это духовный мир человека, его внутреннее пространство, которое в суете современной жизни человек прячет от непонимания, равнодушия окружающих.

СОДЕРЖАНИЕ

Алишер Навои. Ключ к сокровишнице сердца... Газели. Переводы А. Файнберга, Р. Галимова, Н. Буровой.....5

НОВЫЕ ИМЕНА

Ксения Волкова. Мы будем любить...60
Марат Байзаков. Братья. Рассказ.66
Сергей Шамаков. Майк. Рассказ.105
Даминжон Пирматов. Цветет жидида, как первая любовь.108

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Лариса Юсупова. В назидание потомкам...41
Николай Ильин. «Любовью не зови сиротство сердца...»79
Адхамбек Алимбеков. «Вы будете жить вечно, стихи мои...» ...95
Мустафа Байшанов. Солнце восходит с Востока.99
Канимкул Таджиев и Рафаэль Ахмедов. Развернутая метафора как активатор «смысловых кодов».136

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир Карасев. Грани реальности у Акрама Бахрамова.43
Ольга Алиханова. Пейзаж души.103

ПЕРЕВОДЫ

Рустам Рахмон. Махлук. Рассказ. Перевод с узбекского И. Рахманова90
Нарзулло Батиров. Память сердца. Рассказ. Перевод с узбекского О. Батировой117
Кахрамон Рахманов. Дочь. Рассказ. Перевод с узбекского С. Рахмановой138

ПОЭЗИЯ

Елена Пагиева. Надежности позволено родиться...9
Вика Чембарьева. Письма в сезон безветрия...38
Андрей Слоним. Но спорило с душой немеркнувшее чувство... ..85
Раиса Крапаней. А у нас в сентябре...93

КАРАВАН ИСТОРИИ

Наим Каримов. Сабир Абдулла82
Фархад Хамраев. Шедрость души.113

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Якуб Ходжаев. Арслан – бизнесмен. Рассказ49
Олег Яковлев. Давайте, наконец, полюбим жизнь...73
Владимир Чеботин. Миг вдохновенья...111

ПРОЗА

Искандер Хаммадов. Альбом. Повесть.12

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Раим Фархади, Анатолий Ершов. (К 80-летию Якуба Ходжаева)..45
С оптимизмом по жизни шагая. (К 80-летию Владимира Чеботина)110
Саидамин Бакиев. Человекология.142
Лариса Юсупова. Эпиграммы. 152

На 2-ой и 4-ой страницах обложки картины Акрама Бахрамова.
На 3-ей странице обложки картины Шри Чинмая.

Звезда Востока

2015 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 09.12.2015 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 650 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТА «Укитувчи».

г. Ташкент, Юнусабадский район,
ул. Янги шахар, д. 30

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

(1441–1501)

В 2016 году исполняется 575 лет со дня рождения великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои.

Союз писателей Узбекистана при поддержке фонда «Ижод» готовит к публикации книгу избранных сочинений Алишера Навои на русском языке.

Ключ к сокровищнице сердца...

Газели

Кто в любви бывал несчастен и страдания узнал,
Знает: то несчастье – благо. Не напрасно он страдал.

О любовь! Чиста, как жемчуг, даже пыль с ее дорог,
Яркий блеск светил небесных рядом с нею бледен стал.

Тот, кто пил из грубой чаши чистое вино любви,
Чашу знатную Джемшида никогда не выбирал.

Хоть любовь царит и красит все небесные дворцы,
Кто влюблен, одежд богатых никогда не надевал.

Кто однажды был пронизан ярким пламенем любви,
Тот в халате золотканом от мгновенной вспышки стал.

От огня ее святого, как от молнии небес,
Гибли троны и короны. Ветер пепел раздувал.

Пусть корона золотая. Для чего тебе она,
Если ты, в любви сгорая, в этом мире дымом стал?

И короной, и богатством станет искорка ее.
Пусть она спалит мне сердце. Разве жребий этот мал?

Дай вина мне, кравчий, чише всех источников в раю,
Но чтоб в нем светло и жарко пламень адский полыхал.

И тогда в аду глубоком слезы чистые мои
Пламя сделают слабее, чтоб народ не так страдал.

Навои, когда взглянула на простой твой труд любовь,
В царственном ее убранстве каждый стих твой засиял.

* * *

Коль пришла пора цветенья, каждой розе – соловей.
Плачь, птенец больного сердца, чистой скорби слезы лей.

От любви, подобно розе, это сердце зашело.
Аромат теряет роза, если я в разлуке с ней.

По единственной любимой стон мой сердце разбудил.
Дуй в бутон, разлуки ветер. Лепестки его рассей.

От любви худой и слабый, я поник у ног твоих.
Преодо мной твой стан восходит. Кипариса он стройней.

Ты становишься колючкой, а не розой соловью.
Воскрешая, убиваешь с каждым разом все верней.

Я любил, страдал и плакал, но отшельником не стал.
Дай вина, кабатчик добрый, чтоб жилось мне веселей.

Жизнь проходит, словно ветер. Веселись же, Навои.
Ты б достиг всего на свете. Только ветер – он быстрей.

* * *

Та печаль о тебе, что сжигает меня, у кого еще есть?
Боль разлуки с тобой горячее огня у кого еще есть?

Поле радости сжег, точно злой суховой, мой беспомощный стон,
Эти слезы, что горше мне день ото дня, у кого еще есть?

Ты не очень гордись, что прекрасней лица не имеет никто.
А любовь, что светла и чиста, как моя, у кого еще есть?

Счастье в лунный дворец твой не может впустить дым стенаний моих.
А аркан, что запутал меня, как коня, у кого еще есть?

Продаешь ты свиданья за раны, что жгут мое сердце в ночи.
Столько горьких монет, что собрал я, кляня, у кого еще есть?

Я ль безгрешен! Но что же мне делать с собой, о приятель, скажи,
Страсть моя, что гибает и губит меня, у кого еще есть?

Пусть иные считают грехи Навои и корят, и винят,
То богатство души, где властитель лишь я, у кого еще есть?

* * *

Душа без любимой сгорела. Я полон печали.
Кровь стала водою, а слезы – что кровь пред очами.

Тоскую и плачу я, губы твои вспоминая.
И градом жемчужным я слезы роняю ночами.

И лишь потому, что в слезах мое сердце чернеет,
Два зеркала черных в глазах моих горе качает.

Две тени от раны в безумном потерянном сердце.
Оно – словно раб перед нею в покорном молчаньи.

Когда предо мною лицо ее вспыхнет, я слепну,
Как будто бы солнце глаза мои хлещет лучами.

Лечи, виночерпий, от скорби веселою чашей.
Вовеки вино – это яд для тоски и печали.

Ты сердце взяла Навои, покорила и – в пламя.
Ты – светлое сердце. Но так ли победу венчают?

Переводы Александра Файнберга¹

¹ (1939–2009) Народный поэт, Заслуженный работник культуры Узбекистана, переводчик. Автор многочисленных поэтических сборников, ряда сценариев художественных и документальных фильмов.

* * *

Когда она расцветшей розой идет в соперников ряду,
Истерзан острыми шипами, я сам с собою не в ладу.

И что мне в жизни опустевшей, когда она в толпе других?
И диво ли, коль, видя это, я, плача, в мир иной сойду!

Лазурью ясною и басмой она так брови подвела,
Что выгнулись, как два павлина, в заросшем розами саду.

В ее кудрях перемешались нить веры и неверья нить.
Ну что ж, пускай зуннар протянет, – пойду у ней на поводу!

Я уязвлен, и язвы тела – как на веревке узелки,
Того гляди – иссохшим станом я надломлюсь и упаду.

Гадаю: то ли ветер воду усеял лепестками роз,
То ль от вина ее ланиты пылают розами в чаду?

Когда меня факих в мечети поносит громко за глаза,
Меня в питейной вы найдете: все лучше там, чем быть в аду!

Пустите ж пиршественным кругом сосудов винных купола,
Когда вино зари вечерней плеснет на облаков чреду!

О Навои, поведай людям, что песни бедственны твои
По той же бедственной причине, что не любовь обрел – беду!

Перевод Рауфа Галимова¹

* * *

Горит во мне живой огонь, – вздохну – и все сгорит, –
Дай волю жадному огню – и все сгорит.

От пламенной мольбы моей звезда зажглась во тьме, –
Я не притворствую, – вздохну – и все сгорит.

Как молния, стрела любви. Испепелит она.
Брось в сено искорку одну – и все сгорит.

Я сам подобен мотыльку, летящему к свече.
На лик твой солнечный взгляну – и все сгорит.

Растет моя любовь к тебе, как пламя на ветру,
Я взглядом землю обниму – и все сгорит.

Слезами и огнем любви я иссушен, как лист, –
Увидеть милый лик дерзну – и все сгорит.

Тоска о розовых губах сжигает Навои, –
Средь ночи к ложу я прильну и – все сгорит.

* * *

Не подруга та, которой дух единства не знаком
Между мыслью человека и его же языком.

От возлюбленной я тщетно искренности нежной жду –
Речи молвит о заботах, не заботясь ни о ком.

Хитрость у нее на сердце, дружелюбие на словах, –
Розовый язык трепещет ароматным лепестком.

¹(1923–1977) Узбекистанский поэт, прозаик, драматург, переводчик.

Не умеет иль не хочет вникнуть в суть моей души, –
Без забот она порхает легкокрылым мотыльком.

Только тот быть может другом, кто един с тобой душой, –
Лицемерье и коварство злым становятся зерном.

Кто не хочет боли сердца, пусть побережет язык.
Человек молчать не может при страдании любом.

Если вдруг замолкнет сердце, – на устах замрут слова.
Разногласий нет меж сердцем и правдивым языком.

Как скажу, что сердце хочет тишины монастыря? –
Ведь живут во мне желанья, опьяняюсь я цветком.

Ключ к сокровишнице сердца – твой язык, о Навои,
Если преданностью шаху ты исполнен целиком.

* * *

Возлюбленная боль мою понять не хочет,
Любовь безмерную мою принять не хочет.

Желанья сердце это рвут, как лепестки бутон, –
Но пери милость оказать не хочет.

В пустыню горя привела меня моя любовь,
Никто совет мне добрый дать не хочет.

Как сабля острая в бою, меня поранил взгляд,
Никто жестокость ран понять не хочет.

Я в ослеплении любви безумцем жалким стал, –
Любимая об этом знать не хочет.

В ее приветливых словах лукавство и обман,
Но разум хитрость признавать не хочет.

Кто, как не пылкий Навои, твой нежный видит лик! –
Возлюбленная счастьем стать не хочет.

* * *

Капелька слезы кровавой по моей скользит щеке,
Не сравнить такую каплю с влагой солнечной в реке.

Голова моя седеет под ударами судьбы,
Камень женского коварства детской не поднять руке.

Словно лик твой бесподобный, солнце в небе голубом,
Отражается светило на тюльпановом листке.

Размахнулись эти брови, словно птичьих два крыла,
Бьет тревожно мое сердце, как сердечко в голубке.

Кланяться тебе и богу две потребно головы,
Но влюбленный в розу знает силу, что живет в цветке.

Мне необходим, как солнце, твой неповторимый лик.
Как безумец, я тоскую от любимой вдалеке.

Множество красавиц спорят о тебе, о Навои,
Но к единственной ты вечно обращаешься в тоске.

Переводы Натальи Буровой¹

¹ (1918–1979) Известная узбекистанская поэтесса. Автор нескольких стихотворных сборников.

ПОЭЗИЯ

Надежности позволено родиться...

* * *

Женские руки – упругие лозы –
произрастают в изгибах плеча;
переплетаясь в небе ветвями,
пальцев узор шелестит, как листва.
Руки мужские – тайной угрозой
воздух секут, как ударом меча.
В танце огня приютившая пламя,
отсветом лет серебрится зола.
И взмахом крыла легконогих фламинго
хлопьями пепла года унеслись
в высь!

Криком торговцев, молитвой и плачем,
и оборотом порядков не лучших
зов, предназначенный слуху немногих,
непониманья пространством отвергнут.
Время, виток перемен обозначив,
в небо впадает тяжестью тучи.
Ветер другой и другие дороги
неразделимы с тревогами верных.
Молнией гроз отсверкавшего мига
странности дней ворвались
в высь!

Чашечка кофе – судьбы зарубежье,
кисть винограда над кистью руки...
Словно с собой соревнуется слово,
не узнавая полёта стрелы.
И забывает себя неизбежность,
смело вестей ожидая других...
Дудки очнувшейся зов тростниковый
напоминает гуденье пчелы.
И над лугами цвета индиго
древних кочевий песни взвились
в высь!

Елена ПАГИЕВА

Родилась в 1946 г. в
Красноярске. Окон-
чила художествен-
но-графический
факультет ТГПУ
им. Низами, работа-
ла преподавателем,
дизайнером, худож-
ником. Публико-
валась в республи-
канских журналах,
литературных альма-
нахах и газетах.

* * *

В глуши заброшенного сада
 Растет бурьян,
 В глуши заброшенной души
 И воздух пьян,
 В углу заброшенного сада
 Цветет дурман,
 Со дна отравленной души
 Растет обман.

Не видно там следов ничьих
 Под серой пылью,
 Глухие заросли души –
 Над болью ран.
 И ночи звездные лучи
 Уже забыли,
 Как в час оставленной души
 Расцвел обман.

На площадях и перекрестках
 Небывших стран
 Сквозь долгий отзвук расстояний,
 Сквозь туман,
 Все тот же, тот же запах острый –
 Цветет дурман,
 Когда в науке расставаний –
 Сплошной обман.

В глуши заброшенного сада –
 Как пыль – дурман
 Плывет, себе не представляя,
 Как не спеша,
 Сметая заросли разлада,
 Примяв бурьян,
 Уже себя перерастая,
 Цветет душа.

* * *

Грозою небо выпито,
 клокочущее фальшью:
 «чем дальше от Юпитера,
 тем жизнь от молний дальше»...
 А жизнь ещё не знала,
 кем станем мы друг другу
 под гулкий звон металла –
 секирой или плугом...

Над немотой Земли
 нам годы вслед кричали:
 «чем дальше от любви,
 тем ближе мы к печали» –

слёз не смывая соль,
 не предьявляя счёта
 подстерегавшим боль
 участникам охоты.

Закрытое всему,
 и путаницу чуя,
 отринувши вину
 свою или чужую,
 в какой-то чаше ближней
 шумело безучастье
 кружением по жизни
 отбившихся от счастья.

В дыхания пределы
 сердцебиением быстрым
 голь веток обгорелых
 роняет пепел листьев.
 Над безответной целью
 гнёт повседневность спину
 под речевой каплей
 освоенной машиной.

* * *

Если знания – лишь средство,
 протяжённость чувства,
 если в мировом оркестре
 жизнь – предмет искусства, –
 черепаха дней минувших
 поглощает сроки
 в отражении не лучшем
 техники дороги.

Если каждый день срывает
 листик жизни свежий,
 он искусству в пасть кидает
 бывшие надежды.
 На обочине предвзятой
 жалким пульсом быта
 вытанцовывают даты
 биографий ритмы.

Если знания, став средством,
 став предметом встречи,
 останавливают сердце,
 как свобода речи,
 от непознанного края
 тайной стороны
 схлынет время, оставляя
 камни у воды.

ENIGMA

Над зрелищами замкнутого круга,
над тайною вращения природы,
слова, не узнающие друг друга,
в песок тягучий превращают воду.

В забытом ритме ожиданий мнимых,
где свет съедает тени спорных,
сквозь паузы и взглядов мимо
перетекает жизнь в иные формы.

И в разворот экрана, как в странице,
мерцанием приёмов и поступков
надёжности позволено родиться
наперекор и чувству, и рассудку.

Над вертикальной бездною фантазий,
как балансир, горизонталь найдётся.
Так в потаённой музыкальной фразе
подённую работу ищет Моцарт.

На эту ось не знающей покоя
природы, иллюзорной на распутьи,
нанизаны под тяжестью простоя
все переливы капли ртути.

Необъяснимостью молчания тревожат
печали тех, чьи анонимны лица,
так ждущих совпадения, быть может,
чтоб снова в этой жизни повториться.

проза

**Искандер
ХАММАДОВ**

Прозаик, кандидат физико-математических наук. Автор научных статей, изобретений, монографий, интересных повестей и романов. В настоящее время работает в авиационной компании. Живет в Ташкенте.

АЛЬБОМ

Повесть

1

Серое небо непрерывно и нудно сыпало снегом, превращая улицы и переулки огромного города в черно-белые, слегка выцветшие снимки эпохи фотографической юности. В такую погоду кажется, что даже время выцветает, теряется присущий деловому городу ритм и плотная событийная насыщенность. Снег размокал от выносимого жильцами домашне-го тепла у хлопающих дверей подъездов и безвозвратно терял свою хрупкую кристаллическую самобытность.

Раз в неделю по воскресеньям я просыпался в совершенно типичной квартире, построенной еще во времена полузабытого застоя, на третьем этаже в ее кровати, ровно наполовину опустевшей после ее развода с мужем, ушедшим в поисках более интересной и умной женщины или новых ощущений, с более привлекательной для его восприятия объемной геометрией женской фигуры, пусть даже без признаков интеллекта. Кто знает, на что мы больше обращаем внимание.

Я узнал о ее муже совсем немного: он возглавляет отдел логистики какой-то авиационной компании, занимающейся грузовыми перевозками, ему сорок лет, за пять лет совместной с ней жизни он прибавил в весе не менее десяти килограмм, нахальный подбородок, который он считал волевым, дорогие часы... (у меня такая работа – надо дорого выглядеть), золотая цепочка на толстой шее. Муж начал часто уезжать в командировки, из которых возвращался посвежевшим и веселым, с едва уловимыми посторонними запахами. Ей бы, дуре, уже тогда забеспокоиться, все разузнать, но воспитание не позволяло. И вот результат.

В первый же день я увидел фотографию мужа на книжной полке – на меня в упор смотрело несколько обрюзгшее нахальное лицо с бледно-голубыми глазами полными самодовольства и самоуверенности.

Я скорчил несколько гримас, выражающих уничижительное презрение к субъекту на фото, средним пальцем показал неприличный жест. Я вообще терпеть не могу фотографии людей, не вижу никакого смысла в портретах, если эти люди не публичные, чтобы их народ узнавал. Вот меня знает круг моих знакомых, и мне этого вполне достаточно.

Она заметила мой жест и обиженно убрала фотографию. Как можно любить такого типа?! Черт поймет этих женщин.

Двуспальная кровать как символ счастливого былого и нынешнего одиночества стояла у стены, обклеенной дешевыми бумажными обоями цвета жухлой корки апельсина в полоску с рисунками ваз с тонкими корсетными талиями и растениями непонятного вида и происхождения, поблекшими от времени и беспощадных солнечных лучей, с висящей на гвоздике репродукцией голландского натюрморта в простенькой деревянной рамке, никак не желающей вступить в гармонию с красочным изобилием подробно и тщательно выписанной европейской снеди на картине. Напротив кровати матово и бледно светилось окно с поскрипывающей от ветра форточкой и видом на узкий двор с аркой на улицу, с запорошенными ночным обильным снегом до бесформенности и потери былой фирменной статусности и поэтому грустными машинами и белоголовыми египетскими пирамидками парочки мусорных контейнеров, совершенно не беспокоящихся о своем внешнем облике и видевших смысл своего существования исключительно в хозяйственной утилитарности.

У окна на круглом потертом по краям журнальном столике тускло поблескивала хрустальная ваза с букетом, принесенным мною вчерашним вечером, а также с традиционным бисквитным тортом, обильно покрытым разноцветными кремами, и бутылкой дорогого терпкого красного вина. Хотя вино удалось достать приличное.

Цветы, освобожденные из плотных объятий кулечка с голубой ленточкой, разнужданно веселясь, смотрели полуоткрытыми бутонами в разные стороны комнаты, не подозревая, как короток их век в хрустальном блеске застойного благополучия.

Я лениво потянулся до хруста в еще непроснувшихся суставах, вспоминая приятные ночные моменты, глупые слова, шепотом произнесенные в тишине ночи, которые при свете дня и повторить вслух невозможно.

Язык ночи, окрашенный неожиданными, глупыми, первобытными словами и сладким стыдом...

Первое время меня не покидало напряженное и беспокойное чувство мелкого воришки, в первый раз очутившегося в незнакомой обстановке чужой квартиры, скорее даже в чужой нераскрытой и непонятой жизни Ирины. Мне казалось, что я лежу в еще не освободившейся до конца постели и даже, может быть, на той же половине, где лежал ее прежний муж, по-хозяйски разбросавший свои непременно волосатые конечности в пространстве и во времени, что постель до сих пор хранит неприятное тепло чужого тела. Каждая смятая складка простыни, домашние тапочки выводили меня из равновесия – ношенные, приобретшие со временем форму чужой ступни, с какими-то складками в стельках и потертой пятках. Тогда я сам купил новый комплект постельного белья и новые домашние тапочки с надписью и логотипом известной фирмы, которая никогда в своей долгой истории не занималась производством мужских домашних тапочек.

Она, развернув попку, внимательно, с некоторой долей иронии мимолетно проскользнувшей в уголках губ, на мгновение потерявших симметрию, посмотрела на меня, но молча, даже с некоторым облегчением выбросила старые тапки и перестелила постель.

Со временем, чувство раздражающей неловкости угасло, сменившись чувством удовлетворения от совершенно необременительных и приятных отношений, продолжение которых или разрыв, в случае необходимости, зависели лишь от меня.

Иногда мне казалось, что именно необременительность отношений являлась основной причиной центростремительной силы, влекущей меня в эту квартиру. Мне абсолютно не хотелось той безумной юношеской влюбленности, что создает в фантазиях чарующую иллюзию совершенства объекта, как это бывало ранее. Как правило, эта хрупкая иллюзия рассыпается в прах в непростых бытовых обстоятельствах, и не остается ничего, кроме обидной горечи утраты взлелеянного очарования совершенства.

2

Я встретил ее полгода назад в разгар лета на выставке художника Петрова. Не того, который еще и Водкин с знаменитым «красным конем», а просто Петрова. Хотя насчет водки, с ее особым воздействием на творческие личности, он был очень даже горазд, особенно в часы мучительных исканий собственного я в искусстве. Возможно, эти возлияния и привели к сегодняшним выставочным творениям и относительно, совершенно неожиданному для него самому успеху в переговорах с галеристом.

Друг моего ташкентского детства, владелец галереи и антикварного магазина Гриша, предпочитавший, чтобы его звали Гера, косивший теперь под коренного одессита, позвонил и голосом полным неиссякаемого энтузиазма прокричал в трубку:

– Старик, обязательно приходи на открытие! У меня в галерее выставка. Художник, может быть, и так себе, на Арбате и получше картины попадают, но будет пара-тройка бизнесменов с женами, подыскивающими картины для украшения своих гнездышек. Так сказать, смычка бизнеса и искусства, типа Сассун Видал.

– Гера, я-то тут при чем? Я не любитель подобных тусовок. Проводи свою замечательную выставку без меня. Картины я не коллекционирую и не разбираюсь в них как в товаре, на котором можно заработать. Пусть твои бизнесмены развлекают своих жен покупками, – попытался я улизнуть от приглашения.

– Это же твои потенциальные клиенты. Они всегда нуждаются в хороших юристах. Познакомлю. Такие контакты лишними не бывают. Представлю тебя как ведущего юриста, разбирающегося в тонкостях бизнеса. Мне очень нужно, чтобы презентабельная компания подобралась.

Если бы не фраза Геры о потенциальных клиентах, я бы не пошел на эту выставку. Меня почему-то совершенно не трогает современное искусство. Но открыто говорить об этом теперь не принято. Поэтому я медленно ходил по залу, останавливаясь на несколько минут у каждой картины, и старался придать лицу выражение роде-новской задумчивости, подпирая при этом подбородок тыльной стороной ладони у одних картин, или наивно восхищаясь другими, что должно было означать глубокое понимание творческих замыслов художника, при этом не забывая искоса с интересом поглядывать на публику. Здесь же бродили десятка два таких же ценителей с похожими выражениями на лицах. Особенно старалась парочка длинноногих манекенов женского пола, крепко державших под руку расплывшихся мужей-папочек.

Гера в шелковом шарфике под воротник вокруг шеи, в истерзанных по моде джинсах и выдавших все тротуары города кроссовках, с внешностью, выдававшей присутствие изрядной доли кровей знаменитого ближневосточного народа, бегал между посетителями, на ходу объясняя потаенный смысл картин. Он судорожно поправлял съезжающие с переносицы очки, ежеминутно проводил рукой по взлохмаченным волосам, пылающие энтузиазмом глаза, полные удовлетворения и некоторого избытка самомнения, скользили по посетителям.

Я заметил ее сразу. Вернее сказать, она привлекла внимание... своей непоказной отрешенностью и удивительным женским обаянием.

Светловолосая, в темном брючном костюме и белой блузке, подчеркивающей ее отличную фигуру, она, единственная на выставке, была сосредоточена, серьезна и деловита.

– Слушай, а кто эта женщина с фотоаппаратом? Такое впечатление, что она сюда пришла работать. Явно не покупатель. Журналист? – спросил я у Геры, на миг прервавшего стремительное и хаотичное движение по залу.

– Да нет! Зовут Ирина, она дизайнер. Дизайнер по тканям или еще по чему-то. Точно не знаю. Фотографирует для работы. Сам видишь – картины Петрова для этих целей как нельзя лучше подходят. Цветовая гамма интересная, рисунок необычный. Познакомить тебя с ней?

– Можно и познакомиться. Что-то скучно мне последнее время. Может, развеюсь. Только не рассказывай ей обо мне ничего. Скажи просто – юрист. Впрочем, не надо знакомить. Это может ее оттолкнуть, насторожить. Я сам попробую познакомиться... – как можно равнодушнее ответил я.

– Что так скромно-то? На тебя совсем не похоже. Ты всегда любил повыпендриваться, а скромность это не про тебя писано, – подколот Гера.

– Никогда я не выпендривался. А скромно потому, что боюсь нарваться на ту, что интересуется только бабками. Сыт по горло такими знакомствами.

– Нет, она не из таких.

– В наше время – это уникальный экземпляр. А конкретнее, что она из себя представляет?

– Разведенная, живет одна, как я уже говорил, дизайнер. Ну, в общем, «обычная женщина средних лет». Подробиностей не знаю, не вникал.

– Ну уж, и средних лет. По-моему, довольно молодая и привлекательная женщина.

– Вот именно, привлекательная. Красавицей ее не назовешь. Если разбирать по косточкам... А, впрочем, разбирать по косточкам как-то нехорошо. Слишком анатомично. Но тазобедренная композиция замечательная. Скажу просто – мы с ней учились на одном курсе в архитектурном. Раньше Ира была жизнерадостна и остроумна, современна, все знала о всех новейших книгах и фильмах. Но, когда вышла замуж, отдалась от всех нас, а после развода и вовсе замкнулась. Ни с кем не общается.

– Надо познакомиться с ней. Она меня заинтересовала.

– Что понравилась, запал с первого взгляда? Это на тебя совсем не похоже. Как говорила моя мама: «Любовь с первого взгляда – это почти как со второго, только вслепую».

– Брось ты! Любовь – это химера, выдумки для подростков.

Ирина сразу его заметила. Высокий, стройный, хорошо, со вкусом одетый. Но не подала виду, стараясь увлеченно заниматься своим делом. Когда он пошел в ее сторону, она засуетилась: «Идет ко мне? Зачем? Что ему нужно?»

После развода Ирина испытывала опустошающее чувство неуверенности в своей женской привлекательности. Ее сломило не столько само расставание, сколько будничность произошедшего. Муж спокойно, между делом, сказал, что уходит от нее к другой, собрал вещи, положил вторые ключи на полку в прихожей и вышел. Хлопнула дверь, и как будто не было пяти лет супружества. Даже не попытался объяснить. Просто хлопнул дверью.

Она присела на стул и просидела несколько часов неподвижно. Потом молча мыла посуду на кухне. Ночью, лежа свернувшись калачиком в пустой и неожиданно ставшей огромной постели, расплакалась с тихим завыванием от нестерпимой обиды. Встала, выпила воды из-под крана, подошла к зеркалу. Выглядела ужасно, плакать красиво она не умела, как и многие женщины, машинально включила радио. Глория Гейнор пела «I Will Survive» – ...пока я помню, как любить, я знаю, я буду жить. Я выживу... Ирина приняла душ и начала приводить себя в порядок.

Несколько дней после развода она порывалась позвонить ему, теперь уже бывшему, чтобы узнать, что же в ней не так, если он решил уйти от нее. Но так и не позвонила. Не решилась узнать правду. Или не захотела.

Спасала работа, так по крайней мере казалось. Стало неожиданно много заказов, как будто кто-то там наверху вдруг решил, что самое время поддержать ее, не дать упасть духом отвлечь от ехидно сочувственных взглядов молодой и милой, призывно макияжной части офиса.

И потекли дни, заполненные деловой суетой, и полубессонные ночи с набатным тиканьем старенького будильника в ватной тишине пустой квартиры. Когда светало, она обреченно вставала и машинально готовилась к спасительной работе и как бы

простодушным вопросам сотрудниц, искренне считающих себя ее подругами и желающих знать все и вся о ее личной жизни:

– Что, твой еще не вернулся?

Это «еще» как проявление женской неосознанной мстительности ранило Ирину сильнее, чем любые прямые вопросы, но она старалась не терять самообладания.

– Нет, не вернулся. Да и черт с ним. Одной даже лучше. Спокойнее и забот меньше, – отвечала она стандартными фразами, кочующими из сериала в сериал.

– Все мужики – кобели! – вынесли штампованный приговор подруги, не желая помнить, что мужское определение противоположного пола звучит куда жестче.

Планов на будущее семейное счастье у Ирины не было. Какие планы и надежды, когда тебе за тридцать. Надо просто жить и довольствоваться тем, что имеешь.

И вот, на этой выставке к ней идет интересный мужчина, и она даже не знает, как ей поступить. А вдруг... Женское любопытство взяло верх. На его незамысловатые вопросы о технике живописи художника, об игре теплых и холодных тонов, придающих объем картинам, и что же дадут фотографии для ее творчества, она подробно отвечала, замечая, что ей приятно и совсем-совсем легко с ним общаться.

– А вы людей фотографируете?

– Приходилось фотографировать и людей. В основном своих знакомых. На отдыхе или по какому-то случаю. Вам портрет нужен? Но для хорошего портрета нужны особые условия – правильный свет, гармоничный фон, – серьезно ответила она, глядя в сторону.

– Да нет! Я просто так спросил. Если честно, не люблю фотографироваться. В наше время фотографии, альбомы всякие – уже анахронизм и нужны для знакомств в социальной сети. Но это не для меня.

На первом этаже в маленьком кафе за бокалом вина они продолжили беседу, начатую в галерее. Расстались поздно вечером у ее дома, обменявшись номерами телефонов.

Через пару недель я пригласил ее в ресторан на корпоративную вечеринку, которая по этикету предполагала обязательное парное присутствие. Перебрав все варианты, я признал для себя, что лучше ее не найти.

Она уже и забыла, что такое хороший ресторан. Ее бывшего мужа было невозможно выгнать из дома.

Идя в лучшем из своих давно не надеванных нарядов с красивым мужчиной под руку по залу, она ощущала на себе оценивающие, ласкающие, иногда удушливо обволакивающие взгляды всех сидящих за столиками мужчин, и это было для нее неожиданной и неприличной радостью.

Еще девушкой она гордилась тем, что недурна и хорошего роста, несколько смущаясь от того, что в ее теле, во всех его формах, природой заложен сильный сексуальный акцент, животный первобытный призыв, и что мужчины смотрят на нее с фантазиями иногда далекими от приличия. Тогда она и решила для себя, что ее сексуальность должна принадлежать только тому человеку, которого она полюбит. И в ресторане ей показалось, что такой человек есть, он сидит рядом с ней и, возможно, она ему нравится и, может быть, даже больше, чем просто нравится. Иначе зачем же он пригласил ее на эту вечеринку сослуживцев. Неспроста же.

Вечером у ее дома долго не расставались, затем поднялись к ней выпить чашечку кофе и, несмотря на ее протест, слабеющий от отсутствия весомых причин, были вместе до утра.

3

Из кухни донесся аромат кофе, окончательно рассеявший ночные видения и несвязные мысли. Я быстро встал и оделся.

Через закрытую дверь на кухню доносились обрывки фраз. Ирина говорила с кем-то по телефону:

– ...Нет не смогу к тебе сегодня приехать... Да, у меня... Ну, почему ты так говоришь... Нет, не предлагал... Какие те же грабли, о чем ты говоришь... Мне просто хорошо с ним... Ты неправильно меня поняла... Меня это устраивает... Я уже взрослая... Нормальный у меня характер, ну и что, что спорить люблю... Это не причина... Наверное, вся в тебя...

Понимая, что она говорит по телефону с мамой о нем, и желая прервать разговор, пока не дошло до перспектив брака и всех радостей семейной жизни, я нарочито громко кашлянул, вежливо обозначая для нее, что уже проснулся и иду в ванную привести себя в порядок.

Стоя босиком на холодном кафельном полу перед помутневшим от пара зеркалом с полочкой заставленной всяческими баночкам, тюбиками и прочей непонятной мелочевкой, бреясь одноразовой бритвой из командировочного набора, всегда лежавшего в портфеле, я размышлял над невзначай услышанными по телефону обрывкам разговора. Понятно, что хочет ее мама, но времена уже изменились, не до семейной жизни с кучей детишек и с их вечными сопливыми проблемами... Разве им сейчас плохо быть вместе по воскресеньям?! Можно было бы, конечно, и чаще, но вечная борьба за выживание и за хоть какое-то подобие благополучия не позволяет в наше время расслабляться. Так что пусть все остается как есть, или... Так легче будет обоим. Или будет тяжелей?.. По крайней мере мне... Меня неудержимо тянуло в эту непритязательную малогабаритную квартиру со старыми бумажными обоями в полоску и треснувшей плиткой кафеля в ванной, и с ней, открывавшей дверь с нетерпеливым недельным ожиданием. Всю неделю я ждал субботы, чтобы, отбросив все дела, промчатся через весь город и встретиться с ней.

Я и сам до конца не понимал тогда, в чем дело. Кружилась голова от дурманящего запаха ее вьющихся волос и жаркого ночного тела, от податливых преданных губ. Просыпаясь среди ночи, с удовольствием и нежностью наблюдал, как она спит, слышно дыша, прильнув к моему плечу.

Когда вышел из ванной, услышал:

– Ну, все, мама. Извини, я больше не могу говорить. Пока, пока, целую.

Ее подруги, из тех, что при безмерном любопытстве к чужой жизни считали своим святым долгом давать рецепты правильного поведения с мужчинами и при этом допускали удары судьбы в собственных любовных отношениях, подробно расспрашивали:

– Страстный ли он любовник? Как он к тебе относится? Что он вообще-то?..

Она смущалась от грубой прямоты вопросов, но, понимая, что уклонение от ответа обидит и так немногочисленных подруг, может оттолкнуть их, делала над собой усилие:

– Разный. Чаще нежный, а иногда пугает меня своей яростной страстью. Я пытаюсь его успокоить, – отвечала она, вспоминая, как первое время ее пугал незнакомый ей прежде напор, и она делала все, чтобы его остудить, в чем впоследствии и преуспела.

– Разве это плохо, когда человек страстный? Плохо, когда сдерживаешь чувства, это приводит к краху в отношениях. Может, и твой муж ушел от тебя по этой причине...

Она отвечала где-то вычитанными, а значит для нее совершенно справедливыми, непререкаемыми словами:

– Страсть всегда нарушает каноны морали, а необузданная страсть разрушает и мораль, и самолюбие человека. Делает его животным. Так и мама говорила. Наверное, она права, – и, подумав, неуверенно добавляла: – Может быть. А, может быть, и не так. Кто может поручиться, что у всех все происходит одинаково. Видимо, от природы зависит. От темперамента каждого человека и пары в целом.

Она считала, что они уже не в том возрасте и должны вести себя в постели благоразумно, без излишне суетливой и по-голливудски нарочитой страсти, просто и

осмысленно, понимая, что нужны друг другу, что вместе легче и удобнее жить в этом огромном городе, населенном чужими людьми. Ее теперь уже бывший муж был у нее первым и единственным мужчиной, и она привыкла считать, что все то, что он делает в постели, правильно, что так и должно быть, что у всех это так и происходит, и никак не иначе – буднично, раз в неделю...

Ирину радовала обыденность и неторопливость воскресных встреч, утренний кофе с бутербродами с вологодским маслом и нежной докторской колбасой на свежем молочно-белом батоне, валяние в постели перед телевизором, горячий ужин, который готовил он, считая, что мясные блюда должны готовить только мужчины. У мужчин это получается лучше. Он долго колдовал со специями и торжественно выставлял на стол свое поварское творение как всегда слегка пережаренное и пересушенное. Ей ничего не оставалось, как восторгаться и старательно делать вид, что все очень нравится. Все это запивалось сухим до терпкости красным вином, и она даже не заикалась, что любит более сладкое.

Их долгие беседы об искусстве, музыке, обо всем, что происходило и происходит в мире. И тогда у нее возникало чувство, что они знакомы давным-давно и что, возможно, они предназначены друг для друга. Это создавало ощущение тихого, почти семейного покоя и уверенности в завтрашнем дне. И она даже не предполагала, что Антон ожидает от нее больше страсти и винит себя в том, что не может в ней пробудить настоящую женщину и что, наверное, нужно время, нужно выждать, чтобы это, наконец, произошло.

Она не задавала вопросов, обычно возникающих у женщин, стремящихся оформить постоянство отношений, боясь нарушить то, что уже имеет. Надеясь в душе, что все это когда-нибудь произойдет, и он останется с ней навсегда.

В нем ей нравилось все, кроме некоторой доли цинизма, с которым он говорил о своей работе:

– Я по заказам крупных бизнесменов разрушаю бизнес конкурентов. Конечно, цивилизованными методами. Не так, как в ранние девяностые годы, а юридическими методами.

На замечание Ирины, что разрушение, на ее взгляд, очень плохая вещь и лучше бы заниматься созиданием, он говорил:

– Посмотри, что творится вокруг, кажется весь мир сошел с ума, он развратен до разнузданности, беспредельно жесток и воинственен, катится черт знает куда, и мне как разумному человеку совершенно его не жаль, тем более какой-то бизнес выскочек-нуворишей.

Ирина возражала, что не все так мрачно, как он себе представляет. Что есть незыблемые ценности в жизни. Но он отвечал, что не видит на что можно еще положиться, на какие такие незыблемые ценности.

– А семья, дети, любовь? – отчаявшись спрашивала она.

– Сегодня – это чисто женские понятия, только усложняющие жизнь! Я полностью занят работой. Нужно всеми силами стремиться вверх по карьерной лестнице. Ты видела фильм «Вертикаль» про альпинистов? Вот и карьерный рост напоминает мне подъем по отвесной скале: вбил крюк – поднялся на метр, вбил второй – поднялся еще выше. И так следующий крюк – выигранное дело, удачная сделка – и ты выше, выше в карьере.

– А мне не нравится фильм «Вертикаль». Убери из фильма музыку и песни Высоцкого – и все. Фильм вообще станет пустым. Несколько мужиков лезут и лезут, добираются до места, а потом спускаются в город и растворяются бесследно в толпе. Какая-то бессмыслица, одна из тех, которыми так увлекаетесь вы, мужчины. Часто с риском для жизни.

– Ничего ты не понимаешь. Это же вызов себе, адреналин и даже модель жизни...

– Полная чепуха. Какая может быть модель жизни в бессмысленном лазанье по горам, в гонках на мотоциклах и все такое? Жизнь-то совсем другое, с ежедневными, даже нудными, но настоящими событиями, которые мы, может, по достоинству не

оцениваем. С настоящими реальными событиями, а не искусственно созданными.

– Не хочу с тобой спорить, а то разругаемся. Все равно ты не поймешь. Я о карьере, а ты о фильме... Для меня карьера очень важна, и я не остановлюсь ни перед чем... Тебе – фотографу – этого не понять.

Она обиделась, он почувствовал это, но извиняться не стал.

Однако иногда сквозь завесу делового цинизма пробивалось его детско-наивное подсознание, и он сам поражался себе. Это часто проявлялось в разговорах о матери, которая вырастила его, дала образование без мужа, рано ушедшего из этой жизни, работая на двух работах и оставаясь при этом сумасшедшем ритме ласковой и нежной мамой. Вырастить гиперактивного подростка с непростым характером – очень трудная задача.

– Кто-то звонил? Все нормально? – спросил я как можно более равнодушным голосом, делая вид, что сосредоточен исключительно на бутерброде, а вопрос задал чисто формально, для приличия.

– Да, все нормально. Я с мамой говорила, спрашивала ее о здоровье. И все такое...

– И все такое? Это же самое интересное в разговоре двух женщин.

– Обычный разговор. Ты же разговариваешь со своей мамой о работе, о своих проблемах, об ее здоровье?

– Конечно, разговариваю. Не часто, к сожалению. Все время занят, бывает в тучке и забудешь. Время, сама понимаешь, какое стремительное.

– Что так? Мама разве не с тобой живет?

– Нет. Она пару месяцев назад уехала за город к своей двоюродной сестре. Считает, что ей там лучше, удобнее. Да присмотр есть, если что. Возраст приличный, и болеет последнее время часто.

– Когда ты проводывал ее последний раз?

– Недели две назад. Работы много. Все некогда, кручусь, как белка в колесе.

– Как ты можешь, знаешь, что мама болеет, и не навещаешь ее? Может, ей нужен хороший врач, уход? Езжай сегодня же. Слышишь? Вместо того, чтоб расслабляться тут...

– Хорошо, хорошо, поеду, раз ты меня выгоняешь, – всем своим видом показывая, что разозлился, ответил я. – Расслабляюсь, видите ли я у нее. Я думал – у нас другое... Не просто расслабуха.

Я встал, молча и зло оделся, прихватил с вешалки куртку и, уходя, нарочито громко хлопнул дверью. Пусть помучается.

Что-то тоскливо и коротко звякнуло в прихожей, стало очень тихо и пусто в квартире на третьем этаже.

Ирина вздрогнула от стука закрывающейся двери, некрасиво съежилась на стуле: «Чертов характер... на те же грабли... наверное, мама права...»

Я выскочил на улицу, снежинки нахально шипали разгоряченную кожу и, отчаявшись, безнадежно таяли. У мусорных контейнеров возился бомж в вязанной цветастой шапочке, из-под которой торчали седые, давно не стриженные волосы. Он рукавом замызанной куртки аккуратно смел снег с крышек и начал несуетливый интеллигентный разбор мусора. Выбрав что-то, на его взгляд, нужное, складывал в большой пакет. Лицо его было совершенно сосредоточенным, как у сотрудника секретной исследовательской лаборатории, занятого делом государственной важности. Просто и незамысловато живет человек в другом зазеркальном мире с другими правилами бытия и ему наплевать на тех, кто бросает презрительные взгляды в его сторону.

4

В понедельник я проснулся у себя от трезвона ненавистного будильника с исчезнувшим за ночь чувством досады от вчерашней размовки с Ириной. И что она взъелась на меня? Хотела сказать, что я равнодушный человек? Конечно, в ее словах

была толика правды, но только самая малая. Не такой уж я равнодушный. Вот, например... Примеры почему-то на ум не приходили. Наверное, еще окончательно не проснулся.

Выпил чашечку крепкого кофе и пошел в ванную бриться. Бритье я не люблю, мне совершенно не нравится собственное лицо в зеркале, особенно по утрам, незнакомое, чужое, с жестким взглядом припухших за ночь век. Внутренне я считал, что выгляжу несколько иначе – намного лучше и симпатичней.

С возрастом становлюсь все более похожим на отца с фотографии у мамы в альбоме. Отец обнимает маму и смотрит на фотографа таким взглядом, какой бывает у охотника, добывшего давно желанный трофей. Трофей, конечно, мама, красивая, тоненькая, изящная. Я страшно ревновал, считая, что мама должна принадлежать только мне. Когда отец умер, я даже, стыдно сказать, не сильно расстроился. Я всегда считал отца слишком жестким, не достойным матери. И вот я все больше становлюсь похожим на отца – такой же жесткий взгляд из-под густых бровей, те же несокрушимые очертания подбородка человека без лишних эмоциональных нюансов. Совсем не хотелось быть похожим на отца, предпочел бы походить на красавицу маму, хотя бы глазами, излучающими доброту и глубину чувств.

К офису подъехал на такси, так как оставил свою машину у дома Ирины.

Я еще в лифте смахнул с лица обычно присущее мне выражение некоторого равнодушия к окружающему и усталости от знания того, как непросто устроен сегодня мир с его постоянными конфликтами, непримиримой борьбой одних за лидерство, других за выживание и придал лицу выражение неиссякаемого оптимизма и готовности стимулировать сотрудников на трудовые подвиги, как учили в американском университете, где я получил степень МБА по юриспруденции.

– Коллеги, всем доброго утра! Как настроение? – взмах руки в приветствии. – Катя вы сегодня просто изумительно выглядите, впрочем, как и всегда, – фраза, предназначена молоденькой секретарше, которая вмиг расцвела, как алая роза. Пусть думает, что она нравится шефу – это придаст ей немного раскованности. Не помешает. Слишком зажата.

– Дима, привет, сегодня идем в тренажерный зал? – фраза младшему партнеру фирмы. Надо показать ему, что мы друзья, и летом на пляже нам предстоит продемонстрировать накачанные тела настоящих самцов, вызывая восхищение девушек.

– Алексей Сергеевич, как чувствует себя ваша супруга, как учеба вашего сына в университете, надеюсь все хорошо? – эта фраза была предназначена самому возрастному, наиболее опытному и безотказному сотруднику. Старая школа – не испорчен новыми временами необязательности и пустословия. Он надежная опора в бизнесе и ценит особое отношение и заботу начальства.

Так, кажется, ничего и никого не забыл. Утренний ритуал окончен и можно приступить к работе. С остальными сотрудниками, сидящими в комнатах в другом конце коридора, можно будет поздороваться и попозже, в течение дня.

– Через полчаса у нас встреча с важным клиентом, всем собраться в переговорной. Катя, приготовь все, как надо.

Когда я в который раз пытался дозвониться до Ирины, неизменно слыша «абонент временно недоступен», вошла Катя и сообщила, что все в переговорной и ждут только его.

Клиент пришел на встречу в сопровождении двух мужчин. Когда я вошел, гости засуетились, доставая из карманов визитки. Первым, небрежным жестом уверенного в себе человека, вытянул из позолоченной визитницы и протянул визитку генерального директора грузовой авиакомпании высокий мужчина средних лет, сидящий напротив. Он же представил своих сотрудников: финансовый директор – небрежный жест правой рукой, и коммерческий директор – небрежный жест левой рукой. Жесты, видимо, означали – что же делать, приходится работать с теми, кто есть. Не

бог весть какие, но, главное, преданные. Эти небрежные жесты, то, как он развалился в кресле, позолоченная визитница, дорогие золотые часы, костюм известного бренда сразу вызвали у меня подсознательную неприязнь, тщательно скрываемую.

Справа – лысый, невзрачный, в тяжелых очках финансовый директор, слева – вальяжно расположившийся в кресле плотный, самодовольный коммерческий директор компании, всем своим видом демонстрирующий, будто не он пришел просить помощи в чужой офис, а у него в кабинете все собрались. Его лицо показалось знакомым. Я взял визитки, сделал вид, что внимательно их изучаю. Дойдя до визитки коммерсанта, прочел его фамилию и понял, что это бывший муж Ирины. Это его самодовольное лицо я видел у Ирины на книжной полке на фото, прислоненном к собранию сочинений Достоевского. Как раз к тому же с романом «Бесы».

Генеральный говорил долго о проблемах компании, что-то о сертификате, срок которого истек, о происках конкурента, о высоких ценах на топливо, что снижает конкурентоспособность... Но так и не стало понятно, почему компания на грани банкротства...

Я слушал генерального директора, испытывая неприязнь к бывшему мужу Ирины, не желая ничего знать о человеке, который обнимал Ирину, целовал вот этими самыми толстыми губами. А теперь сидит развалившись, узел галстука приспущен, золотая цепочка поблескивает на шее... Взять бы за галстук и удавить за то, что был с ней близок, за то, что бросил ее, за то, что она после пяти лет супружества с этим гадом так и не смогла раскрыться как настоящая женщина и теперь приходится либо мириться с этим, либо шаг за шагом, постепенно пытаться ее раскрыть. К сожалению, пока без видимого серьезного успеха. Слишком крепко сидит в Ирине память о годах замужества и правилах поведения, привитых самовлюбленным мужем.

А Ирина почему-то не отвечает на звонки и сама не звонит. Может быть, что-то случилось?

Я объявил короткий перерыв в переговорах и попросил зайти в кабинет Алексея Сергеевича и Диму. Оставшись с ними наедине, спросил:

– Ваше мнение, господа-товарищи?

– Клиент представил полный пакет документов, все необходимые цифры, графики. Так что можно начинать, – ответил Дима, который во время переговоров успел пролистать документы в папках финансового директора.

Алексей Сергеевич согласно кивнул головой.

– Ну хорошо, так тому и быть. Обратите особое внимание на деятельность коммерческого директора. Что-то он мне не нравится, есть в нем что-то такое...

– Что конкретно тебе не нравится? – спросил Дима.

– Конкретно не могу сказать что, но чутье подсказывает... – зазвонил мобильник, я, не глядя, схватил телефон: – Ирина, привет!

Но это была не Ирина. Звонили из поселка, от мамы:

– Вашей маме совсем плохо. Врач говорит, что это может случиться вот-вот...

– Все понял, выезжаю.

Алексей Сергеевич дотронулся до моего плеча и спросил:

– У вас что-то случилось?

– Да, с мамой плохо, Алексей Сергеевич. Ничего не помогает... И врачам хорошим показывал, и лекарства нужные привозили друзья из-за границы... Ничего... А сегодня ей стало совсем плохо. Мне нужно уехать на несколько дней. Так что, друзья, работайте дальше с клиентом без меня.

– Конечно, конечно, езжайте, мама – это святое. Мы тут сами справимся.

На такси я помчался на вокзал, повторяя про себя: «Все будет хорошо, она обязательно поправится, она совсем еще не старая...»

В полупустой электричке сел напротив человека, читающего какую-то книгу. Присмотревшись, я узнал по цветастой вязанной шапочке в нем бомжа, которого видел у

мусорных контейнеров возле дома Ирины. Бомж был в другой куртке, не новой, но чистой и опрятной. Патлы аккуратно спрятаны под шапочку. Ногами в несезонных ботинках с полуразвязанными ветхими разлохмаченными шнурками он зажимал два увесистых пакета с книгами, стоящих на полу. Поразило, что бомж читал «Дневники» Франца Кафки. Это совершенно не вязалось с моим представлением о бомжах как о никчемных, отбракованных еще школой людях, забытых пьющими родителями, не приспособленных к современному ритму жизни, опустившихся на самое дно. Мало кто читает что-то серьезное вообще, а тут опустившийся человек с томиком Кафки...

Бомж вышел на моей станции, дошел с тяжелыми пакетами почти до дома, где лежала мама, и скрылся в соседнем таком же старом деревянном доме, с торчашими из-под снега голыми ветвистыми антеннами кустарников, готовыми ловить солнечные лучи как послания будущей весны.

5

Я, пьяно шатаюсь, с трудом неловко цепляясь за скользкие поручни, влез в пригородную электричку, идущую в город, и остался в прокуренном тамбуре, прислонившись в стенке, чтобы не упасть. Поредевшие снежинки кружились, как таежная мошкара, в тусклом свете перронных фонарей. Дверь закрылась, и электричка, набирая скорость, нырнула в темноту. Достал сигарету, закурил и почувствовал дурноту. За эти четыре дня в доме двоюродной тетки, где доживала последние часы умирающая мать, я выкурил, наверное, с десяток пачек отсыревших дешевых сигарет, купленных в сельском магазине, почти ничего не ел, а на поминках неожиданно для себя поддался уговорам соседских мужиков:

– Тебе обязательно надо хорошенько выпить, чтобы расслабиться. Где это видано – даже слезинки не проронил.

Я выпил несколько стаканов дешевой паленой водки из того же сельского магазина. Расслабило телесно до некоторого ослабления пространственной ориентации, но на душе лучше не стало.

Это время ожидания горькой неизбежности, а потом монотонного молоткового стука, пока делали и обтягивали черной тканью деревянный гроб, деловитого и остервенелого долбления мерзлой, поседевшей от снега земли на сельском кладбище, с незлобным ворчанием: «Приспичило умирать в такую погоду», неадекватного поведения соседей на поминках после рюмки-другой, вполголоса рассказывающих забавные, на их взгляд, истории, случавшиеся на похоронах, казалось обезумевшим калейдоскопом в руках деревенского дурачка, складывающего веселые картинки, вопреки страшному событию и моему состоянию бессилия и опустошенности.

Это обыденное и практичное отношение сельчан к смерти старого и неизлечимо больного человека злило меня. Казалось, что весь мир должен молча замереть возле умирающего. Впрочем, один такой человек был в комнате – тот самый бомж, которого я видел у мусорных контейнеров и в вагоне электрички, скрывшийся в соседнем ветхом домишке. Только теперь он был одет в чистую одежду, стоял у стены и тихо плакал.

Иногда сознание мамы прояснялось, она, оглядев присутствующих и увидев бомжа, произнесла:

– Володенька, и ты здесь. Видишь, какая я стала... Прости меня...

– Ну, что ты, Машенька, за что прощать-то. Как случилось, так и случилось. Не вини себя. Мне самому надо было по-другому. Вина на мне, а ты ни в чем не виновата. Ты все сделала правильно.

– Спасибо, – мама побледнела от боли и отвернулась к стене с дешевым гобелемом, на котором Иван царевич на сером волке куда-то, где их ожидает счастливая жизнь, мчит свою возлюбленную.

Было совершенно непонятно, что имели в виду мама и этот седовласый Володенька. Да я и не силился это понять. Ясно, что они давно были знакомы. Зримо, как застывший черно-белый кадр немого кино на весь тряпичный экран, глаза матери молили о спасении, будто только я – ее любимый сын – мог спасти ее или облегчить неотвратимый уход в неизвестность.

Я просидел сутки у ее постели. Когда мамины боли становились невыносимыми, медсестра делала обезболивающий укол. Мама, печально глядя на меня, тихо произнесла:

– Бедный ты мой. Остаешься один-одинешенек... не устроенный... Хотела видеть тебя женатым, в руках... хорошей, порядочной женщины... Внуков... Продолжение рода... Не удалось...

– Мама, о чем ты? Какая хорошая женщина? В наше-то время хорошая и порядочная – это уже миф. Такую, как ты, мне все равно не найти. Даже если и есть, как ее узнаешь в толпе?

– А ты в глаза посмотри, по глазам и узнаешь, глаза о многом говорят. И сердце подскажет. Помнишь, как на тебя смотрела та девочка, когда тебе было всего-то семнадцать ...

Она вдруг тяжело вздохнула, закрыла глаза и совершенно расслабилась, освобождаясь от всех тягот этого мира. Я понял, что мамы, моей мамы, уже больше нет и никогда не будет, и еще долго сидел у маминой постели, терзая себя мыслями – почему не смог ей помочь, все ли сделал, может, надо было показать другим врачам, повезти за границу...

Кто-то дотронулся до плеча и предложил выйти на улицу покурить. Я безропотно встал и вышел, пробираясь сквозь засуетившихся, невесть откуда набравшихся в доме соседей. Одни пытались соболезновать, другие пожимали руку и призывали держаться. Какая-то старушка, которую я впервые видел, обняла и произнесла примиряющее, валерьяновое успокоительное: «На все воля Божья». И еще что-то в этом духе, что обычно говорят в такие минуты для примирения той части души, которая называется совестью и чаще всего болит, с другой частью, радостно принимающей, что от тебя ничего в этом мире не зависит, что бы ты не делал, как бы не старался.

Облокотившись о перила крыльца, я пытался вспомнить важные эпизоды, связанные с мамой. Казалось, что это очень важно именно сейчас, когда она еще здесь, находится в доме, а не ушла в жуткое по неизбежности, никем не изведенное и не познанное, причудливо обросшее мифологией потустороннее.

Я напрягал память, но почему-то возникали только детские воспоминания, не складывающиеся в цельный мамин образ. Кем она была для меня? О чем думала, чем жила, о чем страдала, что ее радовало, огорчало... Вспоминались только мамины глаза, красивые и добрые, руки, вечно занятые работой по дому. Руки мыли мне голову, руки месили тесто, руки прибирали в квартире, стирали, гладили, штопали, зашивали...

«Надо было приехать с Ириной и представить матери как невесту, пусть ложь, но во благо, – подумал я. – Тогда мама не ушла бы из жизни с мыслью о том, что я не устроен...»

Электричка замедлила ход, люди начали вставать, засуетились, потянулись к выходу. Я поднял увесистый пакет, который кто-то сунул мне после похорон, шепнув, что так мама велела, и вышел на перрон. Жадно глотнув прохладного воздуха, я двинулся по узкому перрону, смешавшись с людьми, уверенными в своей долгой жизни на земле, и поэтому озабоченно и деловито спешившими в метро, в город, по делам.

6

Доклад Димы был более чем убедительным. Цифры, графики, расчеты, представленные в нем, не оставляли сомнения в том, что против компании последние два с половиной года велась целенаправленная работа с целью обанкротить ее.

Во время доклада я молча наблюдал за поведением генерального директора компании, приехавшего на встречу без свиты. Слушая доклад, он постепенно как-то сжимался,

уменьшался в габаритах.

– С вашего разрешения, мы негласно просмотрели в офисе электронную почту ваших сотрудников. Наши специалисты смогли восстановить большинство удаленных сообщений. Заявки на грузовые авиаперевозки от заказчиков почти всегда приходили на адрес электронной почты...

Я ждал этого момента, всегда интересна реакция клиента на неожиданную негативную информацию. Кто и как держит удар, из чего, в немалой степени, можно составить представление об истинном финансовом положении клиента, а значит о своем вознаграждении. Это достаточно интересные моменты в моей работе. Но на этот раз меня заинтересовало другое. Я ждал полного краха бывшего мужа Ирины. Сейчас на моих глазах произойдет окончательное и бесповоротное уничтожение ключевой фигуры компании и моего личного врага.

– Я думаю, вам не составит особого труда догадаться на чей адрес, – продолжал, как ни в чем не бывало, Дима. – Правильно, на адрес коммерческого директора. Дальше заявки напрямую перенаправляются вашему главному конкуренту с ценами, которые ваша компания предложит заказчику.

– И зачем ему это все было нужно? Он у меня получает хорошую зарплату и бонусы, он же теряет их, – не выдержал генеральный.

– Хороший вопрос. Мы с Алексеем Сергеевичем решили докопаться до сути, до причины такого, на первый взгляд, нелогичного поведения вашего коммерческого директора.

Дима сделал паузу, открыл бутылку с водой, налил в стакан и медленно выпил, оглядывая присутствующих внимательным взглядом, несомненно предполагая, что его информация произведет на присутствующих, в первую очередь на клиента, сильное впечатление.

– Нам удалось ознакомиться с учредительными документами конкурента, которому перенаправлялись заявки заказчиков, предназначенные для вашей компании и приносившие бы вам ощутимую прибыль. Так вот, в составе учредителей ваш дорогой коммерческий директор с двадцатью пятью процентами акций, а также его двоюродный брат под другой фамилией и еще несколько лиц с сомнительной репутацией...

Я продолжал внимательно наблюдать за реакцией клиента. После слов Димы генеральный вжался в кожаное кресло и, кажется, даже уменьшился в габаритах, но все еще пытался сохранять маску спокойствия на лице:

– Вот, с...ка! – сквозь зубы прошипел он.

– В первый год работы в вашей компании коммерческим директором он даже увеличил продажи рейсов, но потом они начали медленно падать, а у конкурента в той же пропорции расти, – продолжал свой доклад Дима.

– Все, хватит! Я все понял, можно не продолжать. Я его в порошок сотру, я его сгною... – произнес генеральный, теряя самообладание и переходя на ненормативную лексику, что никак не соответствовало его импозантному внешнему виду и имиджу известного бизнесмена. – Я же его почти родственником считал.

– Родственником?! Как это? Как вы с ним познакомились, как пригласили в свою компанию работать, да еще назначили коммерческим директором? Должность-то ответственная, ключевая, – оживился я.

– Он жених моей младшей сестры. Где-то познакомился с ней, вскружил ей голову, ушел от жены. Не знаю только развеялся официально или нет. Не узнавал. Работал в коммерческом отделе крупной компании, я и взял его к себе, сестра попросила. Начал хорошо, очень хорошо работать... И я назначил его коммерческим директором, будущий зять все-таки...

– Получается – «зять, чтобы компанию забрать» – и что вы теперь собираетесь делать? Зять все-таки, родственник, – поинтересовался я, замечая, что начинаю жалеть

клиента, который столько сил потратил на компанию. – Вам нужно будет принять простое решение.

– Я его, конечно, уволю. Пока не знаю как, учитывая его плотную связь с криминальными структурами в прежней компании, но постараюсь это сделать. Поговорю с сестрой, чтобы отменить свадьбу. Это тоже будет не просто...

– Если вы его уберете из компании, а это основная, хоть и не единственная причина нынешнего состояния вашей компании, мы можем помочь вам восстановить положительный тренд развития. Наш анализ показывает, что у вас неплохая компания с хорошими специалистами, летным и техническим персоналом. Но с коммерческим директором вы должны расстаться.

– Хорошо, я подумаю. Решу свои вопросы, сделаю свое «домашнее задание» и перезвоню, – сказал генеральный прощаясь.

Когда мы с Димой вошли в бар на пятнадцатом этаже, там было совершенно пусто. Одиноким бармен в белой рубашке с бабочкой стоял облокотившись на барную стойку спиной и смотрел новости по телевизору, висевшему над батареей разноименных бутылок, предназначенных разогревать, расслаблять, пьянить, развязывать языки молчунам, делать из разговорчивых угрюмых молчунов и многое другое в зависимости от крепости и количества потребленного.

Бармен нехотя отвлекся от телевизора, налил в стаканы со льдом виски и снова повернулся к экрану. Мы взяли стаканы и бутылку и пошли к маленькому столику у окна.

– Да выключи ты этот ящик. Смотреть невозможно, сплошная тоска, – крикнул Дима бармену.

Бармен послушно переключил канал. Там надрывно пела Земфира – ...я ворвалась в твою жизнь, и ты обалдела. Я захотела любви, ты же не захотела...

– Блин, одно дерьмо по всем каналам, – вскипел Дима.

– Да расслабься ты.

– Расслабься? Что за страна, где пьяный в стельку президент падает с трапа самолета или под кайфом дирижирует немецким оркестром, или стреляет из танка по депутатам, где в столице взрывают жилые дома, где не различишь криминал и бизнес, какой-то пройдоха Березовский управляет страной... Сегодняшняя история с компанией, то, что в ней происходит, очень типично для нашей страны. Свалить бы отсюда туда, где поспокойней. Где люди нормально живут. Уеду обязательно, чтобы не видеть весь этот маразм. Ты бывал там за бугром, как там?

– Зачем же сразу уезжать? Поменяется президент...

– Да он нас с тобой переживет, ни хрена не поменяется, так что свалю куда-нибудь. Эх, хотя бы одним глазком посмотреть, как там живут.

– Нас нигде не ждут и не очень любят. А там то же самое, что и у нас, только в красивой упаковке. Больше всего я скучаю по Ташкенту. И город другой, и люди совсем другие. Нет такой злости и агрессии, как здесь. Иногда хочется все бросить и вернуться. Только там уже за эти годы никого и ничего связывающего меня не осталось. Но лучше всего там, где родители, любимая женщина. Без них – пустота. А у меня теперь нет ни мамы, ни любимой женщины... все потерял.

– Первый раз от тебя слышу такие высокопарные слова – любимая женщина. На тебя это не похоже.

– Мне только теперь стало понятно, что мама была связующим со всем миром, звеном: родственниками, знакомыми. Я не ценил этого. У меня даже адресов и телефонов родственников нет. Бах – и пустота, вакуум вокруг. После похорон мне передали пакет. По возвращению домой, бросил в прихожей. Утром, отрезав, решил посмотреть, что в пакете...

– И что же там было?

– Ну там мамины колечки, сережки, какие-то медали за что-то, целая кипа старых

документов. Еще не разобрал. Но самое интересное – в пакете был большой альбом с фотографиями. Разглядываю фотки. В самом начале групповые пожелтевшие снимки предков, часть сидит, часть стоит за ними и вокруг, все напряженно смотрят в объектив. Такое впечатление, что для них было крайне важно оставить след на земле, чтобы потомки помнили о них. Смотрю я на них и понимаю, что ни фига о них не знаю, о своих прадедах... Листаю дальше, на фотографиях следующее поколение нашей семьи. Одни в военной форме тех времен, другие в купеческих дорогах шубах... Как-то мама рассказывала, что по ее линии купцы какой-то гильдии, а со стороны отца сплошной пролетариат. Как они потом пересеклись, соединились в одну семью – не понимаю. Дальше фотографии вообще непонятные. Кто-то из моих дедов выступает с трибуны на фоне лозунга о пятилетке, он же с велосипедом в кожаных брюках и кожаной куртке, на лбу странные очки, он же в военной форме, или на отдыхе в Крыму с мамой... А женская половина нашей семьи – это просто история моды тех времен, к тому же красивые и веселые... Короче говоря, я пролистал историю своей семьи, так ничего толком и не узнав. А теперь и расспросить уже не у кого. А потом пошли мои детские фотографии, где я с мамой и папой, потом мое взросление, потом пошли пустые листы. Документальное кино с неизвестной мне историей кончилось, так и не разъяснив мне сути увиденного. Так что, Дима, от себя не убежишь, ни за каким бугром, как ты говоришь, не спрячешься. Крепко мы связаны со своей страной, своими предками. Это все у нас внутри сидит...

Я разлил по стаканам и, не дожидаясь Димы, выпил. Дима молча выпил свой стакан, разлил остатки из бутылки и добавил лед.

– А Ирина это что-то особенное для меня. Даже объяснить не могу, даже себе. Просто мое, что ли...

– Твое-то, твое, а поругаться успел. Нет в тебе тонкости, такта в отношениях с женщинами.

– Какая там тонкость в отношениях? Посмотри, какие бабы вокруг. Один умный человек как-то сказал, что патриархат уничтожил в мужчинах тонкость и чувствительность переживаний, присуших женщинам, а у женщин выработал удивительное чутье и устремленность на проект – этот мужчина будет мой и только мой.

– Дурак твой «умный человек». Как можно так судить о всех женщинах? Что, и мама твоя такая была, или моя мама, или моя сестра, которая живет с мужем инвалидом и, веришь, не собирается его бросать, потому что любит его. Просто любит без всяких умных высказываний.

– Может быть, может быть...

– Тебе надо помириться с Ириной и относиться к ней тоньше. И вообще к людям вокруг тебя, работающим у тебя. Вот меня ты в бар позвал, а Алексея Сергеевича нет.

А ведь он провел весь анализ компании клиента один. Я больше ковырялся в документах конкурента. Мог пригласить, ну выпил бы старик рюмочку, но настроение ему бы ты поднял. А то: «Алексей Сергеевич, как чувствует себя ваша супруга после перенесенной простуды?» А у нее не простуда, а астма. Или: «Катя, как хорошо вы сегодня выглядите». А эта Катя после работы еще и полы мыть остается. У нее в деревне старики, и она им деньги посылает, а просить прибавки к зарплате не смеет.

– Ну, а ты не мог мне это раньше сказать?

– Скажешь тебе, как же... Ты же никого и ничего не видишь вокруг, – у Димы начинал заплетаться язык, но он старался выговаривать слова правильно.

– Ладно, Димка, допивай свой виски и пошли отсюда. Припозднились мы сегодня... Потом как-нибудь еще поговорим обо всем.

Я поднялся, подошел к бармену и расплатился. Бармен не глядя взял деньги, даже не отрываясь от телевизора. В ящике Земфира пела: «Я же зверь-одиночка, промахнусь, свихнусь ночью – не заметит никто...»

«Точно – по ночам от одиночества можно и свихнуться. Надо что-то делать с этим», – подумал я, выходя из бара.

7

– Гера, привет! Как поживает твоя галерея? Как ты сам? – как можно проникновеннее произнес я по телефону.

– Ба! Надо же, ты, собственной персоной, не прошло и года, как позвонил, – с издевкой ответил Гера. – Как говорила моя мама: «Если большой человек тебе звонит, значит от тебя ему что-то очень нужно». Надеюсь, дело не в деньгах? У меня как раз сейчас с ними напряженка. На все остальное я соглашусь.

– Гера, я совсем по другому поводу. Ты помнишь, я у тебя на выставке познакомился с Ириной? Я ей несколько дней звоню, но она не отвечает. Она мне очень нужна. Не случилось ли с ней чего.

– Ну, слава Богу, что вопрос не про деньги. Не хочу тебя расстраивать, но у нее все хорошо. Она в Вене на выставке своих работ. Поэтому и не можешь дозвониться. Должна сегодня вернуться. Точное время сказать не могу, не знаю.

До приезда Ирины было достаточно времени, и я зашел в кафе напротив ее дома, чтобы согреться. Взял кружку теплого пива, пару бутербродов с залежалым сыром и огляделся в поисках свободного места. У окна увидел знакомого бомжа, одиноко сидящего за маленьким столиком. Это его мама перед кончиной называла Володя, я направился прямо к нему. Бомж макал кусочки картофеля в кровавый кетчуп, вилкой собирал на краю тарелки луковые кольца, кружка пива стояла нетронутой с давно осевшей пеной.

– Свободно? – я показал на единственный стул рядом.

– Свободно. Садитесь, – не поднимая глаз ответил бомж, назвав меня по имени.

– Вы меня знаете? И вообще, что вы за человек такой странный? То я вас вижу в замызганной одежде ковыряющимся в мусоре, то прилично одетым у постели моей мамы, и она вас по-дружески называет Володенька. Что это все значит? Вы что, ведете двойную жизнь, вам мусорные баки дают хороший навар, или это у вас хобби такое ковыряться в чужом мусоре? И вообще, кто вы, и откуда знаете мою маму, мое имя? Расскажите.

– Вам что, действительно все это интересно? Или просто так, подколка с легкой издевкой?

– Нет никакой подколки с издевкой. Просто эти дни были для меня очень тяжелыми. Иногда срываюсь. Мне правда интересно узнать о вас подробно. Место и время встречи вас не смущает? Вот и хорошо. Рассказывайте... Пожалуйста.

– Зовут меня Владимир Сергеевич Гранский, с вашей мамой мы знакомы еще со школы, в Ташкенте учились в одном классе, жили недалеко друг от друга. Во дворе, где жила ваша мама, если мне не изменяет память, жили еще семей двадцать, если не больше. Так вот, наш двор выходил фасадом на улицу Ленинградскую, бывшую Петроградскую и центральную площадь, которую мы называли Красной площадью по аналогии с московской. Из школы, которая находилась на улице Гостеприимная, это рядом, в ста шагах, шли вместе, я даже портфель ее носил, по математике помогал. Влюбился сильно.

– Странное название – Гостеприимная.

– Точно не знаю, откуда такое название, но школа находилась в здании, принадлежавшем до революции купцу Иванову, потом он сделал его гостиницей – гостеприимным домом – потом там располагалось Общественное собрание, а в тридцатых годах оно стало мужской школой, дневной и вечерней. Когда я в ней учился, это была очень хорошая школа с сильными педагогами. Интересно то, что некоторые преподаватели жили на территории школы. Помнится, преподаватель физкультуры с

женой, преподающей немецкий язык, старшая пионервожатая, уборщица с дочерью жили в отдельных квартирах прямо во дворе школы.

– Вы говорите – мужская школа. А как же в ней училась моя мама?

– Когда я перешел во второй класс, произошло объединение школ. История Ташкента весьма интересна. Если будет желание, я вам покажу фотографии старого Ташкента, могу и рассказать многое... О названиях улиц, мест. Как вам такие названия – Лабзак, Дархан, Урда?.. Так на чем я остановился? Ах. Да... После ташкентского землетрясения она с родителями переехала в новый дом на окраине города, но мы не потеряли связи, хоть и виделись редко. После окончания университета я уехал в Москву, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую, потом докторскую. Тема была новая и очень интересная – активная фазированная антенная решетка. Мне удалось найти несколько интересных решений. Но про это вам будет неинтересно, слишком специфично. Когда я узнал, что ваша мама вышла замуж, тоже через год женился на лаборантке нашего института. После аспирантуры работал в закрытом НИИ... – Владимир Сергеевич уставился в какую-то точку на столе и надолго замолчал.

– Так все хорошо у вас было? Почему же вы сейчас в таком положении?

Владимир Сергеевич поднял влажные глаза и продолжил:

– Наверное, все хорошо не бывает вообще, в принципе. Так устроен мир – равновесие, устойчивость достигаются только в противоборстве противоположностей. Даже в одном человеке уживаются противоречия: где есть плюс, там должен быть и минус... Когда вы с мамой переехали в Москву, я случайно встретил ее в метро. Виделись редко, больше перезванивались. Ничего между нами не было, юношеская влюбленность была уже в прошлом, в далеком прошлом. Мы просто стали хорошими друзьями, вспоминали Ташкент, сквер в центре города, тенистые улицы, фонтаны, общих знакомых...

Когда вспоминается Ташкент, со мной происходит совершенно невероятное – душа то ноет, то скулит, тоскует по родному городу. Говорят, что это просто ностальгия. Может быть, может быть... Но мне в эти минуты кажется, что там прошли мои лучшие годы, и что город самый замечательный, и люди там самые доброжелательные. Вспоминается, как я сидел на скамейке в сквере с девушкой и болтал всякую всячину, а она восхищенно смотрела на меня. Вспоминаю улицы, парки, базары... И забываю напрочь, что летом жара невыносимая, что зима не зима... вообще все плохое забывается.

Тогда мне показалось, что время в кафе остановилось, люди замерли в самых неожиданных позах, пышногрудая официантка с четырьмя кружками пива так и не смогла дойти до столика, за которым уже хорошо подвыпившая компания застыла в позах нетерпеливого ожидания, голоса смолкли, наступила полная тишина, даже дым сигарет повис в воздухе замысловатыми облачками. Потом время, скрежеща зубчатыми колесиками, повернуло вспять и отправило меня во времена детства и юности – в удивительный город, не похожий ни на один другой город Земли, крепко привязывающий к себе невидимыми нитями, куда бы ты не уехал.

Владимир Сергеевич продолжал говорить, и люди в кафе задвигались, загалдели, сигаретный дым взвился к потолку, а официантка громко стукнула кружками о стол, немного расплескав пиво.

– Ну что, мужики, рассчитаемся?

Мираж растаял, исчезли столетние платаны сквера и сам сквер, исчезли горячий воздух юга, ароматы базаров, вернулись зимняя заснеженность улиц за окном, запахи, лица...

– Восемь месяцев назад после тяжелой и, к сожалению, неизлечимой болезни скончалась моя жена, – продолжал Владимир Сергеевич. – Остался совсем один. Детей у нас нет. Я запил. Испугался самой мысли, что я остался совсем один. На работу не являлся недели три или больше, может месяц, даже не помню. За прогулы меня уволили, но тогда в запое мне было на все наплевать. И это еще не все. Дверь в мою квартиру

была всегда открыта. Приходили какие-то собутыльники, оставались ночевать. Знаете, собутыльники всегда появляются откуда-то, когда запьешь, будто из воздуха. Однажды не на что было выпить, и я за пару бутылок водки и тоненький конвертик с деньгами подписал какие-то бумаги. В результате остался без квартиры, без вещей, на улице. Решился и позвонил вашей маме. Она тотчас позвала меня к себе в деревню. Пожил у нее пару недель, пришел в себя. Рядом по соседству продавался домик. Я купил его на деньги, полученные за трехкомнатную квартиру в Москве. Как раз хватило...

– Жить вам есть где, на работу можно попробовать восстановиться или другую найти, а вы возитесь в мусорных контейнерах и, кстати, почему именно у этого дома? Можно же выбрать другие дома, побогаче, – заметил Антон, нервно поглядывая то на часы, то на подъезд дома Ирины.

– Так моя квартира та, которую я потерял, в этом доме, в том же подъезде, в который вы ходите, только этажом выше... Я созвонился с новыми жильцами и попросил отдать мне хотя бы мою библиотеку. Домой меня не пустили, но согласились по частям выкидывать книги в мусорный контейнер. Им мои книги не нужны, а библиотека отличная, ее еще мой отец собирал. Я сижу здесь и жду очередной порции. Почти полбиблиотеки уже перевез в деревню. Себе они только детективы оставили. Да и черт с ними! А одеваюсь так... Что же мне в галстук этим заниматься?

Сам не знаю почему, но мне стало жалко этого человека, еще не старого, но потерянного и совершенно одинокого. Чувство одиночества последние дни часто посещало и меня. Будто ты один в лесу, кричишь: ау! ау! Деревья молча стоят и равнодушно смотрят на тебя сверху вниз. Так и в городе, только не деревья, а люди. Они двигаются, разговаривают между собой, иногда ненароком могут задеть и тебя, равнодушно извиниться, их – людей – много, в метро даже слишком много, но это сути не меняет – ты одинок, как в глухом лесу.

Вообще-то я терпеть не могу минуты слабости, когда начинается раздвоение сознания. Часть сознания говорит: «Ну что тебе до этого опустившегося человека, ну жалко этого человека, ну и что с этого? Он тебе никто, плюнь и забудь, займись собой, своими проблемами, их у тебя самого хватает». Другая часть: «Ты же можешь ему помочь, у тебя есть возможность. Он твой земляк, хороший знакомый твоей мамы, он же просто оступился, упал, тебе просто надо протянуть ему руку. И мама наверняка оценила бы твой поступок, похвалила бы как за пятерку в дневнике». И я решился:

– Владимир Сергеевич, давайте сделаем так. Вы мне напишете данные вашего НИИ, где находится, кто директор, отдадите все документы по вашей квартире, и я попробую вам помочь.

– Да ни к чему все это. Я уже привык к нынешнему своему положению. Оно даже некоторые преимущества имеет – никуда не надо спешить, рваться изо всех сил к какой-то цели, зачастую мифической и ненужной.

– Полная чепуха! Так жить нельзя, без цели! И можете считать, что я не ради вас хочу помочь, это мама попросила... И никаких возражений.

Я достал блокнот и ручку и подал Владимиру Сергеевичу. Тот записал данные и вернул блокнот. В это время к подъезду подъехала такси и вышла Ирина. Я быстро попрощался с Гранским и заспешил из кафе, лавируя между посетителями. Уже вслед услышал:

– Она очень хорошая женщина. Не упустите свое счастье...

8

– Не упустите свое счастье, – произнес Гранский вслед уходящему Антону. – Зачем я это говорю? У молодых свое мнение, свои ориентиры в жизни, и они совершенно не нуждаются в наших советах. Наверное, так уж устроено: каждое поколение считает себя умнее предыдущего...

В окно кафе Гранский видел, как Антон пересек улицу, подошел к Ирине. Она его поцеловала, он засуетился, взял чемодан и большой пакет, и они вместе скрылись в ее подъезде.

– Владимир Сергеевич, вам что-нибудь поесть принести? – спросила официантка Дарья.

Гранский знал ее еще с тех далеких времен, когда это кафе было обычной пельменной с традиционным набором: «Вам со сметаной или с уксусом?»

– Даша, принеси, пожалуйста, двести грамм водки и огурчиков.

– Водки не принесу. Вам нельзя. Только-только вы в себя начали приходить, на человека стали похожи.

– Ну принеси, пожалуйста. Душа болит, тяжелые воспоминания мучают.

– А вы о чем-нибудь хорошем думайте, о детстве, о молодости. Наверное, в детстве не все плохо было. Детство у всех хорошее. И у меня детство в деревне было просто замечательное, свободное, как у птицы, пока я – дура – не приехала в город. Вот и маюсь теперь с подносами и грязной посудой. А думала выбьюсь в люди, в институт какой-нибудь поступлю, замуж за хорошего человека выйду. Нет, муж мой, конечно, ничего так. Как все, только по праздникам и выходным принимает. Вы-то откуда будете?

– Я из Ташкента.

– А где это?

– Ты что ж, географию не знаешь? На юге это, в Средней Азии.

– Да у нас в деревне в школе географички вовсе не было и биологички тож. Кто ж из городских да чистеньких будет жить в нашей глухомани: в распутицу в сапогах ходить, летом комаров кормить, зимой морозиться.

Посетителей в кафе значительно уменьшилось, и Дарья присела рядом с Гранским, положив тряпку на краешек стола.

– Какое же у вас детство-то было? Небось и няня была, и баловали вас...

– Да какое баловство после войны, какая там няня... Голодно вато жили. Помню, как-то наш сарайчик обокрали. Украли-то немного – мешочек с мукой, пару банок варенья, банку с сахаром, еще что-то по мелочам. Мама в слезах. У нас во дворе жил вор. Видимо, авторитетный, раз папа пошел к нему и рассказал о краже. Раньше не принято было, чтобы во дворе, где живет вор, крали. На следующий день мама пошла в сарайчик, а там большой мешок муки, мешок сахара, топленое масло и записка с извинениями, что, мол, не знали, у кого во дворе воруют, только вот варенье успели съесть, а похуже не нашли. Столько радости было в семье! Не до баловства сразу после войны-то.

– А тех, кто украл, не поймали?

– Да нет, кто будет этой мелочью заниматься? После войны в Ташкенте были не только местные жители и эвакуированные, понаехало много крупных воров и мелких воришек, много покалеченных войной. Безногие развезжали по улицам на маленьких возочках с подшипниками вместо колес и просили милостыню. Ташкент город не только гостеприимный, но и теплый, не то что северные города. Там легче было выжить.

– Даша! Иди на кухню, помоги там! – крикнула из раздаточной объемная женщина в фартуке с замысловатыми пятнами, напоминающими недельное меню.

– Зовут меня, надо идти работать. Интересно вас слушать, да только денежки надо зарабатывать. Я вам пива принесу, но только это все, иначе вы опять в запой надолго уйдете, а когда вернетесь – неизвестно.

То, что Даша спросила про детство, заставило Гранского задуматься – а действительно, каким же было его послевоенное детство? Можно ли детство любого человека охарактеризовать однозначно? Вот ему лет семь или восемь, он смотрит в окно со второго этажа во двор. Двор пуст, а солнце уже так низко и ярко освещает крону

огромной урючины посреди двора. Урюк никогда не успевал поспеть, совсем мелким и зеленым съедался пацанами. Мама достала где-то синий сатин и сшила ему трусы «на выход» с тонкой белой каймой по нижнему краю и двойными полосками по бокам, и ему не терпится выйти в них во двор, чтобы друзья в обычных черных трусах обзавидовались.

Наконец, он слышит знакомый призыв:

– Кто будет играть в кули-куликашки?

Жорка вышел, Костя.

– Вовка, выходи!

Он поворачивается к маме, штопающей носки, одев носок на перегоревшую лампочку:

– Мам, я выйду?

– Иди, только недолго, и не пачкайся, воды в доме только с полведра осталось.

Мы ведрами таскаем воду с другого конца двора. Лишь бы мама стирку не затеяла! Вот тогда натаскаешься – через весь двор наверх на второй этаж чистую воду, вниз – после стирки. А сейчас он выбегает счастливый в новеньких трусах играть с друзьями.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Шесть, семь, восемь, девять, десять, я иду на целый месяц. Кто не спрятался, я не виноват...

Разве это не счастливое детство? А то, что разносолы на столе только по праздникам, а все больше картошка, приготовленная в чугушке в русской печи, с топленным маслом, так на это не очень-то и внимание обращаешь, сытно же. А вечером перед сном большой кусок хлеба и стакан молока, который ты сам принес в трехлитровом бидоне из гастронома, что на углу Ленинградской и Кирова. Здорово, когда мама испечет пирожки с картошкой или шаньги. Мама родом из Иркутска, там шаньги любят и пекут все.

Гранский отхлебнул пива и продолжил вспоминать, хоть и считал воспоминания первым признаком наступления старости, но все же ощущал их утешением и подтверждением того, что ты жил на этом свете и, возможно, не зря.

Он уже постарше и с пацанами бежит на Комсомольское озеро. Медленно ходить не получается – асфальт жжет босые ступни, приходится делать пробежки от тени до тени могучих деревьев. Вода в озере, вырытом комсомольцами в сороковые годы, намного теплее, чем в речке Анхор, впадающей в это озеро. На Анхоре течение сильное, там купаются ребята постарше, прыгают с «тарзанки» и быстрыми саженками плывут к берегу. После купания в озере ватага останавливается у открытых зарешеченных окон хлебозавода, расположенного у центрального выхода. От запаха свежеспеченного хлеба начинает кружиться голова и громко урчать в животе. Самый смелый начинает жалобно, слезно канючить:

– Тетенька, дайте, пожалуйста, кусочек хлеба, мы с друзьями с голода умираем.

«Тетенька» в белом халате и белой косынке с распаренным до красноты от печного жара лицом выглядывает в окно и, видя, что нас аж штук шесть пацанов с нарочито втянутыми до позвоночника животами и кислыми лицами, устало улыбается и, оглядываясь, чтобы никто из начальства не заметил, просовывает через решетку горячую буханку хлеба.

– Ну-ка, марш отсюда! Ишь, чего захотели, хлеба им дай! – выкрикивает она злобно вдогонку, демонстрируя ничего не заметившим подругам по цеху строгую непреклонность, когда вопрос стоит о защите социалистической собственности.

Ватага, забежав за угол, делит хлеб на всех поровну, особенно хрустящую корочку. Это был, наверное, самый вкусный хлеб детства.

В кафе ввалилась шумная подвыпившая компания, начала сдвигать два стола вместе, выкладывать принесенное спиртное, снабжая каждое свое действие обилием идиоматических выражений, часто не совпадающих по смыслу с происходящим. Двое из них пошли делать заказ, переругиваясь между собой.

Светлое пятно воспоминаний Гранского сузилось до точки, вспыхнуло и погасло, он медленно поднялся со стула и направился к выходу. Вспоминать что-то далекое и приятное в шумной обстановке чужого безумия совсем расхотелось.

9

Когда я подошел, Ирина стояла с чемоданом и кучей пакетов у двери подъезда, прикидывая, как лучше ей все это за один раз поднять на свой этаж. Увидев меня, спешащего к ней, поцеловала и произнесла как ни в чем не бывало:

– Как хорошо, что ты меня встречаешь. Ума не приложу, как все это смогла бы поднять в квартиру. Не удержалась, накупила всякого барахла. Кстати, тебе тоже есть кое-что. Там такие галстуки продавались, что не устоять, я купила тебе три штуки. Мне наш переводчик помог выбрать. Пойдем скорее, не терпится распаковать покупки. А кофе какой я купила, обалденный, сейчас и попьем.

Я хотел, но не сказал, что не мог до нее дозвониться, переживал из-за ссоры и, приняв правила игры Ирины, все негативное решил забыть напрочь, радоваться дурацким галстукам, купленным по вкусу какого-то пройдохи-переводчика, которого я сразу возненавидел.

Всю неделю я был занят, заезжая в офис только на часок-другой, чтобы справиться о текущих делах. Я договорился о встрече с новым директором института, в котором работал Гранский. Мне заказали пропуск, по широкой лестнице поднялся на второй этаж в кабинет директора.

– Очень рад, что нашли возможность приехать к нам в институт. Когда вы позвонили и сказали, что знаете Гранского, видели его, что он жив и здоров, мы были поражены. Почему-то считалось, что он умер. Знаете ли, ходили слухи, что, так сказать, на почве алкоголизма, сердце не выдержало. Мой предшественник ушел не так давно на пенсию, а человек он старой закалки, лучше сказать, времен очень строгих, бескомпромиссных. Когда меня назначили директором, я два дня посвятил обходу отделов, лабораторий. В кабинете Гранского увидел его письменный стол и попросил открыть ящики. Там лежали папки с его, Владимира Сергеевича, записями, чертежами, набросками. Начал разбираться вместе с сотрудниками его отдела, наверное, неделю разбирались, и что вы думаете? В них было практически готовое решение проблемы фазирования при... Ну это вам совсем неинтересно, да и не нужно. А совсем недавно наш институт посетил премьер и поставил большие задачи, связанные с обороноспособностью страны, и даже финансирование обещал.

– Как я понимаю, вы готовы вернуть Владимира Сергеевича в институт, чтобы он мог продолжить свою работу? Правда, я не знаю захочет ли он сам теперь вернуться. Он сильно обижен, что никто даже не поинтересовался, что с ним, никто не помог, хотя бы словом, да и статья увольнения за прогулы не красит биографию. Вы теперь сами попробуйте его уговорить, немного можно и приврать, что премьер-министр лично интересовался его работой. Только прошу вас ничего не говорите обо мне. Не хочу, чтобы он чувствовал себя обязанным. Я запишу вам как Владимира Сергеевича найти.

– Не беспокойтесь, все сделаем как надо и приказ об увольнении заменим приказом на отпуск... Такими специалистами не разбрасываются, тем более в наше время, когда молодежь не особенно-то стремится в науку. Деньги-то, мягко говоря, не очень, а трудиться надо капитально. Еще раз спасибо вам за то, что помогли нам найти Гранского.

После встречи в НИИ я заехал в крупный центр мебели на кольцевой, долго выбирал, советовался с продавцом, оплатил покупку, оставил адрес и поехал в свою квартиру, где вовсю шла уборка после ремонта. Переговорил с бригадиром, нарисовал на листочках план расстановки мебели в каждой из трех комнат и, убедившись, что

все идет по плану, позвонил институтскому приятелю в прокуратуре и договорился о встрече в обеденный перерыв.

Ирина наконец дозвонилась до мамы:

– Я, наверное, час звоню, а ты не поднимаешь трубку.

– Что же, я из дому выйти не могу? Новый год на носу, купила кое-что из продуктов. Не ждать же, когда ты соизволишь позаботиться обо мне, старушке, я же тебе не родная мать...

– Не ворчи, никакая ты не старушка. Роднее и ближе тебя у меня никого нет. И звоню я тебе по поводу новогодних праздников. Есть предложение встретить Новый год всем вместе.

– И зачем я вам нужна? Я уже продукты купила, шампанское, сделаю оливье, посижу одна у телевизора, да и платья подходящего у меня нет.

– Вопрос с платьем мы решим. А пойти надо, Антон не зря несколько раз сказал, чтобы я обязательно пришла с тобой, так и сказал: «Обязательно возьми Елену Владимировну».

– Ну надо же, что это с ним произошло, что про меня вспомнил. Может, головой стукнулся...

– Ты же знаешь, у него мама умерла, он как-то сразу изменился, стал внимательнее, добрее. А может, что-то важное хочет сообщить.

– Ну, не знаю, не знаю. Не хотелось бы вам мешать. Но, если ты с платьем можешь, так и быть, пойду. Послушаю, что он может сказать, если полгода ничего не говорил, а просто спал с тобой по праздникам. «Обязательно возьми Елену Владимировну...» Что я вещь какая? А что он делал в будни, бог его знает. Все они...

– Мама, перестань, пожалуйста. Что за привычка всех хаять и думать о незнакомых людях плохо. Можно же надеяться на хорошее. Тебе оптимизма побольше бы не помешало. Помолодела бы сразу лет на...

– Так что ты там про платье говорила?

В обед я встретился с товарищем из прокуратуры и передал ему документы по квартире Гранского. Товарищ обещал заняться, тем более, что часть группы «черных риелторов» уже дает показания, и дело Гранского очень похоже на те аферы, которые они проворачивали с другими квартирами. Слава богу, что Гранский остался жив после этой сделки. Некоторых обманутых владельцев квартир так и не удалось найти.

Подъехав в офис, я официально пригласил на встречу Нового года ближайших сотрудников. Последним позвонил Гере:

– Гера, я сделал евроремонт в своей хате и приглашаю ближайших друзей встретить Новый год у меня. Звоню заранее, чтобы сорвать твои планы. Ты как?

– Ой, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь! А девочки будут?

– Будет для тебя молоденькая и очень симпатичная.

– Антон, я тебя уважаю, даже не знаю за что.

10

– Начало года с было установлено римским правителем Юлием Цезарем в сорок шестом году до нашей эры, а период вращения Земли вокруг Солнца составляет... – объяснял Владимир Сергеевич Елене Владимировне, держа фужер в руке, – а через несколько часов наступит не только новый двухтысячный год, но и новое столетие, даже тысячелетие. Конечно, скажете вы, это условности, и будете абсолютно правы. Но люди всегда придавали и придают числам магическое значение...

Елена Владимировна помогала сервировать большой стол в моей квартире и слушала Гранского, незаметно внимательно его разглядывала. Без сомнения, он ей понравился, и она попросила его помочь. Гранский полностью соответствовал ее представлению о настоящем мужчине в расцвете лет, то есть за пятьдесят. Выглядел солидно, был хорошо и разносторонне образованным, имел хорошую работу и прилично, может и недорого, одет.

На кухне хозяйничали, готовя закуски и негромко переговариваясь, Ирина, Катя и Наташа, новая девушка Димы, с которой он познакомился недавно и решил пригласить ее ко мне на встречу Нового года, что было достаточно серьезным поступком с его стороны. Алексей Сергеевич с женой сидели на диване и смотрели телевизор.

– Пойдем перекурим, все равно болтаемся без дела, – предложил Дима, и мы вышли на застекленный балкон.

– С Ириной, вижу, помирился, даже маму ее пригласил. Как это на тебя не похоже...

– Ирина очень неожиданно повела себя при нашей встрече, сделала вид, что ничего не произошло. Черт, как им, женщинам, это удается? А Елену Владимировну специально пригласил, узнаешь в свое время зачем. Кстати, пора бы уже и за стол, в животе урчит. Все собрались, только Гера запаздывает, как всегда.

– А что ты так рано нас пригласил, в полдень? До Нового года уйма времени, сопьемся же.

– Раз пригласил так рано, значит есть на то причина, а ты на выпивку сразу-то не налегай, потерпишь до вечера.

Дверь на балкон открылась, и в проеме появилась взерошенная голова Алексея Сергеевича:

– Там по телевизору!.. Там нашего расстреляли!..

– Какого нашего? Где расстреляли? – ничего не понимая спросил я.

– Да нашего клиента, летчика, то есть генерального директора авиационной компании.

Мы с Димой ломанулись к ящику и застали ужасную картинку: автомобиль с открытыми дверцами, милиция, оттесняющая зевак, скорая помощь вкатывает каталку с окровавленным человеком в машину и равнодушный голос диктора:

– ...водитель скончался на месте, а сам владелец авиационной компании с тяжелыми ранениями отправлен в ближайшую больницу. Автомобиль марки Нива, из которого преступники произвели выстрелы, предположительно из автомата, скрылся с места преступления. Объявлен план «перехват»...

Хоть я и не испытывал особых чувств к клиенту, но почувствовал легкое угрызение совести. Можно было бы предупредить клиента, чем обернется для него конфликт с бандитской группировкой соперников, чем могут обернуться для него непродуманные шаги против будущего зятя. Наверняка он полез на рожон, уволил его с треском и скандалом, этим, может быть, разрушил свадьбу сестры. Правда, повезло сестре, что не связалась с этим подонком. Я посмотрел на Алексея Сергеевича и Диму. Они были в трансе, совсем недавно перед ними валяжно сидел владелец компании, а теперь его окровавленного, без сознания, на каталке задвинули в машину скорой помощи и увезли, надеюсь, в квалифицированные руки врачей.

– Да выключите вы этот ящик, хочется сегодня позитива, а тут даже в такой день показывают ужасы, – произнесла побледневшая Ирина, стоя на пороге с салатами в руках и зная, что ее бывший муж в последнее время работал в компании пострадавшего.

Я выключил телевизор и пошел к входной двери, в которую кто-то трезвонил.

В квартиру с шумом ворвался Гера с чем-то плоским и квадратным, завернутым в белую плотную бумагу:

– И что вы все такие грустные, что, разве праздник отменили? Я что-то не читал такого указа. А где разнообразно и вкусно накрытый стол, налитые до краев бокалы и рюмки, почему у вас молчит видеозвуковой ящик? Пожалуйста, не лишайте меня положительных эмоций. Уже без одной минуты двенадцать, надо быстро включить

телевизор. Вы такое узнаете, просто ахнете и даже обалдеете. Мне один много знающий человек уже все рассказал, но я молчу. Хочу насладиться вашей реакцией.

На экране телевизора было: «Экстренное сообщение». Диктор объявил, что сейчас будет выступление Президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича. Усталый голос произнес:

– ...Я ухожу, я сделал все, что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение – поколение тех, кто может сделать больше и лучше... В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал Указ о возложении обязанностей Президента России на Председателя Правительства Владимира Владимировича Путина... Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян... Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы. Вы заслужили счастье, вы заслужили счастье и спокойствие. С Новым годом! С новым веком, дорогие мои!

Потом показали, как он выходит из здания уже одетый в сопровождении премьеры и других лиц, садится в машину, которая мгновенно срывается с места и увозит бывшего президента неизвестно куда.

Если бы в это время вошел и поздоровался инопланетянин, эффект был бы меньший. Шок был у всех. Только Гера торжествовал. Где это видано – сам ушел в нашей стране-то. Лучшего подарка к новому столетию и не придумаешь. Гера, наконец, прервал молчание:

– Слушайте, люди! Мне почему-то кажется, что всем хочется выпить, кому от радости, кому с горя. Я бы хотел выпить от радости, не знаю, что будет завтра. Как говорила моя мама: «Гриша, улыбайся сегодня, завтра может будет еще хуже». Так давайте я откупорю бутылки, налью всем, что пожелаете, и отметим хотя бы это грандиозное событие, если других достойных поводов нет. Первое слово предлагаю дать самому старшему, прожившему большую жизнь в нашей стране и наверняка умудренному жизненным опытом человеку, – Гера протянул рюмку Владимиру Сергеевичу. – Конечно, если у вас есть что сказать хорошего в этом совершенно сумасшедшем мире.

Владимир Сергеевич взял рюмку в руку, повертел, задумчиво разглядывая, и поставил на стол. Затем налил в бокал воды и извинился, что не может даже сегодня выпить (врачи не разрешают), улыбнулся чему-то и произнес:

– По правде говоря, этот уходящий тысяча девятьсот девяносто девятый год был для меня неоднозначным. Был даже период когнитивного диссонанса...

Елена Владимировна дотронулась до моей руки:

– Какой умный ваш знакомый, он женат?

– Вдовец, очень хороший и очень одинокий человек. Я был бы вам благодарен, если бы вы, Елена Владимировна, взяли над ним шефство. И вам не будет с ним скучно.

– Ну, если вы меня об этом просите, то я с удовольствием... – Владимир Сергеевич продолжал: – На работе меня встретили прекрасно, вернули мою должность. И совершенно неожиданно вызвали в прокуратуру, к следователю. Вы можете себе представить мое состояние. Не каждый день вызывают в прокуратуру. Но там меня попросили написать заявление об утере прав на квартиру под давлением. Представляют, они занимаются моим делом и хотят помочь. Дай бог, чтобы получилось. Так что видите, у меня получился этот год очень сложным. Первая часть – драма, вторая – пьеса со счастливым концом. И за эту часть, за эту пьесу я хочу поблагодарить хозяина этого дома. Я знаю, это дело его рук. За тебя, будь счастлив. И еще я вспомнил, что много лет назад папа мне, семилетнему мальчишке, сказал: «Теперь все будет по-другому, у тебя все будет по-другому». Я верю, что в нашей стране, у нас с вами теперь все будет по-другому, лучше, обязательно лучше. И то, что мы сегодня увидели по телевизору, убеждает меня в этом.

Тогда встал и я, оглядел присутствующих:

– Извините, что без разрешения Геры взял тост, – поднял я рюмку, – но должен сказать несколько слов, пока все еще в трезвой памяти. Первое – поблагодарить судьбу за то, что встретил Владимира Сергеевича. Это не он должен благодарить меня, а я его. У меня тоже год был непростым. Умерла мама, для меня это тяжелая потеря... Но я познакомился с другом мамы, Владимиром Сергеевичем, с человеком очень интересным, прекрасным ученым. Я благодарен за то, что он сегодня сказал обо мне хорошие слова. Именно сегодня они мне очень нужны. Хочу поблагодарить моих коллег за их отличную работу в уходящем году. И пусть теперь, с сегодняшнего дня, все будет по-другому, как сказал Владимир Сергеевич.

И главное, – я достал пакет, вынул из него альбом мамы. – Наверное, каждый человек хочет оставить о себе память, не исчезнуть бесследно. Раньше я не особенно об этом задумывался, но кончина самого близкого мне человека, мамы, что-то во мне перевернула. Вот в моих руках старенький альбом с фотографиями моих предков, так сказать, моя родословная. Поверьте, это достойные люди, которые жили, трудились, растили детей. Задолго до меня. А дальше – пустые серые страницы с прорезями, готовые принять продолжение, следующие поколения. Сегодня мы стали свидетелями начала нового века с новым президентом, и дай ему Бог сил сделать нашу страну сильной и прекрасной. Будет писаться новая история страны. А моя история застыла, остановилась. Я хочу это изменить. Изменить именно сегодня. Поэтому я при всех, особенно при уважаемой Елене Владимировне, хочу признаться Ирине, что я ее люблю, прошу ее руки и, самое главное, я хочу ей вручить этот альбом, чтобы она, если конечно согласится на мое предложение, продолжила вместе со мной нашу общую родословную, чтобы наши фотографии, фотографии наших детей пополнили этот старенький альбом.

Я умолк и посмотрел на Ирину. Она сидела опустив голову и молчала.

Елена Владимировна подтолкнула дочь:

– Ты что плачешь, дуруха? Я в жизни не слышала такого красивого предложения. Я бы не задумываясь согласилась, а ты молчишь. Даже неудобно...

– Я не молчу, – Ирина поднялась и подошла ко мне. – Я согласна продолжать альбом, но согласись, что без песен Высоцкого этот фильм...

– Боже, о чем вы болтаете. Как можно говорить о каком-то фильме в такую минуту. Вы что с мозгами поссорились? Быстро наполняем рюмки и радостно кричим: «Горько!», – засуетился Гера, вспомнив свои функции тамады.

Через несколько часов начали собираться домой Алексей Сергеевич с супругой. К ним должны были прийти дети. Провожая их, я заметил, как Гера что-то шепчет Кате, и та согласно кивает.

– Гера, не морочь голову девушке.

– А кто морочит? Просто я знаю одну ночную дискотеку и рассказываю Кате, как туда добраться. Она не очень поняла, поэтому я решил ее проводить. Конечно, и домой тоже провожу. Не волнуйся, ты же меня знаешь, я смиренный, – зашебетал Гера, помогая надеть пальто Кате.

– Вот то-то, что знаю. Смотри, чтоб без всяких эксцессов... Свой сверток не забудь.

– Это уже не мой сверток. Я принес его Ирине в подарок, но забыл вручить. Вручишь сам.

– Что там?

– Да я купил одну из картин Петрова. Помнишь, ты у меня на выставке Петрова с Ириной познакомился. Так вот, я вспомнил, что вы долго стояли у этой картины и разговаривали. Я ее и купил. Пусть вам будет память. Картина почему-то называется «Неожиданная встреча в летний день». Дверь за Герой с Катей закрылась, я обернулся и увидел стоящую рядом Елену Владимировну.

– Елена Владимировна, вы-то зачем собрались уходить? Оставайтесь, пожалуйста. Встретим Новый год вместе.

– По-моему, вам сегодня лучше остаться вдвоем, наверное, есть о чем поговорить, кроме какого-то фильма.

– Спасибо вам, думаю мы с вами поладим. Как вы сейчас до дома доберетесь?

– А если я попрошу Владимира Сергеевича проводить меня, это его не шокирует? Не подумает ли он, что вот так... сразу, в первый же день знакомства...

– Все нормально, я заметил, он с вас глаз не сводил. Вы же такая видная, интересная женщина.

– Вы мне положительно нравитесь, только не называйте меня тещей, лучше Еленой Владимировной. Так мы пойдем? Я и Диму с его подружкой прихвачу, чтобы не мешали, надо вам остаться наедине, наверное, поговорить без нас захотите, надеюсь о серьезном и долговременном. Так что, не будем вам мешать.

Когда все ушли, я повернулся к Ирине и спросил:

– Так что ты сказала про фильм «Вертикаль»?

– Я сказала, что это замечательный фильм.

– А раньше ты считала, что без песен Высоцкого фильм никуда не годится.

– Раньше ты мне предложение не делал, а теперь я вроде как замужем, и муж – глава моей семьи и, как говорил один герой фильма, ...слушаться его должна жена... Причем, с удовольствием.

ПОЭЗИЯ

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась и живет в Кишиневе. Член Союза писателей Москвы. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Лауреат, дипломант, член жюри многих международных литературных форумов, конкурсов и фестивалей. Автор поэтической книги «Тебе...». Публиковалась в коллективных сборниках, литературно-художественных журналах.

Письма в сезон безветрия...***Ди-ли-джан***

Тишина.
 Побледневшая ночь на террасе балкона.
 Сквозь закрытые веки
 разреженный воздух скользит золотистым свеченьем,
 и плывут волоокие тёмные рыбы зрачков
 и пугливую стайкой дрожат плавниками на радужке глаз.
 И звучанье незримой реки –
 колокольчик тумана, певучие горные воды –
 Дилиджан, ди-ли-джан-ди-ли-джан-джан-джан-джан.
 Это капля рассвета течёт по щеке,
 розовея стыдливостью юного солнца.
 Это птица зари, словно перья крыла, обронившая день.
 Это ветер лениво качает свой хвойный предутренний веер.
 Это рябь облаков
 в прояснившейся сини клубится небесной отарой –
 колокольчик тумана, певучие горные воды –
 Дилиджан, ди-ли-джан-ди-ли-джан-джан-джан-джан.
 Тишина...

Гиссар

Я пишу тебе письмо на стене Гиссара.
 Дождь...
 Влагой шёлка льнёт трава к хан-атласу шаровар и к моим босым ногам. Ветра нет который день, или вечность. Год идёт медленно, как мул арбу тянет вдаль на горизонт. Сипло дождь трубит в карнай над чинарами. Закат вязью маковой сплетён на запястьях и губам дарит цвет кровавый. Сон ловит яви перезвон, отражаясь в зеркалах лавочника, торговать мифами легко душе: на оплату – медяки светляков и капли солнц из травы.
 А ветер нем..
 Если пальцы на руке свыклись с пустотою и жажды глаз не напоить родником лица, а нить синей вены у виска не сшивает нас в одно целое, и если звук имени утратит цвет свой первоначальный, став тёмным зёрнышком зирь.. Значит ты забыл всё то, что мешало ночи стать следующим днём. Азан утро тянет дымкой с гор.
 Я тебе опять пишу, и пыльца гиссарских стен осыпается в ладонь, закрепив конец письма.
 Тишина безветрия.
 Дождь..
 Прошаюсь.

Араик

Здравствуй!

Я опять пишу на песке тебе письмо...

На твоей картине сон с запахом ванили, и лепестки цветущих лип балеринами летят. День, как сумеречный рай – сер и глинист, молчалив. Тянет нити старых мойр из рассветной пряжи ночь.

Плавно гнётся кость ребра. Или ветка на ветру? Ты меня создать успеешь до того, как мастихин перестанет быть крылом, продолжая взмах руки...

Белым – лодки к берегам. Или это шелк фаты, той невинной из невест, той порочной из святых? В чёрную оправу дуг красной краскою зрачки смотрят из своих глубин. Замкнут звук в объятья губ. Отлетает день, как смерть. Или это сон, как жизнь? За душою – ни души. Тихо...

Гнётся кость ребра. Или то изгиб бедра плавной линией скользит по холсту в твою ладонь? Ты меня успеешь создать..

Я пишу, а мастихин ветром гнёт стволы к земле, приближая небеса. Птичьи гнёзда налету рассыпаются. Птенцы смогут выжить, жёлтым ртом надкусив подлунный свет, что течёт сквозь решето облаков.

Дуга ребра так трепещет под рукой. Ты успеешь меня создать до звучаний...

Стамбул

Я вновь пишу...

В ответ – твоё безмолвье.

Из писем неотвеченных песчинки выклёвывают чайки по секундам, считая месяц за год, год за жизни...

Балкон напротив: в молодом семействе совместный ужин, и к любви эпитафия – корзина фруктов, спущенных соседкой с окна мансарды на верёвке прочной.

Луна рогата. Плачет в люльке мальчик...

На верхней ноте голос муэдзина чуть выше, чем звезда над минаретом, чуть ближе к небу. Город тихо бродит людьми, огнями, шелестом газеты, внимательно прочитанной асфальтом. Трёхцветной кошке скучно. В подворотне – оставленные кем-то в спешке тени колышутся. Чернее чёрных клавиш темнеет ночь. До утренних азанов работать снам...

Я, помнишь, просыпалась чуть раньше, чем тебя впускали двери, чуть позже, чем настойчивые губы настырно прижимались к бледной коже ключиц, касались родинки у рта и сладкое дыхание срывали...

Мы, помнишь, именами совпадали. Твоё и я...

От Азии к Европе, лишь плоть Босфора...

А меж нами пропасть чужих людей и немоты твоей...

И снова завтра день уйдёт на запад. И простыни впитают тонкий запах – духи, табак, ваниль, остывший кофе и вязь чернил, покрывшая бумагу...

Окно раскрыто в утро. На задворках разносчик чая льёт рассвет до узкой стеклянной тонкой талии армуда...

Аладжейли

Пишу опять...

Ответы без вопросов. Переведи хоть с ангельского на апостольский. Или с богова на человеческий – я равно не смогу тебе ответить о той тоске, что сладкой болью спит на дне моих зрачков, не обращенных во след твоим шагам.

Ты здесь.

Я там.

Ты там.

Я здесь. И изучать приметы чужих пространств по линиям судьбы обречена.

Ты там.

Я там, где ты – распластана, распята и забыта, и предана до утренней зари.
И новый город, и страна другая, и я опять бреду, как вечный жид, себя теряя, о тебе не зная. И
время с тишиною говорит, отщёлкивая стрелками часы.
Ты думал ли когда-нибудь, что звук – всегда движение и сопротивление? Молчат чинары, если
ветер спит. И в высохшем арыке не звучит вода – июль, до августа – чилля. И слово не
сорвётся с языка, пока в движение губы не раскрыты. Я слышу иногда, когда душа к тебе во
сне уходит, напевая о том, что не случится никогда уже. Не с нами, не теперь, я знаю.
В Аладжейли пришла зима внезапно посередине лета. Кофе стынет. И пальцы мёрзнут в узких
рукавах. И пёстрая толпа бесплодных женщин пришла послушать шейха. Только я,
запутавшись в названьях ветхих улиц, бегу от них. Я, слышишь, никогда уже не стану той,
которой свыше даровано родить твоё дитя.
А небо треплет простыни на крыше. Подушки сохнут. Черноглазый мальчик верёвкой тянет
на базар осла.

Джида

Помнишь, как цвела джида?..

Гром гремит чуть позже, чем молния за горизонт опускает свой стилет. Душит душу на-
лету раскалённым диском зной. Вздохи волн. Вплетён прибой нитью в бахрому песка.
Парусину неба рвёт криком чайка с высоты. Как давно нет писем от тех, кто с внешней
стороны запада встречает ночь чуть быстрее, чем те, кто тут уронили в море тень дня
вчерашнего...

А я не решу никак о чём написать тебе сейчас. Разве что о том пустом доме на окраине
всех отчаявшихся слов. Разве, может быть, ещё рассказать тебе, как здесь – так же,
как и той весной – зацвела уже джида. И о белых мотыльках, чья прозрачная пыльца с
тонких лепестков крыла так похожа на лучи прорастающей луны...

Выкоси из памяти всё, что было (с нами ли?!)

Письма в плен из никуда в ниоткуда.

литературоведение. литературная критика

В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ...

Исстари, наверное столько же, сколько существует на свете этот таинственный экзотический Восток, европейцев будто магнитом притягивает он к своим обычаям и традициям, плодам и яствам, к зажигательным танцам и ярким одеяниям, к истории, полной тайн, интриг, подвигов. Манит к солнцу, богатым землям и, конечно, к людям – властным и сильным кочевникам с их изысканной, учтивой речью, необыкновенным темпераментом, восточной «тонкостью» и гордостью духа.

Восток многие изучали, много писали о нем, слагали легенды, к нему тянулись ученые, историки, путешественники, писатели и поэты. Сколько правдивых, подтвержденных архивными и археологическими материалами легенд, художественных произведений существует о Востоке! Сегодня есть повод опять говорить о Востоке и его едва ли не главной теме для узбекского народа – об истории создания Великого Салтаната не менее великим «Железным хромцом», «Потрясателем Вселенной», ставшим символом национальной узбекской государственности – Сахибкираном Амиром Темуром.

Вышедшая совсем недавно, в 2015 году, в свет книга Мухаммада Али «Джахангир Мирза» на русском языке – первая часть четырехтомной эпопеи. Ее перевод на русский язык осуществил сам Мухаммад Али в соавторстве с известной молодой переводчицей Саодат Камиловой. «Амир Темур Великий» содержит огромной важности исторический материал из эпохи формирования Салтаната. Книга, уже давно известная узбекскому читателю, отмеченная Государственной премией, наконец вышла отдельным изданием и на русском языке. Изданию предшествовала публикация журнального варианта романа в «Звезде Востока»¹.

О чем же этот роман? Об истории Салтаната и его основателе – Великом Амуре Темуре? Так обо всем этом мы все знаем давно из уроков истории. И более или менее внятно можем и сами рассказать биографию великого узбекского полководца, обозначить важнейшие события, даты и факты того времени, имеем некоторое представление о создании могучего Салтаната и ратных подвигах Железного Темура.

Личность Амира Темура издавна неизменно притягивала к себе политиков и историков, читателей и литераторов. Почему же так заинтересовала современного русскоязычного читателя книга Мухаммада Али? Что нового поведал о личности Темура автор, работавший над созданием эпопеи целых двадцать лет? Как представил он гениального полководца, ставшего символом государственности, национальной гордостью узбекского народа? Каково оно это личное прочтение и восприятие автором главы и создателя Салтаната Сахибкирана Амира Темура? И почему первая книга называется именем сына великого полководца «Джахангир Мирза»? Вопросов много, и возникают они лишь в одном случае – когда есть интересная актуальная тема, когда интересно читателю.

Однозначно, что подобный интерес к первой книге из четырехтомной эпопеи обусловлен в первую очередь тем, что

Лариса ЮСУПОВА

Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Автор интересных детских книг «Мамин праздник», «Находка», «Непослушайка», «Мамин выходной», «Про нельзя» и др., переводов стихов Тураба Тулы, Айдын Ходжиевой, Кутби Носировой, Кавсар Турдиевой. Совместно с композитором Алиёй Тахтагановой был создан цикл песен на фарси.

¹ См. журнал «Звезда Востока» № 3, № 4 за 2013 г., № 1, № 2, № 3 за 2014 г.

Мухаммад Али впервые в мировой литературе попытался создать живой образ Амира Темура. Не ходульную конструкцию государственного деятеля, легендарного, непобедимого и неустрашимого Темура с железной волей и каменным сердцем, охваченного одним стремлением – завоевать мир, создать великий Салтанат. Мухаммаду Али удалось создать образ обычного человека, которому свойственны сомнения и слабости, ошибки и увлечения, азарт и пристрастия, передать сложный синтез чувств и мыслей, чрезвычайно противоречивой, тонкой и в то же время жесткой натуры недюжинного человека. Этот конгломерат вспыльчивости и выдержки, темперамента воина и неторопливости аналитика, нежности, заботливости и строгости отца, беспощадной жестокости завоевателя и озабоченного судьбами своего народа правителя, пылкости любовника и заботливости мужа.

Отчего четыре тома эпопеи названы именами его сыновей? В чем была задумка автора? Не потому ли, что они были для него всего дороже, и именно с ними он связывал будущее государства и народа. Не потому ли, что только на них уповал отец.

Книга заставляет задуматься не только о больших социальных проблемах, о судьбах сильных, но и о вечных бытовых, личных проблемах. И это одно из самых значимых ее достоинств, в этом ее художественная ценность. Конечно же, сегодня в современном мире, в двадцать первом веке роман прозвучал так актуально и убедительно не случайно. Это не только полотно талантливого мастера, но и результат длительной скрупулезной подготовительной работы с архивными документами, часы, проведенные в музеях, долгие раздумья автора, способствующие этому убедительному экскурсу в прошлое. Автор сумел окунуться, как в ледяную воду, в материал. Даже неискушенному человеку вполне очевидно, как нелегко было осилить столь масштабную тему.

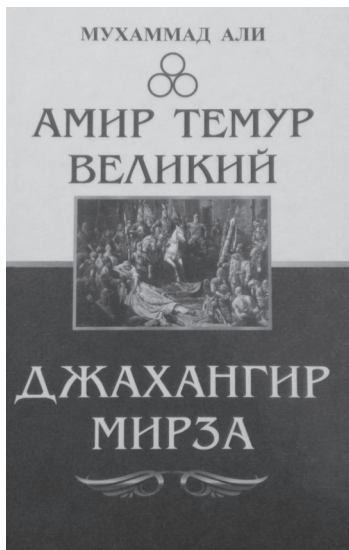
Уже в первой книге «Джахангир Мирза» обращает на себя внимание своеобразный авторский слог, несколько непривычный для русскоязычного читателя. Зато такое повествование сразу вводит его в медлительную восточную манеру общения, знакомит с этикетом той эпохи, придворной иерархией, особенностями речи героев. Буквально через несколько страниц читатель уже ощущает себя словно рыба в воде, внедрившись в описываемую среду. Подробные описания внешности героев, их костюмов, индивидуализация речи персонажей делают повествование зримым, будто выводят действие на экран. Мобильность диалогов, занятность интриги, живой сюжет

– безусловные достоинства романа, удачно переданные переводчиками (Мухаммадом Али, С. Камиловой). Описание женской красоты, пластики, украшений, одеяний повосточному многословны и велеречивы. Это еще одна яркая грань Востока.

В книге неоднократно повторяется главный девиз основателя Салтаната: «Не в силе справедливость, а в справедливости сила». Стремление к справедливости, прекращению внутренних распрей, воссоединению разрозненных племен, укреплению государства – главная цель Сахибкирана. Гениальный полководец и государственный деятель Амир Темура жестко пресекал вспыхивающие то там, то тут интриги внутри Салтаната, безжалостно наказывал тех, кто стремился только к собственному благополучию, забывая о нуждах и благе своего народа. Слова, выгравированные на перстне Амира Темура «Не в силе справедливость, а в справедливости сила», актуальны и сегодня. Именно в этом девизе правителя ценность личности Темура-созидателя.

История Амира Темура, описанная в эпопее Мухаммада Али, в какой-то мере – написание потомкам.

Первая книга эпопеи «Джахангир Мирза» вышла небольшим тиражом в тысячу экземпляров. Заинтересованные читатели искренне надеются, что после перевода на русский язык всей эпопеи, тираж значительно увеличится.

философия искусства

ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ У АКРАМА БАХРАМОВА

Свой творческий путь Бахрамов Акрам Исламович начал с разнообразных графических работ и, достигнув в этой области искусства вершин совершенства, стал усложнять язык своего творчества, вводя в пространство чёрно-белого листа цвет. При этом идеография его произведений обогатилась знаком – той, забытой во Времени тамгой, из которой родилось письмо, увековечившее произнесенное или даже невысказанное Слово. При этом не следует забывать, что тамга была не только подписью человека, но и его первым индивидуальным портретом, его самореализованным «Я», которое в совокупности с другими знаками олицетворяло целый Народ!

Поэзия его сегодняшних полотен – в красочной палитре восточной философии, которая не принадлежит конкретно ни одной религии, а наоборот, вбирает в себя всю красоту разнообразного мира, в котором нам с вами посчастливилось жить.

Следует обратить особое внимание на поиски Бахрамовым многомерной образности. Есть основания полагать, что такая априорная категория, как тема, (содержащая начало и конец, ясный посыл и ещё более ясный «вывод»), выступает в оппозиции к природе современного интеллектуализма. Упрощением было бы сводить его к сухому рационалистическому мышлению. Интеллектуализация творческого процесса, с которой мы не можем не считаться как с явлением объективного порядка, наоборот, открывает простор интуиции.

Бахрамов начал своё художественное образование в студии Дворца текстильщиков в Ташкенте у известного в своё время энтузиаста-педагога Фрумгарца Якова Львовича, а затем в Театрально-художественном институте им. Островского, на отделении книжной графики. Но уже тогда художник увлекся таким жанром живописи, как плакат, считая, что именно этот вид может объединить большую часть людей в решении самых злободневных проблем современности.

В интуитивном стремлении Акрама Исламовича к углублению психологических возможностей жанра есть одна характерная для нашего времени черта – он идёт от конкретного наблюдения, сохраняя его, не подавляя сюжетных поворотов. Любую его работу последних лет можно отнести к познающему жанру. Именно в таком качестве его работам открываются такие грани реальности, которые трудно охватить на уровне темы.

К сожалению, эти благие устремления сегодня в широкой эксплуатации плакатного искусства остаются без внимания.

Владимир КАРПАСЕВ

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Общественно значимый плакат заменён агрессивно пожирающей интеллект рекламой.

В последнее время художник, как никогда прежде, имеет дело с очень сложной дифференциацией человеческих проблем, с разветвлённой личностной позицией. Разумеется, пути реализации этой сложности в искусстве не просты, но выбранный однажды опыт *романтического символизма* показал очень большие возможности проникновения в суть современных событий, в терзания интеллектуала в мире всепоглощающего монстра потребительства, возможность увидеть горизонты жизнестойкости Разума, ибо всё творчество Акрама Бахрамова – это визуальный пример отрицания социального мешанства и стяжательства.

Это он создаёт плакат, где декоративно-восхитительная рыба «проливает» слезу по Аральскому море-озеру! Акрам Исламович формирует целую серию плакатов-воззваний против наркомании, исламского мракобесного радикализма и многих других актуальных сегодня бед. Когда-то художник заявлял: *«Мир, который окружает человечество, процессы в нем быстротечны. Благодаря многим изобретениям прогресс человечества стал еще стремительнее. Успехов много. Но есть также злободневные и вечные проблемы, которые возникают в пути, и требуют своего решения. Социальный плакат отреагирует на все это своевременно и эффективно»*. Главное в жизни творческой элиты страны – вернуть плакат в активную жизнь общества, задать новую энергетику замечательному и убедительному виду искусства.

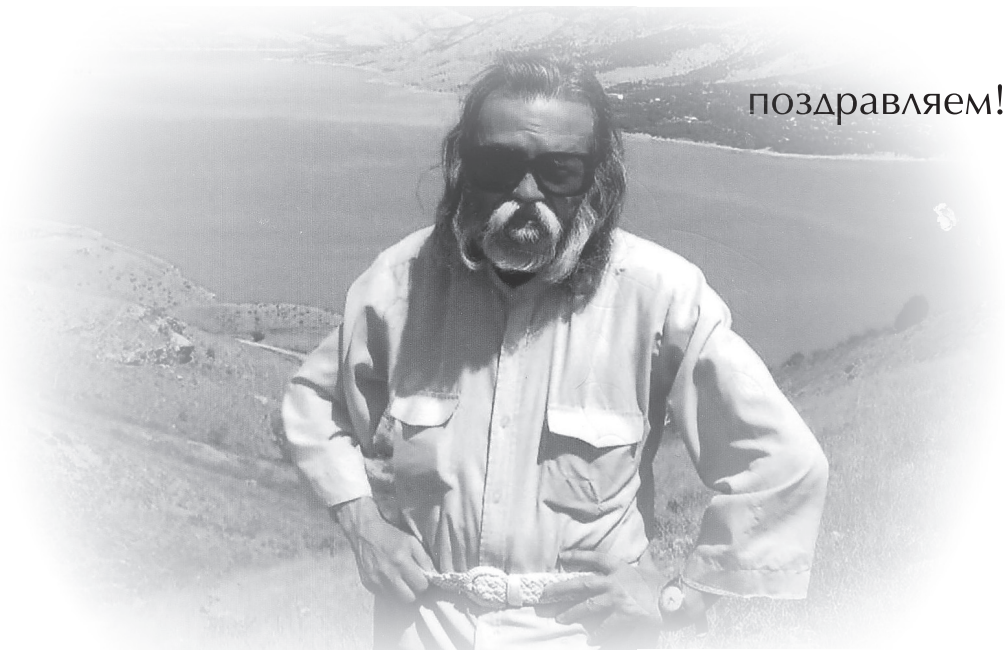
Творчество А. И. Бахрамова многогранно. Оно наполнено таким романтическим совершенством, что интеллектуализм его картин превращается в избранную, изысканно высокую философию. Зритель приходит на выставки в поисках душевности, в поисках ответов на жизненные вопросы. Выставки А. Бахрамова – возможность еще раз откровенно поговорить со зрителем о насущных проблемах, посетитель выставки сам выбирает для себя те работы, которые близки ему по духу, интеллектуальности, добросердечности, всматривается в них и находит ответы на самые болезненные вопросы, ибо живописец тоже до глубины души проникнут ими.

Шестидесятилетний художник принимает участие практически во всех выставках, проходящих на художественных площадках Ташкента, города, в котором он родился и с которым его связывает духовное единство. Живописные работы Бахрамова своеобразны и по манере письма, и по цветовому решению, по-настоящему оригинальны, современны, талантливо интерпретируют национальные традиции живописи реальным культурным суверенитетом. На смену социалистическому реализму пришло новое искусство с национальной тематикой, современными задачами и глубокими традициями. В этот период начинается активная интерпретация национальных традиций посредством постмодернистских течений, авангарда. В это же время проявляются новые направления, жанры, техника, темы, иное понятие о содержании и форме произведения, что мы и видим в живописных произведениях Акрама Бахрамова.

Художник много, обстоятельно и плодотворно работает в таком виде искусства, как графика. В течение многих лет работая художественным редактором в издательстве им. Гафура Гуляма, Бахрамов понял непреложную истину: чтобы донести до читателя идеи писателя, художник должен пропустить прежде всего через самого себя весь смысл и глубину значения произведения. Только тогда у читателя закрепятся визуальные образы героев произведения, пространственного контента, какими их представил себе художник.

Интересен и оригинален юмористический рисунок, карикатуры А. Бахрамова. Об их достоинствах свидетельствуют многочисленные дипломы, грамоты и призы со многих международных конкурсов и фестивалей.

Сегодня творческий потенциал Бахрамова Акрама находится в апогее духовного совершенствования и, конечно, является одним из свидетельств того, что ныне создается новое художественное пространство, развивается институт лидерства и консалтинга. Искусство Узбекистана постепенно обретает свободу творческого выражения. И завтра новый день, новые горизонты, новые произведения поведут нас по ещё никем не хоженым тропам Познания. Так есть ли предел совершенствованию?

поздравляем!

ПРИВЕТ, ЖЕЛЕЗНЫЙ МАЛЬЧИШКА!

В начале 60-х гг. литературные дебюты нередко происходили при активной поддержке почты. Несметное количество конвертов со стихами и рассказами будущих «мастеров пера» поступало ежедневно в редакции газет и журналов.

Особенно велик был этот творческий поток, двигавшийся из всех уголков республики на редакционный стол популярной газеты «Пионер Востока», ныне – не менее любимая детьми газета «Класс!». В смысле – классно учись, классно выдумывай и пробуй проявить себя и свои таланты. Этим принципам воспитания всесторонне развитой личности следовала и тогдашняя «Пионерка». Сегодня мне хочется с благодарностью вспомнить об удивительной отзывчивости, истинном дружелюбии ее редакторов, завотделов, в числе которых были Владимир Тюриков, Фарида Мамаджанова, Галина Власова, Павел Шуф и особенно Якуб Ходжаев.

В начале 60-х гг. я жил и учился в Самарканде. Естественно, начинающему литератору хотелось напечататься в столице. Лучшим ответом из редакции была скорая публикация твоего произведения на газетной странице, потом тебя как молодого автора могли пригласить на семинар в Ташкенте, периодически проводившийся в доме творчества Союза писателей Узбекистана (эта добрая традиция сохранена и поныне).

В одной из поездок в столицу на этих семинарских занятиях я познакомился с Якубом Ходжаевым. Энергичный, общительный, доброжелательный. Бравый вид ему придавали колоритные усы, а загадочность – солнцезащитные очки. Он преподнес мне свежий номер газеты: «Получай, старик, подборку твою опубликовали. Всем понравились твои стихи про полезные гранаты».

На газетных полосах тогда можно было встретить стихи самаркандца Владимира Данько, Людмилы Егоровой из Навои, Тимофея Новичкова, жившего в Бухаре, публиковались Федор Камалов, Николай Красильников, Дина Рубина, Андрюша Бородин, нынешний редактор «Класса!» Алла Суханович.

Еще одна замечательная черта Якуба Джураевича-газетчика, работника Республиканского радио, литконсультанта Союза писателей – это умение бескорыстно, искренне поддержать, раскрыть творческий потенциал своих коллег.

В 70-е гг. Республиканский театр кукол успешно представил юным зрителям спектакль «Железный мальчишка» по пьесе Якуба Ходжаева.

Прочитав мой первый опыт в прозе, Якуб заметил: «Раим, а ты мог бы написать историю про волшебного садовника для сцены, попробовать себя в драматургии. Режиссеры Иогельсон, Якубов ищут новых авторов».

Так с его подачи появился «Волшебник Алиджан». Пьесу не только приняли в театре, по ней еще и мультфильм сняли.

Став главным редактором газеты, Якуб Джураевич ухитрялся помещать на малоформатных страницах по три-четыре стихотворца и прозаика почти в каждом номере, избегая при этом давившего и детскую прозу официоза. К тому же в газете публиковались «Пробы пера» школьников. Находилась место рецензиям на новые книги, интервью с их авторами.

Самое интересное, что и сегодня мы говорим другу привычное с молодых лет: «Привет, старик!»

И это не признание пришедшего почтенного возраста. Мне кажется, Якуб не ощущает груза лет. Все та же твердая поступь, ответственность за слово, изреченное на заседаниях Совета по русской литературе, открытость и добрый внутренний свет души. Помимо усов у него теперь и борода роскошная.

Дорогой Якуб!

Поздравляю тебя с 80-летним юбилеем! Крепкого здоровья тебе и вдохновения! «Железный мальчишка» и не унывающий Вундергай – любимые юными читателями персонажи – чем-то похожи на тебя. Как символично, что юбилей и у тебя, и у газеты совпали на один год. Хотя газета на 8 лет старше тебя, и отмечает свой особый юбилей – две красивые восьмерки,

**Тебе желаю многих лет,
Литературных урожаев,
Мой друг, редактор и поэт,
Якуб Джураевич Ходжаев!**

Раим ФАРХАДИ

Мастер Якуб

Человек с даром сопереживать людям и неравнодушно воспринимать несправедливость, стремящийся познать все новое и при этом наделенный от природы тонким чувством юмора, способностью просто и вместе с тем занимательно рассказывать об окружающем мире имеет хороший шанс стать писателем. Якуб Ходжаев стал. Не просто писателем, а Мастером с большой буквы.

Следует отметить, что весьма существенно, Якубджан стал не просто писателем, а популярным детским писателем. А это дорогого стоит – дети особо чувствуют неискренность и фальшь. Наш юбиляр прочно завоевал доверие и популярность у юной аудитории.

Рассказать о жизни и творчестве Якуба Джураевича мне совсем не сложно – ведь наши пути по жизни во многом оказались близкими. Родной дом юбиляра, где жили еще его дед и прадед, стоял на берегу Анхора, неподалеку от большого моста на улице Навои. С этим местом у меня связано немало воспоминаний. Самое яркое из них – бурение глубокой скважины к верхней границе очага ташкентского землетрясения 1966 года. Что позволило взять образцы горных пород из особо таинственной области недр. В качестве журналиста я тогда пристально следил за работами по изучению памятного для всех нас стихийного бедствия. С тем землетрясением, к месту отметить, связана и моя первая публикация в журнале «Звезда Востока». В четвертом номере за 1968 г. увидел свет проблемный очерк «Землетрясение. Когда оно будет?» Позже на его основе были подготовлены и мои книжные издания по прогнозированию землетрясений.

Не могло не отразиться это памятное событие и в творчестве Якуба Ходжаева. В отличие от меня, проживавшего на Чиланзаре, у него с ним, как и у всех обитателей ташкентской Кашгарки, связаны гораздо более острые воспоминания. Стоп-кадром память Якуба запечатлела падающую каменную трубу, и его самого выскакивающего из рушившегося дома.

Якубджан с детства мечтал о путешествиях и соответственно этим устремлениям выбрал романтическую профессию – поступил в гидрометеорологический техникум. Затем следует логичное продолжение такого выбора – служба на Ташкентской метеостанции, где судьба предоставила возможность пообщаться и даже подружиться с вернувшимися после зимовки в Антарктиде ташкентскими полярниками. Я тоже хорошо знал этих ребят. Не только встречался в столице, но дважды летал к ним вертолетом на заоблачную зимовку в Алайских горах. Результатом был документальный фильм о разведчиках погоды.

Якубу Ходжаеву же общение со знаменитыми полярниками помогло в творческой работе – создании образов своих целеустремленных героев.

Свое самое первое путешествие писатель совершил дошкольником – в одну из живописнейших местностей в отрогах Западного Тянь-Шаня – Чимган. Полвека назад этот почти девственный уголок природы, а ныне широко известный климатический курорт, современная цивилизация еще не успела затронуть. Тогда жители Ташкента только начинали осваивать этот чудесный уголок природы как горнолыжную базу. Среди лыжников на выходных часто бывали и мы.

Юный Якуб познавал райский уголок природы с покрытыми снежными шапками вершинами в окрестностях Большого и Малого Чимгана почти в первозданном виде. Впечатлительного мальчика поразила красота горных пейзажей с их разнообразным растительным миром... Память навсегда запечатлела ярко цветущие маки, оранжевые тюльпаны, светло-фиолетовые ирисы, гигантские зонтичные ферулы, высокие стройные эремурусы... В лесных зарослях обитали горлицы, сороки, черные дрозды, воробьи и похожие на них зеленушки. Под кустами нашли приют самые разные мелкие животные. Прочно в памяти юного путешественника запечатлелись мрачные ущелья и таинственные пещеры.

Яркие впечатления о природе родного края и связанные с поездками по нему приключения Якуб Ходжаев позже красочно опишет в своих книгах. Особо дорогой для писателя станет основанная на первых детских впечатлениях повесть «Ущелье спящего дракона». Произведение посвящено друзьям природы – юным экологам. Издание удостоено премии на конкурсе «Лучшие книги детям».

Наши с Якубом Джураевичем пути по жизни не разошлись и позже – во время его учебы в Ташкентском государственном университете (ныне НУУз). Я готовил в это время научно-популярные очерки об ученых этого ведущего в республике вуза, в период редактирования Ходжаевым газет для детей и подростков и, конечно, в период его работы в аппарате Союза писателей Узбекистана, когда я работал в журнале «Звезда Востока».

Этот полувековой путь, близкий по жизни, во многом и помог мне составить наиболее объективное представление о юбиляре.

К рассказанному могу добавить: особое внимание критиков заслужили повести «Искатель приключений – Вундербай» и «Вундербай – сыщик» об изобретательном школьнике Гайрате по прозвищу Вундербай. Многие повести и рассказы юбиляра отмечены премиями Госкомитета по печати и МВД. В столичном театре кукол и на телевидении осуществлялись постановки по пьесам Якуба Ходжаева, а сам он был участником Международного фестиваля детских театров в Болгарии. Произведения писателя переведены на языки народов дружественных стран, включены в школьные учебники и антологии детской литературы. Значительное место в творчестве Якуба Ходжаева занимают переводы произведений узбекских писателей.

Путешествия и приключения его героев продолжают в произведениях, готовящихся к изданию его новых книг. Пожелаем Якубу Ходжаеву скорейшего их издания, а самому автору крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Анатолий ЕРШОВ

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» желают юбиляру доброго здоровья, неиссякаемого оптимизма и бодрости духа (что всегда отличает его) и новых творческих озарений!

возвращение к читателю

Якуб ХОДЖАЕВ

Родился 27 ноября 1935 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентское метеорологическое училище и филологический факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). С 1977 г. член СП. Долгие годы работал в журналистике: главным редактором «Азия юнпресс», на Гостелерадио, главным литературным консультантом СП, с 1986 г. работал зам. председателя литературного фонда. Живет в Ташкенте.

АРСЛАН – БИЗНЕСМЕН

Рассказ

Старенький «Матиз» остановился возле резной калитки с железными кольцами вместо ручек. В кабине сидели двое. Мужчина лет сорока с короткой стрижкой, с седыми висками, одетый в полосатую рубашку и серые брюки. На заднем сидении расположился подросток в дорогих джинсах, белой фирменной маечке с изображением известной голливудской кинозвезды. Глаза и брови мальчишки были скрыты под шапкой кудрявых смоляных волос, но внешностью он повторял сидящего за рулем мужчину: в них без труда можно было угадать сына и отца.

Отец вытащил ключ зажигания, подтянул ручной тормоз и глянул в зеркальце. Сначала увидел свое – загорелое усталое лицо с двумя морщинами на лбу и одной глубокой возле носа. Чуть отстранившись, поймал отображение сына. Тот с безразличным видом вымучивал жвачку, не выказывая никакого желания вылезать из машины.

– Вытряхивайся, – коротко приказал отец.

Подросток нехотя выбрался из тесной кабины, недовольно хлопнул дверью, отчего раздался ржавый звук, будто прикрыли старую духовку. Здоровенный волкодав, оглушительно залаяв, бросился было навстречу гостям, но тут же примолк, признав родственников хозяина. Пес обнюхал ноги гостей, лизнул руку подростку и лег под айваном.

Из дома никто не вышел навстречу гостям – вся семья, кроме дедушки, с рассвета отправилась в поле. Собранный хлопок неплохо оплачивался, и потому взрослые и студенты выходные дни проводили на полях.

Дворик был в идеальном порядке: вдоль ухоженных дорожек рядками стояли опрятные яблони, вишни, айва. А за домом виднелись две орешины, и на самой границе участка рос величественный чинар. Это дерево-великан предки посадили в год рождения дедушки. Стало быть, дереву, как и дедушке, почти сто лет. Чинары растут до двух и более тысяч лет, и хотелось бы, чтобы дедушка здравствовал столько же.

Было около двенадцати часов. Дедушка отдыхал на айване, застеленном старым ковриком и поверх него мягкой курпачой. Худой до костлявости и коричневый от вечного загара, он напоминал сухую крепкую ветку. Белая бородка, свисающие кончики усов, торчащие пучки бровей придавали ему вид доброго сказочного героя.

Он сидел на айване, опираясь спиной на подушку, в одной руке пиала, другую он держал на колене, торчащем над низким столиком. Дедушка разглядывал гостей, не вызывая никакого удивления.

На приветствие отца дедушка ответил:

– Наливай себе чаю, сынок, угошайся. – А внуку после его возгласа: «Дедушка, салют!

Как поживаете?» сказал: – Вон посмотри, Арслан, на тот чинар. Это мой брат. Как он поживает, так и я... – дедушка усадил внука рядом и поцеловал в макушку. Потом обратился к его отцу: – Рассказывай, сынок, что случилось? Вижу, не отдыхать приехал...

Отец вздохнул, махнув досадливо рукой.

– Какой уж там отдых, дорогой отец. Все дни провожу на заводе, мне как главному инженеру достается больше всех...

– А вечерами выясняю отношения с вашим несравненным внуком. У других дети как дети, а этот...

– Персона нон грата, – вставил Арслан.

– Что он сказал? – дедушка кивнул на внука. – Говорите оба громче, я плохо слышу.

Отец оставил пиалу, наклонился над столиком.

– Умничает наш Арслан. По его словам получается, что бедного ребенка не желают терпеть в родном доме, гонят на все четыре стороны.

– Неугодных, как я, всегда отправляют в ссылку. Для полной формы следовало бы привезти меня сюда в наручниках.

– Вы только послушайте! – взорвался отец. – Я отрекаюсь от него! У меня завод, две дочери, жена и по уши всяких проблем. А тут еще этот бизнесмен...

Дедушка снял руку с плеча внука, молча отпил из пиалы.

– Что же натворил Арслан? – спросил он спокойно.

– Слава Аллаху, пока еще не успел ничего натворить. Но он на грани этого. Представьте себе, Арслан решил заработать миллион! – отец даже поперхнулся от сказанного. – Да-да, ни больше ни меньше – миллион! Я всю свою сознательную жизнь откладываю крохи с зарплаты и премиальных, чтобы одевать жену, детей. С горем пополам купил – и то с вашей помощью – машину...

– Консервную банку, – колко поправил Арслан.

– Что?! – прорычал отец. – Повтори-ка! – он резко подался вперед, намереваясь отпустить дерзкому отпрыску затрешину, но задел локтем пиалу с чаем, перевернул ее и с досадой сел на место. – Вот, отец, слышали?

Дедушка повернулся к внуку, приставив ладонь к уху, спросил:

– Зачем тебе миллион, Арслан?

– Куплю мотоцикл, ноутбук, маме – шубу, сестрам – сапоги, а остальное вложу в свое дело. Миллиона еще и не хватит...

Отец всплеснул руками, закатил глаза и с надрывом воскликнул:

– Какой-то бред! Сынок, иди лучше ко мне на завод после школы и зарабатывай свой миллион. Нам нужны механики, сборщики.

– Папа, двум механикам в семье будет тесно, да и валюта не та на твоём заводе. Вот если бы ты выкупил этот завод... Короче, я решил: буду бизнесменом.

Дедушка приложил к уху ладони трубочкой:

– Что ты сказал, Арслан?

– Ваш младший внук, – язвительным тоном стал объяснять отец, – решил стать дельцом. Это почти то же самое, что и мошенник.

– Если мошенник, почему ты его не накажешь? – назидательно спросил дедушка.

– Попробуй накажи его, он тут же запрется в своей комнате и объявит сорокачасовую забастовку, а его приятели по утрам будут орать мне вслед о правах детей. Однажды такое уже было...

Дедушка легонько толкнул внука в бок:

– Что скажешь?

Арслан прокричал ему в ухо:

– Дедушка, вы видели, в каких кроссовках я приехал? Они стоят ох-ох сколько. Я эти деньги заработал честно на каникулах. На бензоколонке драил машины, пока они заправлялись. Отец бы мне и через год не дал этих денег. В лепешечном цехе я заработал еще... Там и больше можно отхватить, если постараться.

– Не рано ли ты начал, внучек? Надо бы сначала образование получить, – дед с сомнением покачал головой.

– Дедушка, поймите, мне мотоцикл нужен сейчас. Потом я буду копить деньги на

спортивный самолет. Вы не волнуйтесь, дедушка, я закончу специальный колледж, «Бизнес олами» называется. Открою свою фирму. Но для этого надо иметь стартовый капитал. Скажите, откуда он возьмется, если я сам не заработаю? Был бы я постарше, нашел бы для начала спонсора...

– Кого?.. Повтори, – дедушка подставил ухо прямо к губам Арслана.

– Ну, этого... человека, который в состоянии одолжить мне большие деньги для дела...

– Слушайте, слушайте, – хмыкнул отец, – он еще и не такое наговорит. – И обреченно вздохнув, глянул на часы: – Все, мое время истекло. Вижу, у вас полное взаимопонимание. Вот и пусть поживет здесь, посмотрит, как другим деньги достаются. А я поехал. Спасибо за угощение, отец.

– Езжай, сынок, – доброжелательно отозвался дедушка. – И не волнуйся за Арслана. Ему здесь будет хорошо.

После отъезда сына дедушка с укором посмотрел на внука.

– Да я все понимаю, дедушка. Папа разрывается на части, старается всех нас вывести в люди. Я ему предлагаю помощь, а он возмущается. Видите ли, ему стыдно принимать деньги от сына-малолетки. А по-моему, это неразумно. Мы же одна семья. Мне один знакомый бизнесмен сказал, что с моей головой не пропадешь и что у таких, как я, миллионы валяются под ногами.

– Тот человек прав, – согласился дедушка. Под белыми кустиками бровей блеснули хитрые огоньки. – Миллионы у тебя под ногами. Остается только их собрать. Ты готов?

Арслан перестал жевать, недоверчиво покосился на деда, даже в глаза заглянул. Осторожно ответил:

– Готов...

– Бери сколько надо, лишь бы терпения хватило.

– Шутите, дедушка? Если б так было, каждый дурак набрал бы эти миллионы.

– Дураков там нет, все трудовые люди. Хорошие люди...

– Фантастика... Дедушка, где же, интересно, эта золотая жила?

– А вон там, – дед махнул рукой в сторону забора. – Пойдешь – встретишь брата с сестрой, они родителям помогают. Возьми с собой волкодава, чтоб другие собаки не кинулись на тебя.

– Ладно, – Арслан схватил с подноса кусок лепешки и гроздь винограда, кликнул волкодава и направился к калитке.

Солнце причалило к зениту и оттуда в полном накале палило пространство, какое только можно было охватить взглядом с космической высоты. Айва и гранаты наливались соком. Яблоки, млея, срывались с прогнувшихся веток. Одно, золотисто-розовое, продираясь сквозь густую листву и сбивая другие плоды, глухо ухнуло об мягкую землю и услужливо подкатилось к ногам Арслана.

– Вот если бы дерево было волшебным, а яблоки золотые, – размышлял вслух Арслан, – представляешь, псина, какое состояние можно было бы сколотить. Мировой бизнес! Я построил бы громадный «Луна-парк» с умопомрачительными аттракционами, а рядом, – космический цирк «Галактика», зрительные ряды там двигались бы каруселью, кресла вертелись центрифугой, купол цирка раскрывался, и в него влетали бы инопланетяне, факиры, всякие там экзотические животные и птицы... Ладно, показывая дорогу, пес-проводник.

Волкодав с готовностью помчался вперед.

Они миновали бахчу, кукурузное поле, островок подсолнухов... Внезапно издали донесся пронзительный свист. Волкодав замер и в следующее мгновение большими прыжками помчался по хлопковому полю.

Арслан огляделся вокруг... Сборщики, словно десантники, пригнувшись, двигались вдоль длиннющих хлопковых рядов, мелькали их ловкие быстрые руки. На одной из грядок виднелось две фигурки. Они что-то кричали, а одна из них размахивала белой косынкой. Арслан догадался: это его братец с сестренкой зовут его.

Братец Набиш был на год старше Арслана и в два раза шире в плечах да еще на голову выше. Круглолицый, с бритой головой, он стоял у ошипанного куста, придерживая на животе набитый хлопок большой фартурк.

– О, Арслан, как доехал? Как поживают мама, папа и сестры?

Набиш шагнул навстречу, чуть было напроць не отдавив ногу Арслану старым кирзовым сапогом. Но дорогие кроссовки выдержали. Силач так стиснул обеими руками протянутую ладонь Арслана, что тот едва не взвыл, но даже не сморщился и бодро ответил:

– Слава хлопкоробам! Спасибо, у нас все в порядке, не считая мелочей.

Набиш снял фартук, усадил на него Арслана, а сам устроился напротив прямо на грядке. Сестра с личиком чернявого котенка – Нурия – спряталась за могучую спину брата и оттуда с любопытством поглядывала на городского родственничка.

– Ну и сколько в наличии? – с видом делового человека осведомился Арслан.

– Пока сорок килограммов... Пообедаем – еще тридцать будет, а если луна выйдет, ночью пособираем.

– Ночью? С ума сошли?! Кто вас заставляет ночью собирать? – поразился Арслан.

Улыбка, словно солнечный зайчик, слетела с прожаренного солнцем добродушного лица Набиша.

– Кто сошел с ума? Никто не сошел. Нам надо трактор купить. Свой трактор. Огород пахать. Весь участок обрабатывать. Мы тебе в город дыни пришлем, кукурузу, семечки, тыквы... Трактор суперкласса, универсальный, все может...

– О'кей, с вами стоит заключить контракт. Только вам нужен трактор, а мне мотоцикл.

– Мотоцикл тоже хорошо. А сколько стоит твой мотоцикл?

– Ну, – Арслан помялся, перевязал шнурок на кроссовке. – В общем, не хватает триста баксов.

Набиш небрежно махнул рукой, переглянулся с сестрой.

– Триста – это ерунда... Десять суток пособираешь по двести килограммов и будет тебе пятьсот долларов, на бензин тоже хватит. Ферма хорошо платит. Все довольны. Только работать надо.

– Так, – задумчиво произнес Арслан, сообразив наконец, что подразумевал дедушка, говоря о миллионах под ногами. – Но если вы по семьдесят килограммов собираете в день, то я и подавно не соберу двести. Мне же и спать надо по ночам, как всем нормальным людям.

– Если мотоцикл хочешь, спать не будешь. Сейчас пойдем на полевой стан обедать. Потом покажем тебе твои грядки, и начинай. Лучше не терять времени.

Арслан отказался идти, заметив в шутку, что на обед пока еще не заработал. Тогда Набиш послал сестру принести что-нибудь поесть с полевой стана. Нурия вытряхнула из своего фартука собранный хлопок и мгновенно исчезла.

Через полчаса все трое наворачивали сытную шурпу прямо из кастрюли, заедая ее свежей лепешкой. Нурия прихватила с кухни еще внушительный ломоть дыни и гроздь винограда.

– Мама с папой передают тебе большой привет, – сказала она, сворачивая скатерть, в которой принесла обед. – Они работают за полевым станом.

– Папа водит хлопкоуборочную машину, – с гордостью добавил Набиш.

– А почему бы вам всей семьей не купить такую машину? – спросил Арслан.

Набиш отрицательно покачал головой:

– Нам сейчас трактор нужен – для сада, для огорода. А хлопкоуборочную машину ферма даст, – он собрал с рубашки хлебные крошки и поднялся с грядки. – Все, солнце уходит, – Набиш протянул Арслану новенький фартук. – На, бери – и пора за дело.

Нурия с готовностью помогла городскому брату подвязать фартук за спиной.

– Вот тебе еще канар, – объяснил Набиш. – Будешь из фартука складывать в него хлопок. А сдавать вон там, на хирмане, учетчику.

Сытный обед разморил Арслана, его потянуло в сон. Он готов был прикорнуть под любым тенистым кустиком, и лишь бы его никто не трогал.

– Э-э, – усмехнулся Набиш, угадав настроение городского братца. – Мотоцикл сам не приедет. Начинай идти к нему вон по той грядке.

Одним краем поле упиралось в берег арыка, другим – подпирало дорогу, по которой вереницей тянулись хлопкоробы с набитыми канарами. Их фигуры скрывались под объемной ношей, и видны были только ноги, отчего казалось, будто к хирману бредут странного вида пришельцы с других планет.

Арслану хотелось бы оказаться среди них, разумеется, с такой же внушительной ношей.

А тут у него в жиденьком фартучке если наберется жалких три-четыре килограммчика, и то хорошо. Арслан несколько раз яростно ткнул кулаком по тошему фартуку и только хотел было расположиться возле прохладного арыка, как за его спиной раздался тоненький голосок:

– Рано спать ложишься. Хлопок не соберешь – мотоцикл не купишь.

Звонкий смех веселой птичкой зазвенел над полем. Арслан недовольно повернул голову, поодаль на соседней грядке стояла Нурия. Косынка съехала на брови, косички разметались по плечам, глаза озорные.

– С такими темпами, как у меня, не увидишь мотоцикла, как собственных ушей, – сказал городской гость в свое оправдание.

– Уши? Ха-ха-ха! На, посмотри на свои уши, – Нурия подошла к Арслану и протянула ему круглое карманное зеркальце. – Там твои уши есть, а мотоцикла – нет, – теперь уже ее смех пронесся над полем, как стайка веселых птичек.

Арслан обреченно вздохнул:

– Мне легче вымыть в автосервисе сто машин, чем собрать сто килограммов хлопка. Посмотри, сестричка, битый час ползаю по грядке, как навозный жук, а толку – кот заплакал.

– Кот заплакал? Ой, как интересно – «кот заплакал»! – снова залилась смехом Нурия. И вдруг, сразу стала серьезной, оборвав смех, сказала: – Знаешь что, не надо плакать коту. Я тебе помогу. Вот, бери, – Нурия вытряхнула к ногам Арслана из своего фартука весь хлопок.

– А как же трактор? – невесело спросил Арслан.

– Трактор? На трактор собирают Набиш с отцом. Давай так договоримся: я тебе помогу на мотоцикл собрать, а ты потом поможешь мне собрать на швейную машинку. Я умею хорошо шить. Ну как, согласен?

Арслан коротко хохотнул:

– Нашла тоже компаньона. Ты и без моей помощи насобираешь на швейную машинку и станешь лучшей в мире портнихой. А вот мне на этом объекте бизнес не светит. Короче, дохлый номер... Так что я – пас...

Он лег на спину. Сунув под фартук голову, вытянул ноги, сложил руки на груди – ну ни дать ни взять покойник. Нурия от восторга подскочила, захлопала в ладоши:

– Дохлый номер?! Это очень смешно. Ты настоящий артист, Арслан. Тебе надо работать в театре, а ты на хлопковом поле гнешь спину.

Арслан открыл глаза, с благодарностью посмотрел на сестричку:

– Спасибо, Нурия. Ты единственный человек в нашем роду, который меня понимает. А мой папа, как скала. Я его люблю, и в то же время мне его жаль. Потому-то я согласился отправиться в не столь отдаленные места под надзор родного деда для исправительно-трудового воспитания. Но это же полный бред...

Пронзительный свист заставил их обернуться. С другого конца поля что-то угрожающе выкрикивал Набиш, трясая в воздухе гиреподобным кулаком.

Арслан залез на бугорок, помахал брату рукой, а сестре сказал:

– Придется мне самому выкручиваться. Ты беги к Набишу, вы же в паре работаете.

– Ладно, выкручивайся пока, – убегая, бросила Нурия. – Я с братом договорюсь. Соберем тебе на мотоцикл...

Она помчалась через грядки, легко подпрыгивая, как газель, машинально выхватывая из раскрывшихся коробочек белоснежные комочки.

Некоторое время Арслан смотрел ей вслед. Потом затолкал весь хлопок, бескорыстно преподнесенный Нурией, в канар и поволок его к дороге.

Последние метры до хирмана пришлось тянуть канар волоком. Переть его на спине не было сил – ноюшие с непривычки ноги, горящие огнем пятки, упакованные в кроссовки, едва держали тело. А хлопка в мешке было столько, что любому местному первокласснику собрать подобный вес – раз плюнуть. В изнеможении Арслан присел у обочины, в отчаянии швырнул в канар подвернувшийся под руку камень, хотя канар, истерзанный кустами да придорожными булыганами, меньше всего был виноват в неудачах незадачливого сборщика. Арслан отвернулся от мешка и увидел, как заходящее солнце осуждающе глядит на него из-за макушек тополей. Вечерний холодок змеей выполз из арыка, коснулся

нвившей под задранной, замызганной до неузнаваемости фирменной майкой спины Арслана, лизнул почерневшую от загара и пыли шею. Мальчишка поежился, но подняться не было ни сил, ни желания.

– Эй, братишка, скорее беги, сдавай! Учетчик собирается домой, – сказал, проходя мимо, какой-то парень без рубашки, – на его голых плечах лежали два пустых канара. Без слов было ясно, что дневную норму этот сборщик перевыполнил с лихвой.

Арслан толкнул коленкой канар, словно упрямого ишака, и вновь потянул его за собой.

Учетчик оказался маленьким мужчиной, ростом с Арслана, правда, раза в четыре старше, а запущенная шетина на лице и голове дала повод сельчанам кликать его Ежиком. Не дав Арслану и рта раскрыть, он махнул в сторону хлопковой горы:

– Вытряхивай сразу, Там у тебя не больше пятнадцать килограммов.

– А что, нельзя взвесить? – обиженно засопел Арслан. – Сколько тащился с ним – и всего пятнадцать?

– Сколько тащился, не знаю, а я тебе, как дорогому гостю, округлил. – Учетчик недовольно выдернул из кармана карандаш и снял с весов толстую конторскую книгу. – Если у тебя такой принцип, давай сюда свой трудодень. Таши-ка.

Арслан кое-как втянул на весы злополучный канар. Учетчик нацепил очки, деловито шаркнул гирями.

– Пятнадцать двести. Минус тара да мусор на дне.

– Нет уж, вы учтите все вместе, – заспорил гость.

Счетовод промолчал. Захлопнув журнал, оглядел Арслана с ног до головы.

– Кому помогаешь?

– Брату. Набиш мой брат... И еще сестре, – машинально ответил Арслан и смутился.

– Набиш? А, Набиш – внук почтенного мираба Убайдуллы-бобо, сын механизаторов Акбара и Нафисы, брат Нурии. Знаю, знаю... Постой, сынок, но разве таким людям нужна помощь? Они сами кому хочешь помогут. У тебя здесь от силы пятнадцать килограммов. Они несколько центнеров дают в день. У Акбара хлопкоуборочная машина, голубой комбайн. Понимаешь?

– Чего уж тут не понять. А сколько стоит этот комбайн? – заинтересованно спросил Арслан, переминаясь с ноги на ногу.

Ежик замер, почесал ладонью колючий подбородок.

– Тебе зачем цена?

– Купить хочу, – с вызовом ответил парень.

– Купить?! Когда хочешь... купить?

– Когда заработаю.

– А-а, миллионер, значит? – Ежик многозначительно закивал головой. – Перегрелся, видно с первого дня. В голове у тебя миражи какие-то. Давай-ка я тебя лучше домой отвезу.

– Набиш с Нурией искать меня будут. Волноваться станут...

– Ничего, у нас в кишлаке иголка не потеряется. А такого миллионера сходу увидишь, как корову на огороде.

За хирманом, к удивлению Арслана, обнаружился мини-мотоцикл – такой крохотный, что за нормальной козой его и не заметишь.

Ежик показал на багажник величиной с подметку своего сапога.

– Садись, миллионер, не бойся. Этот железный ишачок любого коня объедет.

Они лихо промчались по вечернему кишлаку. Вслед им что-то кричали мальчишки и кидались от ворот громадные псы.

У калитки сидел дедушка. Ждал детей и внуков, приветствовал возвращающихся с полей односельчан.

Ежик лихо подкатил к калитке, приглушил мотор.

– Мир вам, здоровья и семейных радостей, Убайдулла-бобо!

Дедушка ответил на приветствие, пожал Ежику руку, спросил о делах. Ежик по-приятельски приобнял Арслана.

– Вот, доставил вам городского внука, – сказал он громко, так, чтобы дедушка слышал. – Деловой парень. Хлопкоуборочную машину хочет купить.

– Сначала мотоцикл, – поправил Арслан.

– Мотоцикл? – сказал Ежик. – Зачем покупать мотоцикл? Хочешь, я тебе свой подарю, бери хоть сейчас.

– Что вы... – растерялся Арслан. – Вам на работу ездить надо. Я себе куплю японский «Сузуки». Гоночный.

– О! Ты я вижу, парень не простой. Соображаешь. Молодец... Что ж, желаю удачи...

Откланявшись, он попылил на своем минимотике дальше.

После изнурительного трудового дня Арслан с ходу залез под душ и долго отмывал вездливую пыль. От ужина отказался, лишь проглотил несколько виноградинок, кусочек лепешки запил двумя глотками чая и свалился в комнате брата на мягкую уютную кровать.

В следующие дни по кишлаку поползли слухи-небылицы, выпущенные на волю Набишем, Нурией и чрезмерно обшительным Ежиком. Каждый сборщик уносил с хирмана побасенки о юном столичном бизнесмене, намеревающемся выгодно продать собранный им хлопок и на заработанные деньги приобрести: для дяди – хлопкоуборочную машину, для сестры – швейную машинку, а для себя – мотоцикл. По расчетам Ежика, мечта бизнесмена должна осуществиться в течение двадцать первого века при условии, что Арслан будет собирать не меньше двадцати килограммов в день. Главное, чтобы у семейства Убайдуллы-бобо хватило здоровья и терпения дождаться этих подарков. Сельчане незло подтрунивали над городским парнишкой. Он не сердился и больше отмалчивался. Его преследовала одна мысль – отработать злосчастную исправительно-трудовую повинность и вернуться в родной Ташкент. Надо только выдержать испытание, а время докажет его правоту.

Отец, куда деваться, конечно, смирится. Наверняка мама попытается разжалобить его, а там и сестры вступятся. Арслан был уверен: именно так все и произойдет. Он-то хорошо знал своих родителей.

А пока Арслан ухитрялся славать собранный хлопок под вечер. Так было внушительней. Не таскаться же ему несколько раз в день с тошим канаром, в котором и полпуда хлопка не набиралось, а насмешек с этого – на целый пуд.

Правда, одно странное обстоятельство приятно озадачивало Арслана. В то время, как он мотался по грядкам взад-вперед, хлопок в оставленном у края поля канаре, каким-то чудом все прибывал и прибывал – не иначе, как проделки полевого духа, в существовании которого в наше чудотворное время мало кто сомневается. Пусть он здравствует, если исходит от него добро. Будь Арслан всемогущим магом, он такое бы сотворил, такое!.. Ну, к примеру, все до единой хлопковой грядки вытянул бы в одну бесконечную линию и опоясал ею земной шар, чтобы прошла она и через те страны, где хлопок не выращивают. А еще изобрел бы суперуниверсальную хлопкоуборочную машину с комфортабельной кабиной, где была бы видео и радио электронная аппаратура, а впридачу кондиционер с холодильником и баром. За суперкомбайном бы следовал прицеп с мини-заводиком, который тут же перерабатывал бы собранный хлопок. Конечно, без напарника в такой кругосветный рейс не отправишься. Взял бы Арслан с собой в дорогу скорее всего... Нурию. Конечно, брат-силач надежнее: и телохранитель, и в технике разбирается, но уж больно он нудный – ест за троих, а шутит мало...

Арслан представлял, как они с Нурией в уникальной машине с прицепом, – можно назвать этот комплекс «Арслан-хлопкоуборочная супермашина», – катят через разные страны, а за ними тянется очищенная волшебная грядка. Машина собирает белое золото, мини-заводик выдает на конвейер готовую продукцию: вот вам медицинские препараты, химические удобрения, хлопковое масло и даже, если хотите, калоши... Словом, многое из того, во что способен превратиться чудесный куст хлопчатника. Конечно, чудо-машину встречают известные бизнесмены-промышленники, владельцы крупнейших фирм, и все просят подписать контракт на взаимовыгодных условиях. А покупатели тут же расхватывают с конвейера удивительную продукцию, и все довольны, а особенно Арслан – создатель этого чуда.

Эти фантастические мысли распяляли воображение Арслана, уносили в экзотические страны, однако условный рефлекс заставлял его ноги двигаться по длинным грядкам, а руки – выщипывать из коробочек белое волокно. Вот он доплелся до своего канара и в изнеможении свалился рядом, положив голову на мешковину, и прикрыл глаза, чтобы спастись от беспощадных солнечных лучей.

– Эх, сейчас бы... суперхлопкомашину сюда... – бормотал парнишка, ошущая, как тело

его, с гудящими руками и ногами, переходит в состояние невесомости и уносится в бесконечное пространство.

Возвращающиеся с хирмана Набиш с Нурией обнаружили у края поля канар доверху набитый хлопок. Похоже, столичный братец сегодня превзошел самого себя. Однако где же сам герой?..

– Может, у арыка отдыхает? – предположила Нурия. – Нас дожидается...

Обшарили берег поблизости – Арслана нет, как в воду канул.

– Никуда не денется наш Арслан, – пропыхтел Набиш, прикидывая что-то в уме. – Давай-ка отнесем его канар на хирман. Брат прибежит, смекнет, что к чему, еще спасибо скажет.

С помощью сестры Набиш закинул тяжеленный канар на свою могучую спину и, для равновесия широко расставляя ноги, будто шел по палубе корабля, медленно двинулся в сторону хирмана. Нурия семенила сзади, изо всех сил стараясь поддерживать снизу тяжеленную ношу. При этом она без умолку шебетала:

– Какой молодец наш Арслан. Замечательный наш Арслан. Столько хлопка за день никто из нас не собирал... А вдруг он убежал в город, а? Что ты молчишь, Набиш? Может, Арслан обиделся?..

– На кого обиделся? – прохрипел под непомерной ношей Набиш.

– На дядю. На дедушку. Они его перевоспитывают, а он и так хороший. – Нурия забежала вперед и торжественно, словно на праздничном вечере, объявила: – Арслан скоро миллионером будет! У него в голове бизнес. Да, он сам мне сказал. Ему в нашем кишлаке нечего делать. Он здесь ради своего отца и дедушки терпит этот... как его... дохлый номер... Вон сколько хлопка сегодня собрал – наверное, это рекорд...

– Замолчи, трешотка, – Набиш сердито покосился на сестренку, – иначе заставлю тебя тащить его рекорд. У Арслана в голове бизнес, а у тебя ветер. Выучиться надо сначала, а уж потом, если голова умная, собирать миллион. Я вот собрал две нормы, мне заплатили большие деньги. Все просто и понятно, как дважды два – четыре. А его бизнес кто у нас понимает? Кто, я тебя спрашиваю?

– У нас не поймут, а в Америке поймут, в Японии поймут, в Турции поймут. Я пойму... – Нурия отчаянно зашишала городского брата.

Набиш приостановился, подбросил повыше канар, зарычал, как медведь:

– Слушай, сестренка, пусть Арслан зарабатывает на свой мотоцикл и чешет на нем в Стамбул. А ты катись вместе с ним. Поняла? Уши мои устали больше, чем ноги, вот-вот отвалятся от твоей трескотни. Лучше подерживай канар, сорока.

На хирмане учетчик встретил их недовольным ворчанием:

– Даже в пятницу не даете уйти по-человечески. Я уже закрыл весы. Оставьте канар у входа, – утром взвешу и запишу.

– Это не наш сбор, – упрямо сказала Нурия. – Это рекорд Арслана.

– Если рекорд, грамоту дадим, – так же ворчливо ответил Ежик. – А где сам-то рекордсмен-бизнесмен?

– Сбежал... – вытирая майкой пот с лица, буркнул Набиш.

– Может, на почту? – высказала предположение Нурия.

– Пошел отцу телеграмму отправить о своем мировом рекорде, – съязвил Ежик. – Все-все, идите. Меня уже дома к плову ждут.

Ежик по-хозяйски окинул взором площадку, схватил веник, торопливо подмел земляной пол вокруг весов, подобрал рассыпанные комочки хлопка, подумав, решил отволочь канар подальше от входа. Потянул за собой, но канар не сдвинулся с места.

– Что там, хлопок или песок насыпали, шайтан его забори! – в сердцах выругался Ежик, ткнув в канар носком сапога.

И вдруг канар подскочил, крутанулся, чуть было не сбив Ежика с ног. Раздалось завывание, холодящее кровь. Учетчик отскочил в страхе, попятился, цепenea, присел на весы.

Как всякий нормальный землянин, он был человеком суеверным. К тому же газеты, радио и телевидение, не говоря уже о кинофильмах изо дня в день сообщают о всяких аномальных явлениях: встречах с НЛО, домовыми-барабашками, снежными людьми, убеждая, что сверхъестественные явления существуют и называются простым ученым словом – полтергейст.

Когда приступ ошарашенности прошел, каким-то не своим, глуховато-деревянным голосом Ежик спросил:

– К-кто... з-здесь?

– НЛО, неопознанный лежачий объект. Выпусти меня, брат по разуму, не бойся, я тебе зла не причиню, – последовало из канара.

«Без акцента болтает по-нашему», – оценил Ежик и заставил себя приблизиться к говорящему канару. Он приготовился к любым неожиданностям. Кто знает, каков образ и характер у этого подкидыша с неизвестной планеты.

Непослушными пальцами Ежик развязал тугой узел, приоткрыл канар, с трепещущим сердцем отбежал к весам. Ох, как он сожалел в ту минуту, что у него не было фотоаппарата. Уникальный снимок в момент прославил бы его. В кишлак тут же примчались бы корреспонденты, вся Академия наук, туристы. Эта мысль фейерверком мелькнула в сознании Ежика и тут же ее приглушила тревога. Канар медленно расправлялся. Из него выползало что-то несуразное: круглое, серое, с конечностями, число которых было трудно определить. Ничего похожего на глаза, нос и рот разглядеть было невозможно. Шар неуклюже подкатился к ногам Ежика и неожиданно распрямившись, принял образ знакомого существа.

Ежик от изумления запрыгнул на весы.

– Это ты, Арслан?

– Материализовался в Арслана, – научно объяснил пришелец.

Глаза Ежика выразили сомнение, сквозь щетину на его черном от пыли лице проступило разочарование.

– Решили втроем посмеяться над учетчиком? – оскорбленный до глубины души, Ежик схватил длинную палку, которой взбивали хлопок. – Сейчас я тебя материализую! Сразу забудешь про свой бизнес!

– Стойте! Стойте! – взмолился Арслан. – Я не нарочно... Случайно получилось. Уснул на поле. Во сне, наверное, и залез в канар, от солнца прятался. А брат с сестрой приволокли меня сюда. Они и не подозревали, что несут меня. Честное слово, они ни при чем. Клянусь!..

– Как это ни при чем, если ташили тебя с поля? А ты, значит, рекордсмен, бизнесмен, инопланетянин или просто лентяй, выходит, да? – грозно вопрошал Ежик, оправившись после недавнего замешательства.

Арслан тяжело вздохнул, понуро уставился на ворота, куда заглядывало вечернее солнце. Он видел дорогу, утопающий в зелени кишлак и два порыжевших холма, очень похожих на отдыхающих верблюдов. Там, за этими верблюдами – Ташкент. Сорваться бы сейчас и без оглядки марафоном промчаться до города. Тоскливое чувство одиночества шемило душу Арслана. И вдруг накатило неукротимое желание – просить дедушку о «помилвании» и завтра же – ни днем позже! – первым автобусом уехать домой, в Ташкент.

– Ну-ка вставай, бизнесмен, поедем к дедушке, расскажешь ему про свою глупую шутку, – властным жестом хозяин хирмана указал Арслану на выход.

Ежик устроил пленника на минимотоцикле и за несколько минут домчал к дому. В это самое время брат с сестрой собирались отправляться на поиски Арслана. Резко затормозив, Ежик крикнул ребятам:

– Эй вы, знаете, кто за моей спиной?

– Арслан! – воскликнула Нурия.

– Вот как? – с притворным удивлением сказал Ежик. – А я думал, что везу настоящего инопланетянина.

– Откуда ты взялся? – спросил Набиш, не выказывая особого восторга: городской братец доставлял ему немало лишних хлопот.

– Откуда он взялся? – Ежик звучно шлепнул ладонями по своим коленям. – Из канара он взялся! Из канара, который вы ташили целый километр! – расхохотавшись, Ежик толкнул Арслана с багажника и умчался прочь.

– Идем, Арслан, папа твой приехал, – радостно сообщила Нурия. – Сюрприз тебе будет.

– Вот-вот, сюрприз тебе будет, – мрачно повторил Набиш, обескураженный невероятной выходкой городского брата.

Дедушка с отцом ждали Арслана на айване. Отец что-то доказывал, жестикулируя и кивая. Дедушка тоже изредка кивал в знак того, что слышит, и мелкими глотками отпивал чай из пиалы.

Арслан не бросился к отцу, хоть и не виделся с ним почти две недели. Не мог простить ему незаслуженную «ссылку». Отец оживился, увидев Арслана.

– Иди, я тебя обниму, сынок, – заискивающие нотки в отцовском голосе не ускользнули от внимания Арслана. – Рад тебя видеть.

Арслан взобрался на айван, позволил отцу прижать к себе, похлопать по спине, взерошить волосы. В ответ пробубнил: «Привет, папа», но сел рядом с дедушкой. Отец сделал вид, будто и не заметил этого.

– Говорят, ты здесь все рекорды побил, – похвалил он. – Молодец, сынок, не подводишь нашу фамилию. Можно с чистой совестью возвращаться домой. Мама и сестры уже заждались тебя.

Арслан насторожился. «Чего это с ним?» – подумал он, а вслух сказал:

– Папа, я не могу сейчас уехать.

– Как? – не поверил своим ушам отец.

– Мы еще не весь хлопок собрали, – потупившись, сказал сын. Отец громко рассмеялся:

– О-о, это похвальная ответственность... – дедушка одобрительно притронулся к плечу внука.

– Не волнуйся, Арслан, – успокоил отец, – урожай и без тебя соберут. Я думаю, ты внес достойный вклад в общее дело.

– Когда мы ехали сюда, ты, папа, был другого мнения.

Отец не ответил на это. Отведя глаза в сторону, глухо сказал:

– Надо ехать сынок. Завтра утром и отправимся.

Арслан встревожился:

– С мамой, сестрами все в порядке?

– В порядке, в порядке, сынок, не беспокойся. Но хватит уже гостить. Дедушку, всех родных повидал, – вот и хорошо.

– Не могу, папа, извини. Я ведь еще не заработал на мотоцикл, – упрямо стоял на своем сын и обернулся к дедушке: – Дедушка, не возражаешь, если я у тебя задержусь? Помнишь, ты сам сказал, что на хлопковом поле можно собрать миллион, надо только захотеть. Вот я и хочу.

Дедушка поставил на столик пиалу, выразительно посмотрел на сына и посоветовал:

– Скажи мальчику правду, все равно ведь узнает.

– А мой авторитет? – вспыхнул отец.

– Не повезешь же ты сына в мешке вместе со своим авторитетом?

Арслан вскочил на ноги:

– Папа, скажи, наконец, что случилось?!

Отец взбил подушку, подложил себе под бок.

– Успокойся, сынок, ничего особенного, – сказал он и грустно усмехнулся: – Правда, нашу голубую персидскую кошку...

– Уташили?!

– В заложники взяли. Мама с девочками сходят с ума.

Арслан медленно опустился на курпачу.

– А что просят взамен кошки?

– Взамен кошки, – с расстановкой ответил отец, – взамен кошки они требуют льва.

– Какого еще льва? – опешил Арслан.

– Льва по имени Арслан. Твое же имя, как известно, означает «лев».

– Значит, напали рэкетеры?

– Твои дружки, сынок...

– Шутишь, папа?..

– Не до шуток мне. Целую неделю из-за тебя потерял, – сумрачно ответил отец. – Твои приятели забаррикадировали гараж, пришлось мне два дня в автобусной давке на работу ездить. А вчера под окнами моего кабинета устроили митинг. Целый час горланили о правах человека на свободу и труд. Даже какую-то газету совали в окно.

Арслан решительно вылез из-за низенького столика, стоявшего на айване.

– Едем, папа!

– Прямо сейчас? – удивился отец, не ожидавший такого оборота.

– Именно сейчас, папа. Время – деньги... То есть, я хотел сказать, кошку жалко, лишнюю ночь будет в чужих руках. Мама переживает, сестры ревут. Ты ведь любишь их, папа?

Дедушка поддержал внука:

– Арслан прав. Ночь проведете в пути, зато на рассвете уже дома будете.

Провожали гостей поздним вечером. Обнимали, желали счастливой дороги, приглашали приезжать в гости. Нурия просунула голову в открытое окно кабины:

– Арслан, мы тебе пришлем твой заработок. Ты не беспокойся.

– Если так, я куплю тебе швейную машинку на эти деньги.

– А как же мотоцикл? – спросила сестренка.

– На мотоцикл не хватит этих денег. Я их в городе заработаю... Думаешь, я не понял, что ты мне в канар подкладывала хлопок?

Нурия звонко рассмеялась, дернула Арслана за ухо и отскочила от машины.

Набиш солидно пожал Арслану руку, коротко сказал:

– Когда хлопок уберем, на рыбалку пойдем, в горы ходим, – предстоящая разлука с суматошным братом, который доставил ему немало хлопот, вновь настроила его на добродушный лад.

А дедушка, прощаясь с отцом Арслана, напутственно сказал:

– Не дело главному инженеру заниматься кошачьими вопросами. Хозяйничай лучше на заводе. А дома пусть Арслан управляет. Деловой человек растет, светлая голова, ловкие руки. Он станет большим, как это он себя величает, бизнесменом. Что ж, сынок, привыкай к новым словам. Новые слова обозначают новую жизнь. Ну, хорошей дороги вам...

Автомобильчик взревел, затрясся, строптиво дернулся с места и покатил своей дорогой. Арслан долго махал провожающим, высунувшись из окна. Ему грустно было расставаться с братом, сестрой, с кишлаком. Не скажешь, что скучно прошли эти жаркие денечки. Особенно, если вспомнить, как двоюродный братец ташил в канаре Арслана, а симпатичная сестричка его подгоняла, так уж совсем схватишься за живот. Вот уж будет что рассказать приятелям во дворе. Друзья у него что надо – выручили из «неволи». С такими не пропадешь. А все-таки надо получить образование, как хочет отец, иначе как же он заработает свой миллион? Тем более, что столько всего наобещал сельским родственникам. Ну ничего, он свое слово сдержит. Дайте только срок. Да и время сейчас такое – только держай!

Арслан откинулся на спинку и предался радужным мечтам под мерное тарактенье отцовского «Матиза».

НОВЫЕ ИМЕНА

Ксения ВОЛКОВА

Родилась в 1989 г. в Москве.

Окончила Московский технологический институт, по специальности инженер-технолог.

Пишет стихи с юности. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Мы будем любить...

11 декабря 2012 г.

Вы знаете, самое страшное... что мы начинаем обращаться к Богу, когда ничего не остается, когда наступает ситуация неподконтрольная нам... сильнее нас... только тогда мы идем в церковь ставить свечи, только тогда мы даем обещания, даже те, которые не в состоянии выполнить. Мы умоляем о чуде. Мы вымаливаем и каемся, потому что именно наш Бог добрый и всемогущий, и именно мне он поможет.

Я знаю, что нет слов, которые могут описать многие события и чувства, я знаю, что сейчас я могла бы уже ничего не писать, а просто ставить точки... страшно не когда ты вдруг не знаешь, что сказать... или не услышишь нужный ответ... страшно, когда ты уже никогда ничего не услышишь.

Знаете, что такое счастье? Когда захлебываешься безудержными рыданиями от счастья, целуешь и благодаришь Бога за самое необыкновенное чудо, а ладан капает на шапку.

19 декабря 2012 г.

мамуль... если бы ты знала... как мне тебя не хватает.
 черными кругами под глазами
 живет горе...
 живет море... слез...
 Мама... не смотри –
 у меня седые виски.
 как бы мне хотелось прижаться губами
 к твоим рукам,
 к плечам...
 хотя бы глазами...
 мне бы в небеса...
 навсегда...
 за тобой
 с головой...

25 декабря 2012 г.

Идет война,
 о которой мы ничего не знаем.
 У этой войны нет тыла,
 нет фронта,
 нет правил.
 Есть невидимая армия и страшное оружие.
 Голос Левитана не объявит нам, во имя чего погибают наши соотечественники,

наши друзья,
наши близкие.
Более того!!! мы не узнаем... от чьих рук они гибнут...!!!
Есть два вида тишины:
горе и счастье.
Я хочу сказать только одно – Будьте внимательны!!! Будьте подозрительны!!!
Не позволяйте этому разобшить нас. Мы должны помогать друг другу, поддерживать, сопереживать.
Берегите друг друга!!!

29 декабря 2012 г.

Я как в каком-то сне... для кого-то год – это дааааааааавно... для кого-то... это совсем чуть-чуть... можно ли сказать вообще о каком-то промежутке времени давно... вот год... давно или не давно... этого никто не сможет точно сказать... 365 дней... Иногда день длиннее, чем год, а год короче дня. А прошедшие десятилетия своих же жизней мы порою просто подшиваем себе в «дело», как в канцелярии... и перелистываем эти «дела» иногда.

1 января 2013 г.

Латиносы терзают струны... Дым сигар... Все танцуют румбу... Вены рвутся от алкоголя и желаний...

В зрачках отблески обнаженных плеч... Запахи женщин.

Все танцуют румбу... Где-то далеко... Где не бывает снега... В моей голове. В моей голове все танцуют румбу... Запах прячется в ямочке на шее... Там начинается женщина... Там она заканчивается... Вы можете поспорить... Я принимаю спор... Струны замолкнут... Остановится румба.

Мы станем с вами трезвы... как стеклышко... Мы не расстроимся... Вы наклонитесь и поднимете с пола звезду... Я заверну ее в платок... и мы уйдем... Мы дадим ей имя... Мы покажем ей снег... Мы будем натирать ее до блеска... сотрем с нее следы чужих каблучков... сотрем запах вина... сотрем чужие поступки... Мы поступим сами... Сами... как ни поступали никогда... Мы будем любить звезду... Мы научим ее любить небо... А небо научим любить ее... Мы дадим ей запах... Она станет опять живой.

И когда небо снова отяжелеет от снега и будет сыпать его вниз расчудесными белыми хлопьями, я дам вам табурет... и вы... встав на него... просто прицепите звезду где-то между подушек пушистых снежных облаков.

10 января 2013 г.

за шторами притаился мир..

ждет... выжидает... пока распахнут их широко...

и тогда он подарит улыбку...

нового утра... нового дня... нового года...

я знаю... что нужна ему...

своими текстами... мыслями... сердцем... токами крови...

14 января 2013 г.

Кромсать на полоски небо... кромсать белым акрилом... выпускать на свободу снег... из нарезанных полосок сплести звуки птиц и танцевать в белой синеве... целовать эту синеву... целовать глубоко... вбирая ее в себя... а потом добавить оранжево-огненного, и его с выдохом залпом... вбирая... и воцарить над всем... что однообразно и серо... я желаю тебе... неба... оранжево-голубого... внутри тебя и вокруг...

Хорошо, что Вы... скорее всего, этого не прочтаете...

18 января 2013 г.

Откровенно говоря, боюсь облекать в буквы стихи, эти маленькие бессвязные сгустки эмоций разных и порций тепла. Это, как гадать на молоке, – все равно пенка утекает, сгорает, запах приторной карамели везде вокруг. Мне хочется пожать сейчас твою руку, но предателя спасет только самоубийство – мексиканские обряды (это я прочитала в твоей книге) очень жестоки – они сжигают иуд в определенные дни. Мне темно и жарко, убери из моей головы остатки страшных снов, кровавые письма в ящиках и недописанные картины.

Я накладываю последний жгут на лопнувшее и помутневшее сердце. Мне так мерзко осознавать себя жертвой чьих-то манипуляций, пальцев и мечтаний. Убегаем от себя, городов, молока, запаха кошек в твоих домах. На моих дорогах – отпечатки других людей.

25 февраля 2013 г.

Утонуло все...

Остались только Ты, Я, Небо...

Давай отменим сигаретный дым... давай перестанем тонуть в нем... во снах... непрошенных гостях... я буду вырезать из картона... ты будешь лепить... пластичные пальцы в белой глине... или вывязывать крестиком... стихи... мои или чужие... мы будем тонуть... друг в друге... в стихах наших... в городах чужих... в разных квартирах... в вере... мы будем верить... друг в друга... в Бога... в сущность... в бытия сущность... или не верить вовсе... когда-то было одно на двоих одеяло, матрас и подушка... А еще слова, которые мы потом сказали Другим. Они поверили нам, да мы и сами поверили себе и жали руки, как пара, а потом растворились в чужих объятьях... в чужих рифмах... рифмах... Как ты там живешь?

4 апреля 2010 г.

Как-то вот вдруг и апрель.

Он и в этом году без моего участия,
а кто-то не дожид. Кто-то не встретил.

Очень много слов,
очень много слез.

Фламастером черный квадрат.

Черный экран,

черное небо,

а где-то над морем кружат простуженные чайки,

и скоро можно будет купаться.

Магнолии и все такое.

А кто-то не дожид,

Кто-то не встретил.

Черт.

Я перебрасываю сумку с файлами через плечо и забегаяю в метро.

А пока я бегу, ты будешь читать с монитора мое письмо.

Чужого горя не бывает.

Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол.

А знаешь... это сказал не Хемингуэй,

это сказал Джон Донн,

великий метафизик... по-моему... 14 века.

Неважно

кто и когда сказал.

Важно другое:

что апрель осиротел,

у апреля черная ленточка на рукаве.

Только это ничего уже не изменит.

Можно стереть это послание... забрать картины... забрать... убрать за шиворот... или просто написать: обнимаю.

3 июля 2013 г.

Сквозь захлопнутые двери и зашторенные окна... в пустоту замочных скважин проникает запах встречи.

Не докурив до конца сигарету,

не промыв глаза от туши,

ты бежишь под одеяло, оттолкнув с него кота...

И закрывшись с головою, ты стараешься не верить, что чуть ниже и левее, где должна быть пустота, с сильным грохотом, как проходящий поезд, стучит сердце.

6 июля 2013 г.

Любовь – процесс. Процесс, и никогда – результат.

Каждый день ты умираешь для себя, чтобы жить для кого-то.

Вот встала утром и сохла.

Вот это – Любовь.

Просто услышать голос, знать, что человек ходит, дышит, улыбается, пьет кофе...

Когда любишь не за что-то, а вопреки чему-то.

Когда готова оторвать голову... пофутболить её по всем улицам... Когда так тошно от всех, что хочется блевать. Когда абсолютно всё равно... ты просто Любишь... вопреки всему... чтобы проснуться среди ночи, взглянуть на человека и просто увидеть его рядом...

12 июля 2013 г.

Я притаилась на балконе в молочной зелени, на щипочках опускаюсь в иссиня-черное небо, прыгаю прямо в белой рубашке, жадно захлебывая город...

Душа мечется, как огромная белая чайка... бьется крыльями... трепыхается по грудной клетке.

Я разрезаю небо на кусочки, словно острым ножом кожу, развешиваю клоками по фонарям, чтобы заслонить тебя от жарочного солнца...

Долгожданная прохлада падает первыми каплями дождя на предплечье, заставляет извиваться, меняя направление. Мне не хватает твоих глаз, чтобы не потеряться в небе: не хватает красных флажков, заботливо привязанных к проводам.

Мокрыми объятиями я спускаюсь по перилам, шершавя спину кусочками железа, впитывая полуденный пар. В такт дождю, не сбиваясь с ритма, по закрытым векам ударяются лучи. Я обвожу взглядом поднебесный мир и понимаю, что исполнение мечты находится в твоих глазах, которые пугают и притягивают.

6 сентября 2013 г.

Сентябрь придет к нам, когда я буду лепить сырники из творога, а ты подкидывать блины к потолку, разбрызгивая масло на волосы...

Мы будем рядом... вот так вот просто... от завтрака до ужина и снова...

Пойдем вокруг дома по грибы. Ты выбираешь только на длинной ножке... полезные... а я мыском выбиваю дым из «дедушкиного табака»... я, видимо, что-то упустила из виду. И хочется тебя за шиворот тащить в бесконечную осень...

Я только хотела кое-что спросить... но постеснялась... как-нибудь потом...

с вашего позволения...

и все же... кто научил тебя так улыбаться?..

Пьяна и руки под твоей рубашкой... ласкают спину... позвонки становятся в ряд... а у самой по телу волнами озноб...

Я смотрю на тебя... как ты ходишь... как куришь... как пьешь... как смеешься над моими глупыми шутками...

И каждая секунда подкрадывается сзади... делая время только нашим... только личным...
 А слева... схватки с минимальными промежутками... слева сердце... я замираю, но рукой не трогаю... и тексты повторяются буква в букву... и в них одно и то же.
 А я как всегда в депрессии... в долгах... в джинсах грязных... и все что мне нужно... под твоей рукой с утра просыпаться... смотреть, как солнце скользит по тебе... видеть твою улыбку сначала во сне... а потом мизинцем дотрагиваться...
 Ты делаешь мне завтрак... дразнишь запахами... пока я еле-еле из сна выползаю... пряча лицо в футболку от стыда сгорая... когда я раздеваю тебя... не важно руками или глазами.

20 сентября 2013 г.

Как мне нравится сегодняшняя погода – осенево!!! ОСЕНЕВО!!! Только бы дождь не разошелся, и все было бы просто, как в сказке!!! Как я люблю осень!
 Счетчики доходят до определенного значения, и начинается обратный отсчет. Циииифры летят с бешеной скоростью в сторону уменьшения значений, пока не доходят до нуля. Пустота? Нет. Всего лишь новый период и новые отсчеты по другой системе бонусов и поощрений-наказаний.
 Тебе кажется, что ты что-то потерял? Ан-нет, ты перешел на новый этап, где ты будешь немного другим. Ты готов к этому? Ты просто обязан «поумнеть», а точнее, сдать экзамен по пройденному материалу: усвоил/не усвоил. Давай не будет оценок, а? Давай просто зачет/не зачет, и нет ничего незыблемого. Все течет, и все изменяется. Мой мир и постарел, и, как новорожденный, свеж. Хочу заново, точнее, по-новому понять: а может быть, это желание начать новую жизнь, потому что я не чувствую привязки к старой?
 Простые предложения, замечательные формы с привкусом «я никогда не забуду», с долей юмора на золотистой щеке (ты смеешься?). Отчаянно, как безумная, скатываясь с обрыва, вся в листочках и комочках земли пишешь... дышишь. А сколько написанного попало даром, и сколько не вышло из-под языка, не сформировано в слова...

25 ноября 2013 г.

Ноябрь.
 Мой.
 Такой пронзительный.
 Такой, что можно даже захлебнуться.
 Ноябрь,
 забравший с собой...
 не вернувший...
 перевернувший...

Я каждое утро врезаюсь в него.
 Он из шелка или из хлопка.
 Он серо-голубых кровей, тонов.
 Он прозрачен.
 Я погружаюсь в него... кидаюсь в него...
 И все так ярко... остро,
 будто я только сейчас и начинаю жить...

Он будто мне друг.
 Не брат, не сестра, а именно друг.
 Или даже больше...
 Я кричу ему в распахнутую форточку,
 в гул машин, в гул дождя, в буйство холодного солнца...

Я умею его рисовать... умею его играть...
 На чем угодно. На флейте дождя... на варгане труб... картонных струнах.
 Он умеет играть меня... умеет меня завлечь... увлечь и вести
 по оранжеево-тусклым ночным дворам... по мостам... причалам...
 по полуденно-дрожащему городу... сквозь стены... больничные коридоры,
 мониторы... сквозь чужие слезы и чужую боль.

Ноль.
Ноль на счетах... градусниках... циферблатах...
Он любит все округлять...
Он любит шарфы и ботинки... котов и ворон...
Он любит изморозь на лобовом... и когда счищают ее щеточкой.
Он любит мосты и холодную воду в реке... и окурки армадами в лужах...
Его люблю я.

17 декабря 2013 г.

Когда мина лежит слегка припорошенная землю в бездействии, есть надежда на спасение... даже зная, что в ушах постоянно тикает. Один шаг и на несколько метров разлетятся грязь, осколки и мясо.
Воронка времени, нежности и души... Огромная дыра, которую не залатать таблетками и не залить цистернами спирта...
Упор лежа... белая машина отвезет тебя с твоими пожитками. Стекло порежет мне руку, и с кровью выйдет память... желания... Останется только страх. И надежда, которая соберет тебя по кускам... Берегите друг друга, но помните: в одну реку не входят дважды. И знаете что... да я плачу... «но это уже ничего не значит».

20 мая 2014 г.

Натыканы в квартире твои фотографии и рисунки... нарезка воспоминаний.
Их у меня много:
Города,
моря,
утра, ночи.
Вечер обхватывает – и вот – лежу посреди тоски.
Лежу молча – я знаю, или мне кажется – это было вчера, а вовсе не так давно.
Сейчас ты выйдешь из душа – вода шумит, чайник вскипит как раз.
Поцелуешь меня в прихожей... ну а потом уйдешь...

30 декабря 2014 г.

Хочется захлебнуться в нежности...
Латте с ирландским кремом льется на клавиши аккордеона.
Я живу в тишине, где немая музыка бежит в трубах.
На моих запястьях твоё имя.
Я прижимаюсь лицом к стеклу.
Холодное.
Хочу вмерзнуть в него... заспиртовать между рамами, обернуться в комнату и увидеть тебя.
В нашем прошлом плещется море.
В нашем доме мелкий закат.
Вместо слов – слеза.
..... молчим
и выжимаем мёд
по капле из наших снов.

...и никакая машина тебя не собьет... и ты никогда не умрешь.

НОВЫЕ ИМЕНА

Марат БАЙЗАКОВ

Родился в 1979 г.
Учился в Германии,
в США. Работает
инженером в швей-
царской нефтегазо-
вой компании.
В «Звезде Востока»
публикуется
впервые.
Живет в Ташкенте.

БРАТЬЯ*Рассказ*

– Пап, а почему они сбрасывали детей со скалы?
– Не всех, сынок, сбрасывали только слабых и больных, пото-
му что они всё равно не смогли бы стать сильными и отважными
воинами.

– Но ведь из них могли получиться хорошие, талантливые
люди.

– Верно, сынок, могли, но таков был суровый закон Спарты:
каждый должен был рождаться и умирать во имя Спарты. Имен-
но поэтому многотысячная армия персов не могла противосто-
ять трёмстам спартамцам. Ведь они были самые храбрые, реше-
тельные и стойкие воины, безгранично преданные своей родине.

Три брата стояли подле отца и заморожено слушали его.
Плотный мужчина с бородой и усами, слегка припорошенными
сединами, восседал в кресле, как царь Леонид, и рассказывал сво-
им сыновьям про легендарную Спарту. Его мягкий баритон уво-
дил мальчишек в сказочную страну, где храбрые воины отважно
бились со злом.

Самый старший из братьев, девятилетний мальчуган, с горя-
щими глазами и дрожью в голосе, наконец спросил:

– Пап, а как ты думаешь, из нас получились бы спартамцы, если
бы мы родились в то время или нас тоже сбросили бы со скалы?

– Из вас бы вышли отличные воины-спартамцы, сам царь Лео-
нид бы позавидовал! Но, чтобы стать спартамцем, не обязатель-
но рождаться в Спарте. Для этого надо быть храбрым, решитель-
ным и преданным человеком.

* * *

Теплый осенний дождь вяло накрапывал на стекла столично-
го аэропорта, набитого терпеливо ожидающими встречающими.
О том, что рейс 754 из Нью-Йорка совершил посадку, сообщил
женский металлический голос.

– Надо же, – улыбнулся Володя, глянув на часы, – с точно-
стью до минуты!

Спустя двадцать минут у выхода показали первые прибыв-
шие этим рейсом. Среди них был и Максим, высокий, слегка за-
горелый парень, лет двадцати пяти, в потертых джинсах и спор-
тивной куртке с вышитой на груди буквой «Н». В руках огром-
ный чемодан, обклеенный флажками разных стран, в которых
он успел побывать; за спиной громоздкий рюкзак, а на измятом
лице уставшая, но живая улыбка. Максим, замедлив шаг, оста-
новился и растерянно поискал в толпе знакомые лица. Женщи-
на, нетерпеливо семенившая за ним, раздраженно толкнула его
своим чемоданом:

– Да не стойте же вы на дороге, молодой человек, – буркнула она недовольно, – пропустите нас!

Максим, извинившись, быстро направился к суетливо ожидающей толпе.

– Володь, вон наш студент! – кивнул Сергей и, широко улыбаясь, шагнул навстречу.

Сергей, мужчина средних лет, с чёрными глазами и подкупающей улыбкой, был старшим из трёх братьев. Льяная рубашка с короткими рукавами плотно облегла его широкие плечи и рельефные бицепсы. Спокойная, уверенная походка и строгий, живой взгляд свидетельствовали о его внутренней силе.

Володя, средний из них, был высокий и стройный парень, не менее атлетического телосложения. Его задумчивые глаза выдавали в нём человека пишущего и не в меру читающего. Он и сейчас, не теряя понапрасну времени, что-то увлеченно читал.

– Veritas, студент! – громко приветствовал Сергей своего младшего брата девизом Гарвардского университета, который тот успешно окончил и теперь возвращался домой.

Крепко обнявшись и пожав руки, братья, шумно подтрунивая друг над другом, уложили вещи в багажник и, усевшись в джип, тронулись.

– Ну что, студент, с возвращением тебя! – улыбнулся Сергей, по-отцовски хлопая Максима по спине. – Заждалась тебя Родина!

Следом Володя полез с вопросами:

– Ну, давай, рассказывай, как там у вас в вашем Гарварде? Скучно небось?

– Да не очень! – широко улыбнулся Максим и принялся взахлёб рассказывать о своей бурной студенческой жизни в Америке.

* * *

Ловко маневрируя между автомобилями на трассе, Сергей въехал в южную часть огромного города. Аэропорт остался далеко позади. Максим, опустив стекло, изумленно вглядывался в свой покинутый им когда-то город, который продолжал любить, но сейчас с трудом узнавал. Володя добросовестно выполнял роль гида, показывающего город иностранному гостю:

– Помнишь, здесь была аллея, окруженная столетними платанами? – говорил он с иронией. – Так вот, их срубили. А вместо них, как ты видишь, понастроили вот эти бетонные супермаркеты.

Сергей, слушая разговор братьев, все более погружался в свои думы. Со стороны казалось, что за рулем сидел «чайник», который сверхвнимательно следил за дорогой и боялся отвлечься.

Володя и Максим притихли, когда автомобиль, внезапно замедлив ход, остановился у обочины.

– Что случилось?

Сергей не ответил. Подумав минуту, он развернул машину и выехал на кольцевую дорогу.

– Нам же прямо надо! – воскликнул Володя. – Ты куда это свернул?

– Так надо, – буркнул Сергей и, хмуро взглянув на него, добавил: – Сначала к нему заедем, а потом домой.

Он мчался по широкой бетонке, не сбавляя скорости.

– Чёрт, это же целых три часа езды! А дома нас гости ждут, человек двадцать. Все родственники съехались, – недоумевал Володя. – Бабушка уже все глаза проглядела! Мама точно нас убьет!

Сергей с визгом остановил машину и, повернувшись к Максиму, спросил:

– А сам-то ты, Макс, куда сперва хотел бы заехать?

Помедлив, парнишка тихо произнес:

– К отцу.

Сергей, переглянувшись с Володей, прохрипел довольный:

– Правильно, – и вновь дал по газам.

По дороге Володя позвонил маме, сообщил, что самолет из Нью-Йорка задерживается на три часа и просил не волноваться.

* * *

– Слушай, Володь, – нарушил тишину, повисшую в салоне, Максим, – а что он тебе на ночь читал, ну, когда ты ещё ребенком был, помнишь?

– А что тут помнить, вот его и читал! – улыбнулся Володя, указывая на автора книги «Jenseits von Gut und Buse», которую он ещё в аэропорту штудировал. – Фридрих Вильгельм Ницше! Как видишь, до сих пор не могу оторваться от этого чокнутого философа! Ты представляешь, на ночь слушать «Заратустру» вместо «Колобка», причём в оригинале! Да я потом часами заснуть не мог, жуть!

– Так ведь он и общался с тобой только на хохдойч, верно?!

– Аха, а с тобой только на English, вот мы подолгу и не понимали друг друга!

– Точно! – подтвердил Максим. – А «великий и могучий» был под строжайшим запретом!

– Ну, если, конечно, не хотел ремнем по заднице схлопотать! – рассмеялся Володя.

– Нам ведь по воскресеньям позволялось общаться на любом языке, забыли? – вмешался наконец Сергей. – Или вам этого мало было?

– Слушай, Сергей, – обратился Максим к старшему брату, – а правда, что тебе он вместо сказок «Нацию» читал?

Сергей подкупающе улыбнулся, как он это умел делать.

– Ну, во-первых, то была не «Нация», а «Служение Нации», – пояснил он. – У вас в Гарварде вряд ли такое читают!

– И что? – не отставал Максим. – Неужто ты всё понимал?

Сергей промолчал.

Ласковый стук дождя сливался с музыкой Огинского, тихо струящейся из колонок. Полонез «Прощание с Родиной» магически действовал на Сергея. Его мысли обреченно тонули в этих звуках.

СЕРГЕЙ

– Ты, мать, смотри, в воспитательный процесс не лезь, – твердил он ей, хмуро поглядывая на шестилетнего мальчика, вот уже четверть часа стоявшего у карты мира на стене. – Родила его, вот и поглядывай, чтоб чист был и опрятен, а во «внутрь» ни шагу! Там, мать, моя территория. Не смей вторгаться!

– Он же ребёнок ещё, – молила она, ломая руки.

– Моцарт в четыре года играл на клавесине, а в его возрасте уже симфонии писал, – отрезал отец.

Тусклый хрусталь, скупо расставленный в старом серванте, глухо отражал голос отца. Женщина жалостливо посмотрела на своего сына, но так и не осмелившись возразить, закрыла за собой дверь. Худощавый мальчишка, забравшись на стульчик, пытаясь удержать накатывающиеся слёзы, тщетно искал на карте «Буркина Фасо».

Вдруг его лицо мгновенно прояснилось и он, балансируя на шатающемся стульчике, восторженно ткнул пальцем куда-то в Африку:

– Вот он! – вскрикнул Сережа. – Булкина Фасо!

Букву «р» ребенок ещё не мог четко выговаривать.

– Столица? – мгновенно спросил его отец, не выказывая никакого одобрения.

– Угугу! – неуверенно, но моментально произнёс тот, так что самому стало смешно.

– Угадугу, – поправил его отец. – Что еще можешь рассказать про эту страну?

Парнишка только и ждал этого вопроса. Он помнил, как когда-то отец рассказывал ему про малоизвестного, но тем не менее легендарного президента Буркина Фасо Томаса Санкара. Лидер, за четыре года успевший избавиться от коррупции в своей стране, добиться самообеспечения продовольствием, полностью побороть эпидемии и многое другое.

Он любил национальных героев, отважных лидеров, таких как Томас Санкара, посвятивших себя высоким идеалам и своей родине. Они казались ему сказочными рыцарями, он, словно губка, впитывал всю информацию о них.

Спрыгнув со стульчика, мальчуган, подбежав к шкафу, достал из толстой папки черные снимки, вырезанные из старых газет и журналов, нашел там измятую фотграфию

чернокожего человека в военной форме и вручил ее отцу:

– Президент Булкина Фасо – Томас Санкала! – громко начал мальчишка и, словно о каком-нибудь захватывающем художественном фильме, принялся взахлёб рассказывать про покойного африканского президента.

Отец сидел, откинувшись на спинку кресла, и внимательно слушал ребенка. Лицо у него было задумчивое, предельно серьезное, но сын замечал, как сквозь эти живые, хранящие силу глаза, откуда-то из глубины, как первые лучи солнца на рассвете, пробивалось счастье.

* * *

Запах дождя, просачивающийся сквозь слегка приоткрытое окно, навевал Максиму воспоминания из далекого детства. Он будто растворялся в них. Грустная улыбка изредка прорисовывалась на его лице.

– Кстати, – обратился он, наконец, к Володе, – а твоя игрушка, ну, внедорожник этот жив ещё?

– А что с ним станется, конечно жив, – с плохо скрываемой гордостью ответил Володя. – Более того, я к нему недавно пульт управления установил и агрессивный тюнинг сделал, теперь он у меня полноприводный вездеход!

– Молодец! – оживился Сергей. – А ты ещё плакал, когда тебе его подарили!

– Я? Не плакал я вовсе!

– Плакал, плакал, – Сергей рассмеялся. – Всхлипывал, как девчонка малая, я же помню!

– Да не плакал я, просто был немного шокирован и всё, – ответил Володя в оправдание, точно застыдившись. – Ты бы лучше за дорогой следил, Шумахер!

– Я сыну на день рождения хотел такой же купить, ну и вручить его, как отец тебе, – признался Сергей. – Жаль, не смог найти такую же модель.

– Володь, а ты случаем не хотел бы продать его мне? – спросил вдруг Максим.

– Не, ребята, даже не просите, эта игрушка – самое дорогое, что у меня есть. Она душу мне греет, понимаете? – растрогавшись, признался Володя. – Вот дядюшка Ницше, например, велел «толкнуть падающего», ну, чтоб тот скорее дна достиг, понимаете? И вот, когда меня любезно сталкивают в бездну, этот самый внедорожник – единственное, что помогает удержаться наверху.

Володя вдруг замолчал. Мысли, как зыбкая трясина, медленно засасывали его. Нависла громкая тишина. Только дождь редко постукивал в стеклянный люк машины, будто присился впустить его.

– А ты, Серёга, папану своему психику-то побереги, мал он ещё у тебя! – вдруг очнувшись, пошутил Володя.

ВОЛОДЯ

Проснувшись с первыми лучами солнца и осознав, что утро, наконец, наступило, мальчуган просиял. Сегодня был его восьмой день рождения. В предвкушении подарков и сюрпризов он аж подпрыгнул на кровати, разбудив своих всё ещё спящих братьев.

По традиции вечером был накрыт стол. Съехались все родственники и близкие.

Гости уже сидели за столом и выпивали за здоровье именинника, когда вернулся с работы отец. В руках у него была большая коробка в цветной обертке. Володе еще с утра не терпелось узнать, что же подарит ему отец. И вот перед ним возвышалась эта огромная многообещающая коробка. Именинник нетерпеливо начал вскрывать её.

Каково же было удивление ребенка и гостей, когда внутри оказалась только груда всяких деталей.

– Что это? – дрожащим голосом спросил Володя.

– Это, сынок, макет внедорожника Land Rover, – спокойно ответил ему отец. – Шести-ступенчатая трансмиссия, двухступенчатая раздаточная коробка, двухлитровый дизельный двигатель, – не торопясь разъяснял он технические данные подарка.

Но ребенок не хотел этого слышать, он хотел машину, большую, а тут лишь детали от неё. Горячий ком подкатил к горлу. Заметив обиду, отец попытался подбодрить его:

– Выше нос, спартанец! Ты же мечтал о большой машине! Вот она, только в разобранном виде, – затем, достав из коробки сумочку, продолжил: – А вот тут все схемы, болты, гайки, отвертки, плоскогубцы и другие необходимые инструменты и инструкции. Сынок, в этот раз попробуй не ломать игрушки, а собрать своими руками. Попробуй, тебе понравится.

Разочарованный мальчуган, расстроившись до слёз, оставил коробку и убежал в свою комнату.

Гости за столом стихли и укоризненно поглядывали на отца. Никто тогда не мог догадаться, что этот нежный на вид ребенок, поборов обиду, возьмет себя в руки и примется собирать отцовский подарок. И только спустя две недели, весь измазанный солидолом и маслом, но счастливый, мальчишка с гордостью продемонстрирует готовый внедорожник своему отцу. Тот, скупко обронив «молодец», нежно поцелует сына в лоб и быстро выйдет из комнаты.

И только Володя успеет заметить блеск в глазах отца...

* * *

Дождь смолк, как и ритмичный шум дворников джипа, мчавшегося по мокрому шоссе куда-то загород. Чёрные городские небоскребы сменились раздольными полями и деревянными домами. Ветер, высвободившись из оков высотных зданий города, шумно резвился, словно выпущенный на волю вороной.

– А меня он как-то к стулу привязал, помните? – еле слышно произнес Максим.

Тонкий слух мог уловить в словах молодого человека не только грусть, но и легкий акцент, появившийся за годы его отсутствия на родине.

– Он не хотел, чтобы я вставал со стула, пока не найду свою ошибку в проигранной шахматной партии.

– Ну, так ты же нашел её, ошибку-то свою, – заметил Сергей, – я ведь помню.

– Нашёл, – тяжело вздохнул Максим, – спустя три часа, разобрав всю партию по косточкам. А иначе он бы вообще не выпустил меня!

– Да, ни за что на свете! – залился веселым смехом Володя.

– Я как сейчас помню эту чертову партию: коня на F3 вовсе не надо было брать. Позарился на халяву!

МАКСИМ

– Что, не получается без ферзя? – поинтересовался отец у мальчика, хмуро уставившегося на шахматную доску. – Знаю, трудно! Но если сдашься, легче от этого не станет, верно ведь? Так что держись, сынок! – утешил его отец и двинул своего ферзя в крайний левый фланг. – Шах!

С пяти лет играл Максим в шахматы, но каждый раз вздрагивал при внезапном: «Шах!». Наверно потому, что сидел он всегда напряженно, теща себя мыслью, что, быть может, именно сегодня удастся ему впервые поставить отцу мат.

Старая, но чистая и тщательно отутюженная рубашка мешком висела на нем. Пуговка на левом рукаве отсутствовала. Впрочем, она была ни к чему, так как рукава эти были трубочкой закручены до самых локтей. Участь младшего брата была не только в донашивании одежды своих старших братьев, но и в дочитывании за ними истертых и исписанных книжек в отцовской библиотеке. Но ребенка это сейчас нисколько не волновало. Его мысли были заняты белым королём, забившимся в угол, которого он отчаянно защищал.

– Трудно не без ферзя, пап, – вздохнул десятилетний мальчуган, прикрывая короля своим единственным выжившим конём, – трудно без таланта! Чемпионом без таланта не стать.

Отец, сняв очки, пристально взглянул на сына.

– Кто тебе такую ерунду сказал? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Запомни, сынок: талант, судьба... это всё иллюзия, наши выдумки, гениальный повод оправдать все наши слабости, неудачи, нежелание и обычную лень. Мы, слабые и самолюбивые, сами придумали эти иллюзии и слепо в них поверили! Учти, спартанец, есть только труд и твои решения, а не талант и судьба. Они и есть твой и только твой выбор, понял, сынок?

– А как же, например, Моцарт? Разве не был он талантлив? – атаковал парнишка, как бы объявляя «Шах!».

– Скорее это труд, подпитанный безграничной страстью и, конечно, твердой дисциплиной, кстати, установленной его отцом, Леопольдом Моцартом.

Мальчишка вновь погрузился в размышления о шахматной битве. Миттельшпиль был его слабым местом. На оголенном левом фланге к его королю медленно подступали вражеские фигуры. Откинувшись на спинку стула, мальчик устало взглянул на старые настенные часы.

– Пап, уже час ночи! Мне завтра в школу...

– И правда поздно, – покачал головой отец, тоже глянув на часы. – Смотри-ка, сынок, уже далеко за полночь, а ты сидишь и мучишь себя шахматами. Зачем? А затем, что ты хочешь быть лучшим, верно? – выдержав паузу, отец продолжил: – Знай, что когда-нибудь ты обязательно станешь чемпионом, быть может, даже гроссмейстером, и тогда кто-то обязательно подойдет к тебе и скажет, что ты, парнишка, настоящий талант. Вот тогда-то, сынок, ты и вспомни, как тебе пришлось заплатить за этот успех, через что тебе пришлось пройти, сколько бессонных ночей тебе пришлось провести, чтобы быть лучшим. А этот «кто-то» нагло взял и списал весь твой кропотливый труд на банальный «талант»! Тебе не будет обидно? Думаю, Моцарт бы обиделся! Ведь он наверняка не одну свечу сжег, переписывая по ночам свои сонаты. Этот «кто-то» спит себе сейчас крепким сном, а ты тут в час ночи пытаешься вытащить эту партию. Люди, говорящие о таланте, отнюдь не горят желанием сделать тебе комплимент, поверь мне, они просто пытаются убаюкать свою вдруг встрепенувшуюся совесть. Им совестно признать, что они ленивы.

Мужчина снял очки и аккуратно положил их в футляр. Потерев уставшие глаза и отложив шахматы в сторонку, он посадил сына на колени.

– Помни, сынок, «талант», если он и существует, измеряется потом.

* * *

Большой город давно остался позади. Началась сельская местность с её скупой освоенной дорогой со скудным покрытием. Чумазы ребятишки весело погоняли стадо овец, прищпоривая своих чумазных осликов.

– Тебя-то, Макс, он всего лишь привязал, а меня он ремнем как-то выпорол, помните? – начал Володя.

– И правильно сделал, что выпорол, – насмешливо улыбнулся Максим. – Не надо было чужое из школы таскать, сам виноват!

– Ну, хорошо, но на гитаре-то играть зачем он нас заставлял? Я, например, этого Высоккого терпеть не могу!

– А читать по пятьдесят страниц в день не многовато ли для ребенка?

– А когда в лютый мороз он нас бегать заставлял на стадионе, у меня аж ресницы слипались и...

– Но самое обидное, – перебил его Максим, – когда мои первые призовые деньги он заставил пожертвовать областному детскому дому! Помните? Я не жмот, но двадцать кусков в детский дом – это, извините, перебор! Это же мои деньги были! Я их не украл, а честно выиграл на чемпионате! Я же маме хотел купить что-нибудь, да хотя бы стиральную машину!

– М-да, странный у нас был отец! – подытожил Володя.

– Что вы все ноете, как бабы старые! – прорычал вдруг Сергей, который почти всю дорогу молчал.

Ему передались не только черты лица, но и грозный отцовский голос. Братья невольно видели в нём отца и немного даже побаивались его.

– Вы к шести годам уже на немецком и английском шпарили, так ведь? – продолжал Сергей.

– Ну, да, – осторожно ответил Максим.

– Ну вот ты, Макс, у тебя ведь разряд по шахматам, медалями, как ёлка новогодняя, обвешан. Сколько их у тебя, восемь, десять?

– Шесть: три золотых, две серебряных и одна бронза.

– Ну, вот видишь. И учился ты не где-нибудь, а в Гарварде, полмира объездил. И что ты думаешь, что ты гением таким родился, вундеркинд этакий?

Максим, опустив глаза, задумался. Володя смотрел в пустоту. Нависла выразительная тишина.

– Ведь он не просто мучил нас, у него была определенная цель.

– Какая? – чуть ли не в один голос спросили Володя и Максим.

Сергей надолго задумался. Потревожить его никто из братьев не решался. За окном городской пейзаж давно сменился радужным сельским. Плачущими ветрами и тарабнящими дождями медленно утверждалась осень.

– Помните, – заговорил, наконец, Сергей, – он всегда твердил, что «дисциплина – единственный путь к любой мечте»? Он ведь и учил нас только тому, что сам умел и делал это, кстати, весьма неплохо. Ведь он и сам наматывал те же круги и в снег, и в стужу, так ведь? Вот и от нас требовал такой же дисциплины. Просто... – голос его дрогнул, – больно торопил он нас, будто знал, что времени мало. Фанатичная жажда вселить в нас дух лидера, дух победителя – вот, что его обуревало. Он стремился буквально влить в нас этот суровый спартанский дух, обильно смешав его с материнским молоком, чтоб каждая клетка в теле им питалась. Неужели вы этого так и не поняли?

* * *

Оставив машину у ворот, братья зашли на старое кладбище. Солнце шло на убыль. Дождь давно стих. Мокрая трава под ногами от каждого прикосновения сбрасывала с себя тяжелые капли дождя.

Максим вдруг остановился. Мягкий бриз ненавязчиво заиграл его кудрявыми волосами. Жадно вдыхая прохладный воздух, он присел на корточки и медленно дотронулся до земли ладонью. «Не пыль это вовсе...» – шепнул он слова Остапа из гоголевского «Тараса Бульбы».

Володя то ли от любопытства, то ли от привычки читать вглядывался в каждую надгробную надпись и шептал имена захороненных.

Безмятежные глаза Сергея смотрели куда-то вдаль. Он шел впереди, осящая за собой осторожные шаги своих братьев.

Наконец они у заветной могилы. Как в детстве, три брата покорно стояли подле отца. Никто не обронил ни слова. Каждый внутренне чувствовал голос отца.

Над погостом повисла красочная радуга. Сумеречные лучи весело заигрывали с ней. Казалось, души усопших, покинув могилы, устремились к той радуге и уже оттуда, сверху, наблюдали за живыми.

возвращение к читателю

**Давайте, наконец,
полюбим жизнь...**

* * *

Детства незапамятные звуки,
Как благословенье и завет,
Матери натруженные руки
Гладили меня по голове.

И обида горькая стихала,
Таял страх, и пряталась беда,
И ложились теплым одеялом
На сердце покой и доброта.

Ты слова негромкие, простые
Говорила тихо, не спеша,
Чтобы сердце в злобе не остыло,
Чтоб не стала черствой душа.

Провожая в путь, всегда крестила,
Завешала добрые дела,
Говоря: «Лишь в доброте людская сила,
И добро, сынок, сильнее зла».

Меря жизнь недетскими шагами,
Да не разучусь людей прощать,
Кланяюсь до пола милой маме,
Что добру учила малыша.

Чтоб земля вершила круг за кругом,
Чтобы жили в мире на Земле,
Матерей натруженные руки,
Гладят сыновей по голове.

* * *

Если в мертвой до сих пор природе
Встрепенутся, оживут цвета,
Если запьянит, засумасбродит
Песней в голове мечта,

Если смысл, неведомый доселе,
Тайн никчемных ране заблистал,
И приметил: птицы прилетели,
Значит снова в сердце доброта!

Олег ЯКОВЛЕВ

(1957–2011)

Родился в Ташкенте.

В 1978 г. окончил

Республиканский

педагогический

институт русского

языка и литературы

(ныне УзГУМЯ).

Работал препода-

вателем в этом же

институте. В 1999 г.

окончил Академию

МВД РУз. Публико-

вался в республикан-

ской периодической

печати.

* * *

Пьянящий дурман сирени,
Зеленое буйство мая,
Прозрачных гардин паренье,
И мама – совсем молодая!

Июнь. Созревает вишня,
И облачко в небе тает.
Как мир необъятен с крыши,
И мама – совсем молодая!

В июльском тягучем зное
Сны сладостные витают,
О, счастье мое земное,
И мама – навек молодая!

* * *

Курятся бурые вулканы
Сметенной в конусы листья.
Под сенью голых великанов
Идете маленькая Вы!

Осенний ветер тихо стонет,
Листва вздымается шурша.
И зябнут красные ладони
В карманах синего плаща.

* * *

Ноябрь... Тихо чахнет сад,
Предсмертным тронутый румянцем,
А листья все летят, летят
И умирают в желтом танце...

* * *

В имени твоём отзвук тишины,
В имени твоём – нежность,
Ласковый прибой пенистой волны,
Величавость гор снежных.

* * *

Парят над клавишами пальцы
По мановению души,
И грусть шопеновского вальса
Слезою по щеке бежит.

* * *

Трепет губ твоих,
Нежность рук твоих
В сердце пронесу
До висков седых.

Жизнью обелен,
На исходе лет
Верности тебе
Новый дам обет!

* * *

Добро...
Оно переходящее,
Оно как хлеб,
Оно как жизнь,
Оно – большое, настоящее
И чистое, как снег вершин...

* * *

Осенний воздух чист,
Как откровенья альта,
Ложится плавно лист
На зеркало асфальта.

Печальный минуэт,
Исполненный без фальши,
Несказанный сонет
Неутоленных клавиш.

Недвижима вода,
Мостов застыли дуги,
Полутонов парад
Едва звучащей фуги.

Неоднозначность фраз,
Незавершенность линий,
Тягуче-липкий джаз
Промозгло-мелких ливней.

Безжизненных аллей
Разорванные своды.
Безмолвный реквием
Мертвеющей природы...

Грустит виолончель
Почти сентиментально.
Опавших листьев прель
Совсем не музыкальна.

* * *

Давайте смоем грим и снимем маски
И лиц живых чуть обнажим черты,
Давайте будем жить, как в сказке,
И в торжество поверим доброты.

* * *

Не умри через годы во мне
В сизом сумраке мая, под вечер
Очутись, очутись в тишине,
Только мною одним замеченной.
Дрогнут пламенем чуткие свечи,

Промелькнет дуновением тень
Мимо окон, распахнутых к ночи,
И пахнет сумасшедше сирень,
Стаю долгих вспугнув одиночеств.

Душу тронет нежданная грусть,
Как любви неслучившейся кара.
Не умри! Не умри во мне – пусть
Пожелает заплакать гитара.

Ляжет больно на сердце струна,
И падут, обессиленные, руки.
Но придет, но войдет тишина,
Как награда за годы разлуки.

* * *

О, приди! Ну хотя бы во сне...
По безбрежному рыжему полю
Проскачи на атласном коне,
На атласном – по рыжему полю.

Разноцветья дурманом дохни
И в травы изумрудную рошу
Удала-молодца замани,
Молодца – в изумрудную рошу.

Мака алым цветком одари
Под бездонным лазоревым небом.
Отвечи для меня, отгори
Для меня – под лазоревым небом.

О, приди! Ну хотя бы во сне...
По безбрежному рыжему полю.
Проскачи на атласном коне,
Сердце небыли, мучая болью.

* * *

Чиркнут звездочки в небе
Спичками
И погаснут, вдруг утонув в ночи...
Было много так наших теплых
Встреч.
Только их с тобой не смогли
Сберечь.
И рукой смахнешь ты последний раз
Капли теплые из уставших глаз.
Скажешь «уйди», утонув в ночи.
Только звездочки чиркнут спичками.

* * *

...И снова осень,
И снова листья
Летят подстреленными птицами.
Им улететь бы
Вслед за живыми,
Но кто-то нежные поранил крылья!

Ах, это ветер,
Охотник ветер
Прошел по роше
На рассвете...

И снова осень,
А желтым птицам
Лазурь небесная, наверно, снится.
Им улететь бы
За синим летом,
Но крылья нежные побиты ветром!

Ах, это ветер,
Охотник ветер
Стрелял в них в роше
На рассвете...

И снова осень,
Но к этим птицам
Весна уже не возвратится.
Им улететь бы вслед за живыми,
Но крылья нежные уже остыли.

Ах, это ветер,
Охотник ветер
Убил их в роше на рассвете!
Ах, это ветер,
Осенний ветер
Убил их в роше на рассвете!..

* * *

Осенний вечер, дымный, пряный,
Застывших листьев гарью пьяный,
Сжимает горячо виски.
Кружит в хмельной и бурной пляске
И в душу шепчет злые сказки
Под колыбельную тоски.

Осенний ветер, пыльный, нудный,
Сквозящий улицей безлюдной,
Шуршит шершаво по щекам,
Бескровно стынет в хиллом всплеске
И трупом, леденяше-мерзким,
Зудит зазывно по углам.

Осенний дождь, грузевый, длинный,
Бесчувственный, тупой и заунывный,
В окно остывшее скребет.
Стекло слепую лижет слизью
И вяжет скачущие мысли
В один стальной сверлящий болт.

* * *

Темных ресниц два дрожащие
Трепетно веера.
Взгляд озорной из-под дерзких
Излучин бровей.
Где ж ты теперь – синеглазая
Девочка с Севера?..
Помнишь ли таинство канувших
В будничность дней.
Или с годами мы мягче, податливей,
Ласковой,
Иль наступает прощания с юностью миг...
Снег над тобою играл и кружил
тихой сказкою,
Таял покорно на робких ладонях твоих.

* * *

Летний вечер прозрачный и грузный.
Встала радуга коркой арбузной,
Вьется птица – крылатый булыжник...
Так на небо глядел передвижник,
Оптимист и искусства подвижник.

Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
«Райских звезд», искаженного света,
Упоенья сомнительной славы,
Неизбежной расплаты за это.

* * *

Дни мои – это белые лебеди.
Осень злая – той стаи судьба.
Тают где-то, в заоблачье, медленно.
День за днем – навсегда, без следа.

И летят птицы гордые, ясные,
В светлый мир, в голубой звездопад.
Удержать вас – святая напраслина.
Ведь уже опустел белый сад.

Серый дождь заволок паутиною
Чистых стекол моих зеркала.
Черный холст заволок небо синее,
И судьба лебедей увела...

Все счета и со всем уже сведены,
Замолкающий крик – все больней.
Но летят где-то в вечности лебеди,
Стая дней моих – юности дней...

* * *

Дожди, дожди, опять дожди,
Лист желтый на ветру дрожит
От одиночества души,
В какую даль уйти, скажи.

От безвозвратности потерь,
От бесконечности разлук.
В какую постучаться дверь,
Чтоб распахнул ее мне друг.

Снега, снега, опять снега...
И день, и ночь метет пурга
До той, что сердцу дорога,
Лежат года, лежат века...

До воскресенья и любви,
До мига долгожданных встреч...

* * *

Любовью не зови сиротство сердца,
Печаль души любовью не зови.
Мне самому так хочется погреться
У очага заветного любви.

Но что поделаешь, коль угли отпылали,
И в них уж нет желанного тепла.
И как бы мы их жара не желали,
Лишь прикоснись – останется зола.

* * *

Давайте, наконец, полюбим жизнь,
 Не замыкаясь в клетки кабинетные
 И не кромсая мир на этажи
 Квартирками, мирам эквивалентными.

Давайте, наконец, полюбим жизнь,
 Не жалуясь, не ноя и не сетуя,
 Не загоняя души в гаражи
 И не клеймя друг друга этикетками.

Давайте, наконец, полюбим жизнь,
 Не убивая, не страшась, не мучая,
 Плоды не превращая в муляжи,
 А плоть не облачая чучелом.

Давайте, наконец, полюбим жизнь,
 Ни многого, ни большего не требуя,
 Давайте будем просто-просто жить
 Адамами и женственными Евами.

* * *

Среди сует, среди стихий,
 Среди измен и возвращений,
 Дарю тебе свои стихи.
 Не говорю – стихотворенье.

Не одеваю пышно слог
 В лжепоэтических потугах.
 Дарю тебе лишь то, что смог
 И что могу пока, для друга.

Не поминаю про грехи,
 В экстазе слезно-покаянном,
 Дарю тебе свои стихи,
 Боюсь – не прощено, не звано.

Принять или не принять – решай,
 Но как бы ты не захотела,
 Знай! В них – моя душа.
 Душа – тебе, а Богу – тело.

* * *

Не смывай безоблачные краски,
 Нет, не рви картин, не продавай.
 Мир волшебный доброй сказки
 Серыми дождями не смывай!

* * *

Я пью тебя, припав губами,
 Как кони воду поутру.
 И между нами только пламя,
 Слиянье тел, сплетенье рук.

Дыханья сплав, и неги схватка,
 И чаши переполнен край.
 Легко, безвременно и сладко,
 Как будто снова обретаем рай!

* * *

Я брожу по ночным переулкам,
 По пустым, нелюдимым, святым.
 Многогоротый и пестрый шум сутолоки
 Отшумел на сегодня, остыл.

В задушевном своем одиночестве,
 Постигая неведомый смысл,
 Человек вне фамилии, отчества
 Переулком гуляю седым.

И дневных голосов полифония,
 Прозаический шорох шагов
 Грустной музыкой бережно помнится...
 Так в моем нелюдимии нов!

* * *

Какая мука быть на «Вы»
 С тобой, родною мне и близкой,
 И прятать чувства, прятать мысли
 От пересудов и молвы!

Ловить с надеждой нежный взгляд
 Глаз восхитительно – прекрасных
 И упиваться болью властной
 Неодолимости преград.

Взлетать в пронзительную высь
 От приземленности постылой,
 Но ранить холодностью крылья
 И снова камнем падать вниз.

Миры нездешние творить
 В воображенье воспаленном,
 Где ты мне чудисься влюбленной
 И – нет! не можешь разлюбить.

И вновь и вновь благоговеть,
 Представ коленапреклоненным,
 У ног твоих, моя Мадонна,
 И в муках этих умереть!

* * *

Как отгадать мне, подскажите,
Грусть Ваших юных чистых глаз?!
Какую тайну Вы храните?
И что порою мучит Вас?

Кто тучи горестной печали
Нагнал на юное чело?
Бровей тоскующая чайка
Никак не выпрямит крыло.

* * *

Боль моя,
Мой стон и крик.
Холодно...
В глазах пустых
Белые
Пройдут дожди.
Сделано...

* * *

Твои русые волосы
Пахли летними грозами,
Пахли утром и звездами.
И, умытая росами,
Ты, желанная, босая,
Белоствольной березкою
Улыбалась мне просто,
Еще полусонному.
Виновато влюбленная,
Вся – из солнца и слез.

* * *

Неужели вот так и расстанемся,
И руки не коснется рука?
Встречных взглядов сердечная тайнопись
Оборвется – уже на века?

* * *

«Целуй же, целуй!
Ну еще! Ну еще...»
Уже не унять мне
Пожар твоих щек!
Кувшин сладких губ
Опрокинут до дна!
Но жажда вина
Все сильна,
Все сильна!
И Вакха неистойей
В яром Хмелю
О капле последней,
Всевышний,
Молю!..
О, стиснуты спелые
Гроздьи
В комок! –
И пеной кровавой
Меж пальцами сок!
И страстная, вздрогнув,
Слабеет лоза...
И только двух ягодок черных
Слеза
Мерцает на бледной щеке...

литературоведение. литературная критика

**«ЛЮБОВЬЮ НЕ ЗОВИ
СИРОТСТВО СЕРДЦА...»**

Поэтическое творчество Олега Яковлева пришлось на непростой переломный момент: конец прошлого – начало нового века. Литература этого периода отражала самые острые и болезненные проблемы времени: социальное и национальное переустройство, проблемы истории и новой государственности; в поэзии отражались напряженные духовные поиски, обольстительные надежды, горькие разочарования, бунтарские настроения, испепеляющее обличение, едкая ирония, упрямое самоутверждение...

Поэзия Олега Яковлева, скромного преподавателя кафедры русской литературы и «тайного поэта», стоит совершенно особняком. Сам он нигде и никогда не называл себя поэтом. Редкие публикации в газетах, единственный сборник, изданный посмертно стараниями родственников и пожизненная упорная творческая работа не столько для печати, сколько «для своих» – понимающих.

Его поэзия – поэзия внутренней жизни, кажущаяся сугубо личной и тихой, лишенной обольщений как «внешней жизнью», так и самим собой как личностью. Но это не отрешение и не уход от жизни, не желание запереться в своем маленьком мирке, спрятавшись от бурь и волнений времени, устраивая личное, свое и оберегая его от угроз внешнего мира. Здесь иное: реальное видение и оценка своих человеческих возможностей, понимание, что кто-то должен вести и осуществлять обычную повседневную работу и совместную с непосредственно окружающими людьми жизнь, не претендуя ни на большую общественную значимость, ни на признание другими своих необыкновенных качеств и талантов. В реально осознаваемом и воспринимаемом окружении поэт старается сохранить в эпоху переломов и испытаний лучшее: любовь к людям, доброту и заботливость, умение видеть красоту, сопротивление соблазнам и грехам, сочувствие нуждающимся, симпатию к обыкновенным, но не утратившим от этого своей значимости людям.

Поэт создает скромный поэтический ковчег спасительной жизни, в котором сохраняются, согреваются и вызревают добрые чувства и мысли человека. Сделать возможное, посильное, создать свой мир, пусть не такой большой, но позволяющий входящим в него отдышаться, отогреться, ощутить, что тебя здесь ценят и любят, что ты действительно можешь быть понятым и принятым не обязательно за твою масштабность и незаурядные дарования, а просто за то, что ты ХОРОШИЙ, – вот жизненное кредо лирического героя Яковлева, обнаруживающееся в стихах поэта.

Свое условное выпадение из жизненной круговерти и бурь «объективной действительности» автор объясняет своеобразным «чужацеством» – жизнью не по общим правилам, где внутренняя душевная жизнь становится важнее внешнего успеха:

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада». Редактор журнала «Преподавание языка и литературы».

**Не от мира сего – чудаками –
 Называют их, скаля клыки.
 Как и нас – провожают венками,
 А рождение встречают в штыки

 В мире, где все логично до злости,
 Делят где на своих и врагов,
 Все ж живут не по принятым гостям
 Чудаки не от мира сего. (27)¹**

У лирического героя нет склонности обольщаться своей нетрафаретностью, самоутверждаться за счет остроты испытываемых чувств и осознания своих поэтических способностей. Даже любовные неудачи объясняются не тем, что его не поняли или не оценили, но готовностью признать свою несамодостаточность:

**Спасибо, родная, спасибо!
 Мне было с тобой хорошо.
 Но женщины любят красивых
 И сильных к тому же еще. (63)**

С подкупающей откровенностью лирический герой говорит о своем несовершенстве и слабости. Это вовсе не кокетливое самоуничижение или пресловутое самокопание:

**Любовью не зови сиротство сердца,
 Печаль души любовью не зови.
 Мне самому так хочется погреться
 У очага заветного любви.

 И что поделаешь, коль угли отпылали,
 И в них уж нет желанного тепла.
 И как бы мы их жара не желали,
 Лишь прикоснись – останется зола. (42)**

В этом самокритицизме и скромности есть некая духовная сила. Сдержанные самооценки вовсе не означают неполноценности, тусклости чувств, вялости мыслей, эта «тихость» весьма условна, ибо лирический герой способен к глубинным переживаниям, трагическому осознанию противоречий жизни:

**Осенний дождь, грузевый, длинный,
 Бесчувственный, тупой и заунывный,
 В окно остывшее скребет.
 Стекло слепую лижет слизью
 И вяжет скачущие мысли
 В один стальной сверлящий болт. (19)**

Лирический герой Олега Яковлева далеко не прост и не поверхностен в понимании жизни, глубок и серьезен в определении художественных творческих ориентиров:

**Летний вечер прозрачный и грузный.
 Встала радуга коркой арбузной,
 Вьется птица – крылатый бульжник...
 Так на небо глядел передвижник,
 Оптимист и искусства подвижник.**

¹ Здесь и далее стихотворения цитируются по сборнику: Олег Яковлев. Лирика. – Ташкент, 2014 г., 72 с., страницы указываются в скобках.

**Он был прав. Мы с тобою не правы.
Берегись декадентской отравы:
«Райских звезд», искаженного света,
Упоенья сомнительной славы,
Неизбежной расплаты за это. (25)**

Присматриваясь к «гостям» из большого мира, поэт панически боится не заметить «своих», разминуться с ними, не удержать настоящего:

**Неужели вот так и расстанемся,
И руки не коснется рука?
Встречных взглядов сердечная тайнопись
Оборвется – уже на века? (34)**

Отъединение от людей – слишком грозная, трагическая жизненная опасность по мнению лирического героя О. Яковлева. Оттого-то, в какой-то мере следуя «поэтическим заповедям» и стилистическим характеристикам Б. Окуджавы, он восклицает:

**Давайте, наконец, полюбим жизнь,
Не замыкаясь в клетки кабинетные,
И не кромсая мир на этажи
Квартирками, мирам эквивалентными.
.....
Давайте, наконец, полюбим жизнь,
Ни многого, ни большего не требуя,
Давайте будем просто-просто жить
Адами и женственными Евами. (31)**

В этих строках не только призыв к человеческому единению, но и вызревшее желание переустроить общечеловеческую жизнь и историю, основываясь на истинно природном начале человека как существа коллективного. Одиночество оказывается самым тяжелым и страшным испытанием для лирического героя:

**Дожди, дожди, опять дожди,
Лист желтый на ветру дрожит.
От одиночества души
В какую даль уйти, скажи.**

**От безвозвратности потерь,
От бесконечности разлук.
В какую постучаться дверь,
Чтоб распахнул ее мне друг. (28)**

Поэт сочувствует и сопереживает человеку грустящему, пребывающему в неуютности и несовершенстве мира, душевно ранимому и хрупкому.

Заклинание – остаться добрыми, – пожалуй, главная лирическая заповедь поэта, выраженная в своеобразном текстовом перевертыше, где «маской» парадоксально оказывается не притворство и лицемерие, но наше наивное желание выглядеть на людях более сильными и цельными, чем мы есть, спрятать свои слабости и сомнения, стесняясь подчас проявлений душевной мягкости и нежности:

**Давайте смоем грим и снимем маски
И лиц чужих чуть обнажив черты... (18)**

караван истории

Наим КАРИМОВ

Родился в 1932 г. Заслуженный деятель науки Узбекистана, лауреат премии им. Беруни. Автор книг по истории узбекской литературы. Награждён орденом «Эл-юрт хурмати».

САБИР АБДУЛЛА¹

...Поздняя осень, 1920 г., город Коканд. В одном из глинобитных домов доживала свои последние дни пожилая женщина, недавно потерявшая свою дочь. Она собрала своих близких и, обращаясь к единственному сыну, сказала: «Радость ты моя, солнце ты мое, надежда ты моя, Сабирджан! Слушай последнюю волю любящей тебя матери. Я с твоим отцом прожила неплохую жизнь. Были и радостные, и горестные дни. Жаловаться на судьбу грешно. Но мне хотелось бы, чтобы ты жил не так, как твой отец. Он хороший, добрый человек, дружил с поэтами и музыкантами. Это очень хорошо. Но был слишком увлечен шахматами. Это плохо. Часами не отрывался от них. И горячий ужин, старательно приготовленный мной, постоянно остывал. Это неуважение к тому, кто готовил, и к самому ужину, подаренному богом. Ты тоже склонен к шахматам. И если пойдешь по стопам своего отца, будучи твоя жена будет на тебя в обиде. Это первое. Второе: ты пишешь стихи. Все сочинители жили бедно. Бедность – это удел поэтов. Я бы хотела, чтобы ты отказался от этого занятия, чтобы в твоём доме был богатый дастурхан, и все жили в мире и любви».

Послушав последнюю волю своей жены, муж пробормотал: «Мать моих детей, ты говоришь мудрые слова, но я прошу тебя, позволь нашему сыну заниматься творчеством, поэзией. Времена кокандских поэтов, живших в нищете, прошли. Сейчас другое время: за свои произведения поэты получают большие деньги. Недалек тот день, когда люди будут завидовать им, их слава достигнет Ташкента».

Умиравшая мать согласно кивнула головой. Сын перестал играть в шахматы и всю свою жизнь посвятил сочинению стихов, пьес, рассказов и романов. Стал третьим Народным поэтом Узбекистана. И если в его жизни и были случаи, когда он в порыве творческого вдохновения забывал об ужине, но только до тех пор, пока не встретил свою музу, на которой женился и которую боготворил до последнего своего дыхания.

Перефразируя французскую поговорку, можно сказать: поэты рождаются на периферии, а умирают в Ташкенте. Это поговорка всецело относится и к Сабиру Абдулле, замечательному поэту, писателю, драматургу.

В 70-е годы XX века автор этих строк, будучи ответственным секретарем институтского журнала «Ўзбек тили ва адабиёти» («Узбекский язык и литература»), обратился к Сабиру Абдулле с просьбой написать для журнала свою автобиографию.

¹ В сентябре 2015 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Народного поэта Узбекистана Сабир Абдуллы.

В назначенный срок, приехав к нему домой, я получил отпечатанный на портативной машинке материал. Меня удивил не только довольно большой объем, но и зарифмованное заглавие, которое по-узбекски звучало так: «Шоирлар **шаҳри**, фозиллар **фаҳри** Қўқонданман» («Я из Коканда, города поэтов и ученых»).

Как продолжатель лучших традиций узбекской классической поэзии Сабир Абдулла любил писать свои стихи и песни традиционным поэтическим размером «аруз» и зарифмовать заглавия своих произведений.

В недалеком прошлом на Востоке настоящими поэтами считались только те, кто писал во всех жанрах восточной лирической поэзии (газели, пятистишия, шестистишия, рубаи, туюки и т. д.), так что потом можно было составить «диван». Сабир Абдулла к своему 60-летию, отобрав лучшее из своей лирики, по всем канонам «жанра» составил и издал свой «диван», заняв почетное место среди «диванистов»-предшественников.

Стихотворения, написанные размером «аруз», обычно необычайно певучи, кантильённые, легко ложатся на музыку. А если еще и богаты по содержанию, то они, благодаря таланту народных композиторов, сочиняющих прекрасные мелодии, могут

стать шедеврами национального песенного творчества. У Сабира Абдуллы таких стихотворений, ставших любимыми песнями народа, великое множество. Именно эта, песенная, грань его творчества была определяющей, когда его, молодого тогда поэта, включили в список участников первой декады узбекского искусства в Москве в мае 1937 г.

В дни декады, кроме демонстрации «выдающихся успехов в области культуры, достигнутых узбекским народом», участникам представилась счастливая возможность побывать в театрах и концертных залах Москвы, ознакомиться с новой для узбеков русской и европейской культурой, что, безусловно, послужило импульсом для дальнейшего развития его творчества. Сабир Абдулле в одном из московских театров посчастливилось посмотреть спектакль

Сабир Абдулла

«Ромео и Джульетта». Спектакль о трагической любви шекспировских героев произвел на молодого поэта неизгладимое впечатление. Сам сочинивший не одну пьесу, Сабир Абдулла ни на минуту не мог отвлечься от потрясших его впечатлений и еще в Москве задумал пьесу, воплощавшую великую трагическую любовь героев одной из восточных легенд или сказок. Возвратившись в Ташкент, он стал перечитывать народные легенды, сказки, поэмы великих восточных поэтов о влюбленных, оставшихся верными своему чувству до последнего дыхания. Его выбор пал на народную легенду о Тахире и Зухре, которая была положена в основу поэмы Сайяди, поэта, жившего на рубеже XVII–XVIII веков.

Первый вариант своей пьесы молодой драматург написал еще в 1938 г. В 1939 г. в работу над музыкальной драмой «Тахир и Зухра» включился композитор-мелодист Тухтасин Джалилов, ставший близким другом Сабира Абдуллы. В марте 1940 г. великая легенда о любви Тахира и Зухры ожила на сцене Ферганского областного театра. Это была первая постановка знаменитой узбекской музыкальной драмы Сабира Абдуллы и Тухтасина Джалилова, до сих пор украшающая сцены не только узбекских, но и других среднеазиатских театров.

Спектакль Ферганского театра имел оглушительный успех. Тахир и Зухра, как два голубя, полетели из Ферганского в другие областные театры, облетев нашу республику и соседние Таджикистан и Киргизию. Без исполнения арий Тахира и Зухры, прекрасной музыки к спектаклю не проходили ни одна свадьба, ни один музыкальный вечер. Сабир Абдулла и Тухтасин Джалилов, вдруг, в один вечер превратились в создателей шедевра узбекской музыкальной культуры.

Вторая мировая война (1941–1945 гг.) изменила жизнь всех народов. «Все для

фронта!» – этот лозунг определил суть сурового времени, стал главным для литературы. С. Абдулла в этот период создает стихи и песни, пронизанные чувством любви к Родине и ненависти к врагу, вдохновляющие молодых людей, с оружием в руках идущих на фронт. Так в содружестве с другими писателями были написаны пьесы «Кучкар Турдиев», «Даврон ота» («Отец Даврон»), «Меч Узбекистана».

Жизнь показала, что и в суровое военное время произведения, воспевающие настоящую любовь, нужны и интересны людям.

В огненном 1943 году в недавно построенном Янгиюльском театре шел спектакль по знаменитой пьесе С. Абдуллы. Случайно оказавшийся среди зрителей военный начальник, на несколько дней приглашенный в Узбекистан, был пленен чарующей музыкой и великолепным исполнением ролей узбекских Ромео и Джульетты. После окончания спектакля, поблагодарив создателей, он сказал тогдашнему руководителю республики, что «было бы здорово, если бы солдаты тоже имели возможность посмотреть эту незабываемую историю любви Тахира и Зухры», стоило бы перенести ее на киноленту.

Руководство республики поручило ташкентской киностудии художественных фильмов создать киноверсию музыкальной драмы «Тахир и Зухра». Наби Ганиев был назначен режиссером-постановщиком, С. Абдулла – сценаристом, а московский кинодраматург А. Спешнев – консультантом (впоследствии соавтором). Творческая группа быстро подготовила сценарий, тут же начались поиски артистов и типажей.

Наби Ганиев смог из сценария, написанного С. Абдуллой и А. Спешневым, сделать свой лучший фильм, принесший узбекскому кино мировое признание.

В 1945 г. на развалинах побежденного Берлина появились афиши нового музыкального фильма «Тахир и Зухра». Солдаты и офицеры-узбекистанцы вместе с соратниками в столице Германии, где гордо реяло знамя Победы, смотрели замечательный фильм.

«Наша картина, восточная «Ромео и Джульетта», – пишет А. Спешнев, – обошла потом многие страны мира, находя живой человеческий отклик, потому, вероятно, что война потопила в крови любовь и сострадание, но возвысила верность».

Неутомимый поэт, писатель и драматург Сабир Абдулла оставил огромное литературное наследие, в котором кроме многочисленных поэтических сборников, есть роман «Мукими», драмы «Алпамыш», «Гюль и Навруз», «Талант», «Мой рай», «Разлука и свидание» и, конечно, «Проделки Майсары», благодаря огненной музыке композитора Сулеймана Юдакова она стала одной из наших лучших комических опер.

ПОЭЗИЯ

Но спорило с душой немеркнувшее чувство...

* * *

...А хотите – ближайшим же вечером
Я нежданно найду в гости к Вам!
Хоть стесняться, как будто бы нечего –
Первый шаг смело сделаю сам.
Предвкушая мгновенья счастливые
Жарким гребнем душевной волны, –
Я сдержу все слова суетливые,
Что приход оправдать мой должны.

Недомолвки отвергнувши, сразу я
Просто «здравствуйте!» – тихо скажу.
И, быть может, короткой той фразой
Всех условностей сеть развяжу.
И начнётся негромко и запросто
Разговора бесхитростный ход,
Из словесных не значимых зарослей
Что-то важное в нас прорастёт.

Прорастёт, удивив бесконечностью,
Откровенности новой страной –
Как луна, что сияет над вечностью,
И над робостью чувств новизной.
В ней исчезнут пустые, бесславные
Звуки, шумом разящие нас.
Только фразы, в которых – всё главное,
Только взоры смеющихся глаз...

И свершится... Да нет – лишь покажется,
Как ни радостен таинства слог –
Что и чувства, и души завяжутся
В долгожданный тугой узелок...
Мы прощаемся... Тяга к привычности
Резкий голос опять подаёт.
Праздник кончился. Завтра – обычности
Дел, проблем, недовольства, забот...

Андрей СЛОНИМ

Родился в 1949 году
в Ташкенте.
Окончил Ташкент-
ский Театрально-
художественный
институт. Режи-
сер-постановщик
ГАБТ им. А. Навои,
театральный сцено-
граф, поэт, публи-
цист. Заслуженный
работник культуры
Узбекистана. Автор
поэтических сбор-
ников. Председатель
Литературно-творче-
ского объединения
«Истоки».

* * *

Качели

Помилуйте! О счастье вы спросили?
 В наш век без чувств – слова о нём не в силе.
 И фразы все, что высказаны были,
 Давно уж отзвучали. А потом –
 В том мире, где всё так безмерно сложно,
 Где не понять, что – истинно, что – ложно, –
 Лицом к лицу уж стало невозможно
 С тем встретиться, что счастьем мы зовём.
 Спрошу я вас – что скрыто в слове «счастье»?
 Спасёт ли связка букв нас от ненастья?
 И защитит ли слово мощной властью,
 Пока оно – лишь звук? Тогда зачем
 Мы чертим непонятный контур с детства,
 Себя уверив, что его наследство –
 Доступное единственное средство
 Избавиться от боли насовсем?

Ещё вопрос... Зачем ни днём, ни ночью
 Мы, счастья не увидевши воочью,
 В конце всех фраз так любим многоточье?..
 Ужели в этом – мудрости следы?
 О счастье пишут толстые трактаты
 И пафосности полные кантаты.
 А счастье смотрит как бы виновато
 Из воздуха, из листьев, из воды...
 Как часто на песке, в листе зелёной,
 В речной воде, иль в туче отдалённой
 Мы рады контур неопределённый
 Вообразить вполне живым лицом!
 Вот так и призрак счастья создан нами...
 В пленительных мечтах, в житейском хламе
 Мы ищем то, чего не знаем сами –
 И горько плачем, если не найдём.

Но счастье есть... Оно ведь бессловесно.
 Пришло оно иль нет – нам неизвестно.
 А если уж пришло, хотя и тесно
 Ему в предназначении своём, –
 Незримо с нами, души согревая,
 Оно цветёт. И хрупкость в нём такая,
 Что спесь, на всё настырно наступая,
 Его дробит в осколки сапогом.
 Помилуйте! В честь счастья – странно это! –
 Один строчит сонаты и сонеты,
 Другой вопит, что счастья вовсе нету, –
 Всем правит шумный пир страстей сейчас...
 ...Но мы пойдём вдвоём осенним садом,
 Смотря на мир незамутнённым взглядом.
 А счастье? Счастье будет где-то рядом.
 И если нам поверит – встретит нас.

Качели – вверх, качели – вниз!
 Поёт свобода!
 Простой, бесхитростный каприз
 В четыре года.
 А мир – большой, а мир – цветной
 И незнакомый...
 То купол неба надо мной,
 То двери дома.
 Качается заросший сад,
 А с ним все сказки.
 И пляшут с детской грёзой в лад
 Цветы и краски!..

Качели – вверх, качели – вниз!
 И юность пела.
 Она была взята как приз –
 Бездумно, смело,
 Без сожалений и без мер
 Мы жить хотели,
 Раскачивая вниз и вверх
 Её качели.
 Она ушла. Порыв завис,
 Душа завяла.
 Но мы качались вверх и вниз –
 Уже устало...

Качели – вверх, качели – вниз!
 Да, пролетели
 Года... Мой Бог, какой сюрприз!
 Скрипят качели...
 А неба купол надо мной
 Велик, не познан.
 И мир изменчивый земной –
 Таков, как создан.
 Но часто слышу в тишине
 Всё то, что пели
 В саду цветы когда-то мне
 Под взлёт качелей.

Качели – вверх, качели – вниз!
 Грустя о целях, –
 Я, взгромоздясь на лет карниз, –
 Как на качелях.
 Невнятен и запутан ход
 Судеб движеньем...
 Но лишь надежды знают взлёт
 Вслед за сниженьем.
 И скажет счастье: «Я приду –
 Светло, беспечно!» –
 Как на качелях в том саду,
 Что зелен вечно...

Полевые цветы

* * *

Полевые цветы...
 Отчего в пестроты всех цветений
 Больше всех они манят
 исконностью нежной красы?
 В них порыв чистоты
 и застенчивость тайных движений
 Исцелять душу станет
 в ненастные наши часы.
 Зная царственность роз
 и изысканный пурпур пионов,
 Веря в нежность фиалок
 и ландышей тихий привет,
 Сознаём, что ни поз
 в соблюдении светских законов,
 Ни апломба, что жалок –
 в цветах полевых вовсе нет...

Полевые цветы...
 Тихо радуют нас их соцветья,
 Не вешая настырно,
 о тайном чуть слышно шепча.
 Свой закон простоты
 пронесли они через столетья,
 Расцветая столь мирно
 в приветности солнца луча.
 Ни гордыни дурной
 и ни злобы нам в них не заметить,
 Нет в цветах этих скромных
 порывов глухих и слепых
 Жгучей зависти злой.
 И корыстности пошлой не встретить
 В сердцевинах укромных
 нежнейших цветов полевых.

Полевые цветы
 входят в мир простодушно и свято,
 Не вопя громогласно
 о том, как они хороши.
 В них соцветье мечты
 со стремящимся вечно куда-то
 Эфемерным, неясным,
 но светлым полётом души.
 Я ловлю их черты,
 в изменениях вечно живые.
 Вместо чопорной розы
 и броских гвоздик там и тут,
 На престол красоты
 возвожу я цветы полевые,
 Что в жару иль морозы
 нежданно в душе расцветут...

Коснулось небо звёздных струн
 Легко и нежно.
 И звук родился... Был он юн
 Столь безмятежно,
 Что был неслышимым почти, –
 Но в вышней дали
 Увидел радости пути,
 Пути печали.
 Узнал, что ясно и светло,
 Пока дух молод.
 Познал, что будет с ним тепло –
 И лютый холод.
 Предвидел он, что будет шанс
 Потешить ладом, –
 Как и нежданный диссонанс
 Со всем, что рядом.

Но столь же страстно верил он,
 Что радость будет –
 Растопит скользкий лёд времён,
 Жар зла остудит.
 Он рвался через тьмы поток
 И все потери
 В тот мир, что нежен и жесток
 В единой мере.
 Кого-то звал, кого-то ждал,
 Пока – напрасно.
 Стояли тверди серых скал
 Пред ним безгласно.
 Но жил он, смолкнуть не посмея,
 Зачёркнут не был –
 Уже не звук, уже – напев
 Земли и неба.

Взметнул над бранным миром свой
 Взмах дерзновенный
 Тот, кто вершил над всей Землёй
 Ноктюрн Вселенной.
 И взмыл в немеркнувшей дали,
 Что всех чудесней –
 Мотив, став неба и земли
 Бескрайней песней.
 Сильна, как море, как скала,
 Прекрасно, смело
 Она жила, она звала,
 Она летела.
 Сиял в ней свет десятков лун
 Неповторимый,
 И небо, что коснулось струн
 Рукой незримой...

* * *

...Бездушности мороз
в беззвучности успеха,
Бездарный маскарад
безжизненности глаз.
Бессилье скрытых слёз
в безжалостности смеха,
Бессмысленный парад
безудержности фраз...
Бесцветности бесед,
бескрасочность видений,
Бездейственности слов,
бессмысленных вконеч.
Бесславию побед,
безликость поражений
Безжизненных основ
бесчувственных сердец...
Безнравственность невежд,
бездумность обещаний,
Безверие идей
в беспомощности дел.
Беспочвенность надежд
в бесплодности исканий –
Безумия людей
безрадостный удел...
Беззвучности имён,
безличия желаний –
Безрадостный причал
бессилия творцов.
Бесстрастности времён
безмерность расстояний.
Бестрепетность начал...
Безмолвие концов...

Сомнение

В восторгах самовосхваленья
Кичливых фраз настырен вид.
В них слух своё лишь слышит пенье,
Взор мутный для красот закрыт.
Для слепоты весь мир – без света,
Для тех, кто глух, он – тишь сама.
Не знает сытость в нём ответа,
Не ищет глупость в нём ума.

Кричит настырно сомнение,
Себя лишь пламенно любя...
...А рядом – трудится сомнение.
Оно с улыбкой, и скорбя,
Отбросив всё, что, как бы явно,
Направит нестыковок круг
К тому, что слишком своенравно,
Чтоб разгадаться разом, вдруг.

Сомнение не вершит по полю
Чеканный марш стопой своей,
А молча ищет смысл и волю
В парадоксальности вещей.
Без тени самоупоенья
Оно познания бокал
Наполнит смыслом единенья
Противоречащих начал.
Крушит оно в немой надежде
Пустых привычностей кольцо,
Чтоб хоть на миг всё то, что прежде
В туманах прятало лицо,
Склонило к духа изголовою
И беспредельности, и твердь,
Где кровь рифмуется с любовью,
А жизнь кружит в объятьях смерть...

* * *

Как душе летней ночью приснилось,
Что под снегом земля и дома?
Как такое нежданно случилось,
Что сквозь зной проникает зима,
Что над сердцем морозы нависли
И снегами покрыли всё вдруг?
Что притихшие чувства и мысли
Устремились, как птицы, на юг...

Даже пламенный августа ветер,
Что горячим дыханьем своим
Пропитал до корней день и вечер –
Не прервал этой вылазки зим.
И стоят, не вступая в сраженье,
Но внося в недра духа свой лад,
Лета рать – и зимы ополченья,
Во взаимности странных осад.

Как узнать, что за тайны в них скрыты?
Как понять споры этих начал?
Клады главные где-то зарыты,
И никто их пока не сыскал...
Оттого в буйной яркости цвета
Часто видим лишь скошенный луг.
В холодах ждём мы знойного лета,
Ну, а в лете – морозов и выюг.

Но душе ведь возможно оттаять,
Жар огня высекая из фраз.
Если верно слова в них расставить –
Льды растают – как было не раз!
И, смешавшись, все разные краски
На холсте станут чьим-то лицом
Из ещё не рассказанной сказки
Со счастливым и светлым концом...

Нота длиною в жизнь...

(К 115-летию со дня рождения
И. С. Козловского)

Когда дар Божий снизойти
С небес готов как бы случайно –
В нём высших откровений тайна
И испытания в пути.
Звонка и жертвенна печать
Могущественной силы пеня.
В ней – стойкость Веры и Терпенья
Той ноты, что должна звучать.

Лишь приоткрыв в мир Божий дверь,
Душа в исканиях бездонных
Познает тьму ночей бессонных,
Ненастье горестных потерь,
Чтоб Голос, что так дивно смел,
Соединивши звук и слово,
Связав с земным свет неба снова, –
Для всех людей над миром спел.

И словно Рыцарь, что приплыл
Спасти всех нас от лжи и горя,
Певец, той песнью с мраком споря,
Даст душам обновление сил.
Познав злых бедствий горький свод,
Он воспоёт стремленье к свету,
Хоть будет знать, что песню эту
Не каждый из людей поймёт.

Сквозь войны он споет живым
Про мир, чтоб он непрочным не был.
И, устремая душою к небу,
Останется для всех земным,
Познавшим свет и горечь тризн,
Несущим в радости полёта
Свет и Добро в звучанье ноты –
Той Ноты, что длиною в жизнь...

Тихий вечер

Тихий вечер... Просто – вечер.
Не было ни с кем в нём встречи.
Только гул невнятной речи
Чуть трепещущей листы.
Окон и огней мерцанье.
И – холодное сиянье
Диска лунного в молчанье
Беспредельной синевы.

Тихий вечер... Скрытный вечер.
Хор сомнений засекречен,
И на них ответить нечем.
Бессловесна неба синь...
Смуты бурные истоки,
Фраз оборванные строки,
Непонятные упреки
Мыслей, горьких как полынь.

Тихий вечер... Добрый вечер.
Он смятенья духа лечит.
В нём предчувствия, предтечи
Неизвестного того,
Что, быть может, совершится,
Робко в двери постучится
И заставит удивиться
Тихой радости его...

Тихий вечер... Станный вечер.
Он без слов подставит плечи –
И окажется далече
Тот незримый жёсткий суд.
Вдруг затянутся все раны
Чудодейственно, неожиданно!
А неведомые страны
Тихой песней позовут.

Тихий вечер... Чудный вечер!
Звёзд далёких шёпот вечен...
Как божественные свечи, –
В вышине очей их сень.
И покой – что только снится! –
Тьме поможет раствориться,
А душе – на миг забыться,
Чтобы встретить новый день...

переводы

Рустам РАХМОН

(1926–1994)

родился в Андижанской области. Работал главным редактором радиостанции «Ёшлик», ответственным секретарём журнала «Гулистон», корреспондентом Гостелерадио Узбекистана по Андижанской области. Член Союза журналистов и Союза писателей Узбекистана. Автор сборников рассказов, сказок, повестей, публицистических статей на узбекском языке.

МАХЛУК¹

Рассказ

(Перевод с узбекского Иномжона Рахманова²)

На Шайхантахуре Шофайзи-ака знали все. И не только потому, что он с самого рождения жил в одной из близлежащих махаллей, а, главным образом, из-за его собаки. Дважды в день он проходил мимо людной чайханы, что расположена в самом центре махалли: утром – на работу, вечером – с работы. Шёл он, отвешивая легкие поклоны своим знакомым и как бы вовсе не обращая внимания на пса, который неизменно следовал за ним по пятам, всякий раз прижимаясь к его ноге, когда тот по какой-либо причине замедлял свой шаг. Когда со стороны Хадры показывался вагон старенького грохочущего бельгийского трамвая, Шофайзи-ака поворачивался к собаке и с серьёзным видом говорил: «А ну-ка, Махлук, давай руку». Ни на чудише, ни на страшилише пёс не походил, однако был наречён такой вот кличкой. Махлук, явно ожидавший этой команды, высунув от усердия и удовольствия свой длинный розовый язык, подавал хозяину лапу. Едва дотронувшись до протянутой лапы, Шофайзи-ака вскакивал на подножку подъехавшего трамвая и махал на прощание собаке рукой. Чуть слышно повизгивая, Махлук стоял, пока трамвай не исчезал из виду, и только после этого неспеша направлялся в сторону дома...

Происходило это ежедневно, и все в округе привыкли к этой процедуре. Тем не менее у Шофайзи-ака и Махлука каждый раз находились новые зрители, особенно окрестные ребятишки. Да и немало взрослых приходило специально поглазеть на это необычное зрелище, тем более что утреннее представление демонстрировалось всегда в одно и то же время. Впрочем, Махлук и вечером никогда не опаздывал. К концу рабочего дня он снова пробегал по махалле, торопясь в сторону трамвайной остановки, и там, распластавшись под чугунным столбом, терпеливо поджидал хозяина. Услышав грохот трамвая, собака настороженно поднимала голову и, наострив уши, внимательно вглядывалась к выходящим пассажирам. А увидев Шофайзи-ака, стремглав бежала к нему, обнюхивала голенища его сапог, а потом, оглядываясь и изредка останавливаясь, бежала впереди него к дому. Хозяин послушно следовал за ней, приветствуя посетителей чайханы и встречающихся по пути соседей.

¹ Чудише, страшилише, зверь (узб.)² Родился в 1950 году в Андижанской области. Занимался переводом, увлекался музыкой, рисованием, художественной сваркой. Умер в 2012 г.

Однако стоило Шофайзи-ака задержаться где-нибудь после работы, как Махлук тут же менялся. Прождав хозяина положенное время под чугунным столбом, он вставал и начинал носиться по цветнику между трамвайной остановкой и чайханой или вдоль трамвайной линии, а иногда по несколько раз добежал до самой Урды, возвращался обратно и вновь беспокойно метался между остановкой и чайханой.

Когда, наконец, появлялся хозяин, Махлук выказывал явную обиду. Он уже не ластился к Шофайзи-ака и даже делал вид, что не замечает его. Он ждал извинений. Шофайзи-ака и в самом деле просил прощения: с нарочито виноватым видом гладил Махлука, приговаривая при этом понятные только им обоим ласковые слова. Тогда пёс сменял гнев на милость и, как всегда, устремлялся в сторону дома, показывая хозяину дорогу. А вслед им непременно неслись слова восхищения: «Ну и пёс, ай да умница!» или же: «Вы только посмотрите, видано ли такое на свете?», а то и: «Такая собака жены стоит!» При этом кто-нибудь обязательно с сожалением вздыхал: «Мне бы такого Махлука».

* * *

Шофайзи-ака ушёл на фронт в самом начале войны. Махлук привычно вышел проводить хозяина до трамвайной остановки, хотя на этот раз он проявлял явное беспокойство, норовя забежать вперёд и словно стараясь задержать хозяина. Он чувял неладное, может, от того, что Шофайзи-ака был одет как-то необычно. Или просто Махлук почувствовал его настроение, хотя хозяин старался ничем его не выдавать.

На остановке он попросился с собакой, может быть, чуть дольше обычного, и заскочил на подножку поджидавшего его трамвая. Казалось, и Махлук заскулил чуть громче обычного и впервые почти завыл. Он долго крутился на остановке и, наконец, медленно побрёл домой, то и дело оглядываясь назад.

К концу дня он вернулся на остановку, но так и не дождался хозяина, хотя прождал его до глубокой ночи, прислушиваясь и приподнимаясь на передние лапы при появлении каждого трамвая. Когда последний вагон исчез за воротами депо, Махлук, видимо, понял – хозяина сегодня не будет. Часа в три ночи, обнюхивая каждый камешек на дороге, отправился домой.

Утром соседка, которую Шофайзи-ака попросил подкармливать собаку, не нашла Махлука во дворе: он ушёл встречать первый утренний трамвай.

Целый день Махлук бродил вдоль трамвайной линии от Хадры до Урды. Возможно, он считал, что хозяин заблудился и не может найти дорогу домой. Спустя недели три-четыре соседка получила письмо от Шофайзи-ака. Он писал откуда-то с Украины, передавал всем приветы, главное, интересовался, как поживает Махлук. В письмо был вложен лоскуток его рубашки – привет Махлуку. Соседка с трудом отыскала пса, подкараулив его поздно ночью: обычно он убежал к первому трамваю, а возвращался, проводив последний. Днём Махлук, скорее всего, ничего не ел и только ночью съедал то, что соседка оставляла ему в миске. Она показала Махлуку полученный конверт, приговаривая при этом: «Шофайзи-ака тебе пишет, Шофайзи-ака» и сунула ему под нос лоскуток. Пёс, очевидно, почувствовал что-то родное: он закружился на месте, завыл на стоявший посреди двора обрубленный ствол урюка, схватил и унёс лоскуток под крыльцо дома...

Несколько дней Махлук не выходил со двора. Потом привычка взяла верх, и он снова стал встречать и провожать трамваи. Через месяц муж соседки тоже ушёл на фронт, а вскоре и сама она собралась к родне в кишлак. Следующее письмо Шофайзи-ака её не застало. Людям в махалле было не до Махлука. Постепенно он начал дичать: шерсть свалилась в грязные колтухи, рёбра торчали так, что казалось, дёрни за шкуру, и под ней окажется только голый скелет. Никто не знал, где он кормился, ел ли что-нибудь вообще. Домой почти не прибегал. Только изредка, где-то на

трамвайных остановках между Хадрой и Урдой можно было встретить этого некогда знаменитого на всю округу пса. А впрочем, вряд ли кто его теперь узнал бы.

* * *

Как-то рано утром старожилы Шайхантахура вновь увидели Махлука у чугунного столба на остановке: он снова дожидался хозяина в условленном месте. Отошавший до неузнаваемости, он лежал с закрытыми глазами, положив голову на вытянутые вперёд отошавшие лапы, безучастный ко всему. Укутанный в тёмно-синий чапан старый чайханшик, наблюдавший за тем, как его внуки проворно раскладывали старенький коврик на сури, взял со стоявшего у огромного самовара подноса кусок хлеба и, подойдя ближе к чугунному столбу, бросил его Махлуку. Пёс не шелохнулся. Он чуть приподнял голову только тогда, когда послышался грохот приближавшегося к остановке трамвая. Пошёл дождь, вскоре перешедший в сплошной ливень. Махлук слегка пошевелился. Встать на ноги не было сил, он сумел только отползти в сторону чайханы и пристроиться под одной из сури. Через полчаса тело его слегка дёрнулось, а глаза, устремлённые на трамвайную колею, так и остекленели, в последний раз отразив ту самую дорогу, которая навсегда увела от него по-человечески преданного хозяина...

Именно в этот день от Шофайзи-ака пришло очередное письмо. Старый махалинский почтальон Рузмат-ака долго вертел его в своей единственной руке, покачивая головой и не зная, что с ним делать, а затем глубоко вздохнул и положил серенький треугольник в нагрудный карман своей застиранной гимнастёрки.

ПОЭЗИЯ

А у нас в сентябре...**Ноябрьское**

Пожалей, помолись, загрузившая осень.
 Защити от неверья и страха меня.
 Пусть рыдающий дождь извиненья попросит
 За незрячий рассвет, недосказанность дня.
 Помолись,
 Обнадёжив мою бесполезность,
 Покаянье, тревогу смени на покой.
 Пусть несбывшихся грёз молчаливая нежность
 Исцелит мою боль благодатной мольбой.
 Помолись за меня!
 Пусть смиренность навеет
 Зимний сон, так похожий на тихую смерть.
 В перехлёсте ветвей тишина багровеет,
 Чтоб, в распятыё окон заглянув, умереть.

Осенний триптих**I**

День предавший прячется от осени,
 Завернувшись в войлочный туман.
 Клёны с потемневших веток сбросили
 Кажущийся золотом обман.
 В окна бьётся не переставая
 Гость незванный, беспокойный – дождь.
 По глазам разлуку угадаю –
 Отпущу, но больше не тревожь.

II

Ты не прячь глаза, не лезь с расспросами –
 Горше от признания разлук.
 Осень – смерть, неряшливая, босая,
 Уж поверь, мой безутешный друг.
 Коченеет в окнах ночь седая.
 Потревожу память – помяну.
 Осени предавшей погадаю,
 Опечалю или прокляну.

III

Пожалей меня, не лезь с расспросами,
 До утра дождями не тревожь.
 Доживаю старость безголовую,
 Множу чушь, спасительную, ложь.
 Этой ночью я ещё живая.
 Чуда или милости не ждешьь.
 За окном, надежды не давая,
 Хлещет распоясавшийся дождь.

Раиса КРАПАНЕЙ

Родилась в 1951 г. в
 Москве. Окончила
 медицинское
 училище
 им. Воровского.
 Публиковалась
 в периодических
 изданиях
 Узбекистана,
 ведет блог
 «Живопись и
 поэзия».
 Живет в Ташкенте.

* * *

Ты напомнил, что дождь,
Весь в заботах, трудах,
В серых сумерках ждёт
В Патриарших прудах.

А у нас в сентябре
Нежит солнце-дракон
У раскрытой двери
Синих мух эскадрон.

Только вдруг, без нужды,
Приуныл виноград.
Ах, скорей бы дождей
Встретить серую рать.

И ни капли дождя.
Безнадёжно, мой друг...
Хризантемы глядят
Из заброшенных клумб.

Лишь стареющий хмель
За безмолвной стеной,
Как весной заалел,
Уходя на покой.

Моя птица белая

Моя юность,
Моя птица белая,
Пролетела, оставив в былом,
Отчий дом да сирень очумелую,
Что заснежила свет за окном.

Дальше жизнь,
Что пора мотыльковая.
Лёгкий привкус пыльцы на губах.
Потому ли в снега лепестковые
Возвращалась в восторженных снах.

Но не сны опечалили светлые,
Не они,
А тоскующий дом –
Словно саван, сирень предрассветная
Перед молча скорбящим окном.

Нет тоски о былом бесполезнее,
И обмана пленительней нет:
Уходя, попросила последнее –
Пусть закружит сияющий свет.

Пусть опять,
Уже птица нездешняя,
Над бескрылою мной пролетит.
Нет ни боли, ни воли... Есть вечное.
Улетай, моя птица...
Лети...

Повторения

В лохмотьях серых сна и полусна,
Из сумерек вливает тень окна.
Тьма – зло? Тогда борьба со злом
В природы повтореньях день за днём.
Восславив непроснувшийся рассвет,
Покоя жду. Да будет вечен свет.

* * *

В сиюминутность бытия
Моя невечность поиграла.
Несовершенство Жития
На книге Судеб расписала.

А сердце требует покой:
Ума и тела осторожность.
Читают дни за упокой
Многая Лета невозможность.

Триптих

1

Сроднились вечная усталость
И беспокойство от тоски.
Пришедшая на смену старость
Глядит сквозь времени очки.
Пусть сердцу ночь не позволяет
Расплавиться и каменеть.
Ушли любимые, я знаю,
Там безутешна даже смерть.
Всё ближе круг ушедших ране,
Короче день и горше век.
Я берегу свои желанья –
Свободных мыслей оберег.

2

Всё беспросветнее, всё глуше,
Обыкновенней новый день.
В поминовении послушном
Легла ослепшая сирень
На две могилы... До рассвета
Одной беззвучно причитать:
Прожив за вас кусочек лета,
Готова в осень умирать.

3

Когда бы знала, что признанья,
Легко вспорхнувшие с руки,
В стране бессолнечных сияний
Прочтут родные старики,
Я б в каждодневье лицемерья
И утешаясь, и смеясь,
В богов спасающих поверив,
Молила, призраки, за вас.

литературоведение. литературная критика

**«ВЫ БУДЕТЕ ЖИТЬ ВЕЧНО,
СТИХИ МОИ...»**

Среди национальных поэтов, живших мечтами и тревогами народа, громко и уверенно звучит голос узбекского народного поэта Мухаммада Юсуфа. Он, словно молния, ворвался в литературу, еще на заре своего творчества осознав всю сложность поэтического труда. В неустанном поиске, оттачивая свое мастерство, он достиг высочайших вершин творчества и сделал это с молниеносной скоростью за свою короткую жизнь. Уже сами названия его стихов: «Вы будете жить вечно, стихи мои», «Ты бальзам, ты мука сладкая, поэзия...», «Ведь боль моя не только стихи», «Твои потрескавшиеся руки – самая прекрасная поэзия...», «Порой, когда пишу строфы свои наивные...», «Я читал стихи, они не тронули тебя...», «На рассвете закончил стихи...», «Ты добрые помыслы, Поэзия...», «Я подружился с поэзией...», «Плачет горлица под моим ребром...», «Отйду от доски, получится стих...» – свидетельство его отношения к поэзии, и оно отнюдь не простое. Это отношение человека, посвятившего всю свою жизнь творчеству, именно оно – смысл и образ его жизни. Поэтому-то Мухаммаду Юсуфу удалось создать высокохудожественные, пронзительные стихи.

Герой Узбекистана, Народный поэт Абдулла Арипов в своем предисловии «Неповторимый поэт» к книге Мухаммада Юсуфа «Халқ бўл, элим» (Народом станьте, люди) отметил, что «в душе настоящего поэта всегда поет неведомая волшебная птица, она свила свое гнездо в сердце Мухаммаджана, Мухаммада Юсуфа, поэтому его облик, его глаза излучали нежную мелодию»¹. Когда звучат его стихи, будто слышится трель этой певчей птицы, поэт будто подслушал ваши мысли, рассказал о ваших душевных переживаниях. Поэтому его строки столь волнительны.

Одна из самых ценных граней его творчества – совершенные произведения о родном крае, о людях. Это не просто обычные хвалебные строки, они звучат, как песни: «Останется от нас свободная отчизна», «Самоотверженные», «Родина», «Дай, Бог», «Пожелание», «Мать-Туркестан», «Ода Родине», «Это край Алпамыша», «Восторг», «Сердечное признание», «Дехканин», «Я узбек», «Родина, ты одна», «Мольба», «Будь со мной всегда, мой народ», «Родина моя», «Скажу я вам», «Моя свободная страна», «Узбекистан» – здесь нет высокопарности, официозности. Любовь к отчизне глубока и искренна. В стихотворении «Признание» (в его книге

**Адхамбек
АЛИМБЕКОВ**

Родился в 1954 г. в Чимкенте. Окончил факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУЗ). Автор литературоведческих статей, двух монографий и трех учебных пособий по узбекской, турецкой и русской литературе. Работает в ТГИВ.

¹ «Халқ бўл, элим», «Ўзбекистон» Ташкент-2009, 3-стр.

«Избранное», изданной в 2007 году, это стихотворение названо «Узбекистан») есть такие строки, которые, на мой взгляд, приведут в восторг всякую душу:

***О, край моих отцов,
Матушка-земля,
Узбекистан, я жизнь отдам за тебя.
Нет ласковой тебя,
И живописней нет,
Не сравнить Рим с твоими просторами.***

Продолжая в этом же духе, поэт признается:

***Чем парижских ресторанов роскошь,
Мне дороже родной тандыр неброский.***

И заканчивает стихи с узбекской скромностью и великой гордостью:

***Пред теми, кто знает тебя, преклоняюсь я,
А тех, кто не знает, мне искренне жаль.***

Стихи чуткого, пронизательного поэта Мухаммада Юсуфа о родине – именно об Узбекистане, его реалиях, его неповторимости, сердечности.

Каждую метафору, каждый его эпитет можно назвать художественной находкой. Умело используя элементы художественной выразительности, автор рисует живой образ Узбекистана, через своеобразие характера народа: щедрый, любвеобильный, сильный, сердобольный, чадолюбивый, скромный, доверчивый... Поэт уподобляет свое отечество вот такому человеку. Лишь в самой последней строке становится ясно, что речь идет не об отдельном человеке, а умело подбирая определения, поэт в одной строке показывает характер целого народа.

Мухаммад Юсуф не просто воспевает Родину. Он оживляет в памяти имена патриотов, которые оставили в ее истории неизгладимый след. В стихотворении «Ода Родине» поэт пишет:

***Землю целуйте, горсть к глазам поднесите,
Как молитву, любите каждое слово ее.
В сердце флаг национальный храните,
Любите Родину, как Наджмиддин Кубро.***

Вспоминая святое имя Наджмиддина Кубро, славную историю, поэт использует слово «молитва», преумножая выразительность стихотворения. Для каждого узбека священность молитвы – главная ценность. Тех, кто любит свою отчизну, Родина, как мать, ласкает в своих объятиях:

***В час радости цветы ты дарила
И вслед бросала их мне,
В несчастье утешала, бодрила,
Дай прикоснуться щекою к тебе.
.....
Теплее солнца ласка твоя,
Теплая Отчизна моя.***

Поэт любит свою Родину, свой народ, это для него дороже всего.

Народный писатель Узбекистана Мухаммад Али в своей статье «Да не умолкнет лира поэта»¹ справедливо отметил: «На мой взгляд самое высшее достоинство поэзии

¹ Мухаммад Али. Шоирнинг сўзи тинмайди, газета «Халқ сўзи», 2014. 25 янв.

Мухаммада Юсуфа – это воплощение его чистой и безупречной искренности. Искренность, народный дух придают блеск, украшают, привносят неповторимое очарование и изящество в его стихи. Еще одно из его достоинств – это небезразличие и неравнодушие к жизни. Его душа умеет страдать, но он чужд плаксивости, обреченности. Он стремился писать о том, что он видел, что приводило его в восторг или заставляло трепетать от ненависти».

В патриотических стихах Мухаммада Юсуфа чувствуется несравнимая сердечная сила и чувство собственного достоинства. Его стихи о родном крае, об отчизне несравнимы со стихами других авторов, они пропитаны национальным духом, знанием души народа. Поэтому столь значительно влияние стихов Мухаммада Юсуфа на молодое поколение. Он в первую очередь всегда стремится разобраться в своих помыслах, постичь самого себя, потому и поэзия его глубинная, искренняя, идущая из сердца. Во многих его произведениях, таких как «Мой солнечный край», «Будь со мной всегда, мой народ», «Где еще найти», «Родина, ты одна», «Я узбек», «Узбекским борцам», «Мухаммадкадыр», «Мой край цветов», основная тема – гордость за свое отечество. Но в эпоху независимости только гордиться своей историей недостаточно. Теперь надо создавать свою новую историю, имя узбек должно облететь весь белый свет, объять весь мир. В стихотворении «Имя узбека объяло весь свет» он пишет:

***О, сколько несчастий повидал этот край,
Сколько раз из пепла восставал этот край,
Зодчих Таджмахала, мирабов реки Нил,
Имамов Бухары порождal этот край...
Имя узбек объяло весь свет!***

Логически продолжает тему стихотворение «Свободный край»:

***Родина!
До чего ж ты песня дивная,
За тебя жизнь отдам, земля родимая,
За тебя я готов в пламени гореть,
В волнах реки готов принять смерть!***

Читая стихотворение «Мухаммадкадыр», посвященное нашему чемпиону мира по боксу, испытываешь волнение и гордость за соотечественника.

У известного украинского поэта Тараса Шевченко есть такие строки: «В ком нет любви к стране родной, те сердцем нищие калеки». Действительно, у человека с порочной и нищей душой нет любви к родной земле.

В стихах Мухаммада Юсуфа о родном крае воссоздается прекрасный поэтический облик родины, словесный памятник отчизне. Выраженные в искренних строфах поэта возвышенные чувства любви к отчизне, сыновнего долга эхом отражаются в душе читателя, потому что в его стихах нет фальши. Несравненно отечество, нет нигде более родной, прекрасной и достойной земли, нет нигде таких тюльпанов, нет таких матерей, нет такого народа, нет таких красот («Где еще найти»), и грош цена тому поэту, который не сможет всколыхнуть разум и сердце читателя («Восторг»).

С большим уважением Мухаммад Юсуф воспеваеt великих узбекских классиков: Ахмада Яссави, Джалалиддина Руми, Алишера Навои, Мирзо Бабура, Бабарахима Машраба; незабвенных представителей литературы XX века – Абдуллу Кадыри, Абдулхамида Чулпана, Усмана Насыра, Айбека, Гафура Гуляма, Абдуллу Каххара, Миртемира, Саида Ахмада. В стихах, посвященных некоторым из них, поэт говорит о том, что терзает его душу, так в стихотворении «Навои» поэт пишет:

***Разве не утонет в слезах
Учитель, терзаясь в могиле –
Коль поэты неправдивы,
Ученым титулы важнее?..***

В стихотворениях «Возглас Бабура», «Напевы Машраба», «Усман Насыр» на примере судеб поэтов автор философски отображает смутные времена. Эти произведения свидетельствуют о том, что поэт хорошо знает историю, стремится к глубокому философскому осознанию времени.

Многие стихи посвящены известным национальным историческим личностям: Амиру Темуру, Мирзо Улугбеку, Джалалиддину Мангуберди, Темуру Малику, Файзулле Ходжаеву, предводителю народных восстаний Муканне, Дукчи Ишану и др. С болью пишет он об их трагической судьбе. В стихотворении «Амир Темура» звучит сожаление «где же были те преданные нации своей» сыновья, до которых не дошла мольба отца.

Испепеляющая душу, как огонь, мысль – сожаление сына, у которого душа разрывается, когда он видит, как вскрывают гробницу отца, но он бессилен что-то сделать, словно стрела вонзается в сердце читателя. Не говоря ни слова о бывшей советской империи, поэт показывает всю трагичность положения своего народа. Обращаясь к родной истории, поэт стремится вызвать уважение к своей истории, гордость, призывает не забывать свои корни, своих предков.

В стихах «Лизоблюды», «Застой», «Гдлян» доминирует социальная проблематика, поэт смело изобличает тех, из-за кого обрушились беды на народ. Это те нелюди, «Кто заодно с сатаной, гонцы ангела смерти». Он изобличает их и призывает ценить себя, не расслабляться, не забывать о гордости.

В стихах, посвященных отдельным местам Узбекистана – «Ташкент», «Мингтепе», «Андижан», «Самарканд», «Маргелан», «Я твой сын, Ташкент», «Шахрихан» – он опять пишет о любви к своему отечеству и с болью говорит о человеческой недалекости:

***Гляди, как все изменчиво в этом мире –
Хозяин индус во дворце, возведенном тобой.***

(«Андижан»)

Немало в его стихах строк, отражающих суть истории. Глубина их смысла понятна тому, кто хорошо знаком с прошлым.

Мухаммад Юсуф доказал, что о родине казенно писать нельзя, если не пылает в душе огонь любви к ней, получается не поэзия, а набор слов. В конце XX – начале XXI вв. поэт возвел на самую высокую ступень в узбекской поэзии патриотическую лирику, достигнув небывалой гармонии мысли и чувства, продолжив лучшие достижения фольклора, уже наработанные фольклорные и литературные традиции. Смело можно сказать, что Мухаммад Юсуф – Народный поэт, создавший образцовые стихотворения о родине, о народе, умело продолживший лучшие традиции узбекской поэзии и по-новаторски разрабатывающий актуальные проблемы современности.

литературоведение. литературная критика

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ С ВОСТОКА

Общеизвестно, что именно межкультурная коммуникация между народами, существующая с незапамятных времен, обеспечивает непрерывность прогрессивной эволюции человечества.

В начале 1890-х годов, один из Московских букинистов подарил И. Бунину перевод «Гулистана» Саади. Писатель об этом вспоминает так: *«В Москве была лавка горбатого старика-букиниста. Помню: зима, лавка ледяная, пар от дыхания. Сидя на корточках в углу перед грудой сваленных на полу книг, неловко роюсь в них, чувствуя на спине острый взгляд хозяина, сидящего в старом кресле и отрывисто отхлебывающего из стакана кипяток.*

– А вы что ж, тоже, значит, пишете, молодой человек?

– Пишу...

– Читали ли вы «Гулистан» Саади? Я вам эту книжку подарю на память. В ней есть истинно золотые слова. Вы же должны особенно запомнить следующие: *«У всякого клада лежит стерегущий оный клад стоголовый змей».* Это надо хорошенько понять. Пусть это и будет вам моим напутствием на литературном поприще. Писатель пошел теперь ничтожный. А почему? Он думает, что клады берутся голыми руками и с превеликой легкостью. Ан нет. Тут борьба не на живот, а на смерть. Вечная и бесконечная, до гробовой доски. И знаете, кто высказал эту мысль и именно в связи с выше приведенными словами Саади? Сам Александр Сергеевич Пушкин. Слышал же я это все от букиниста Богомолова¹.

Этот случай во многом способствовал возникновению в творчестве И. Бунина восточной тематики, обогатившей его творчество новыми мотивами, слогом и содержанием.

Перечитывая «Коран» и произведения восточных авторов, Бунин открывает для себя новый мир. У него возникает желание непременно побывать в тех местах, которые описываются в Коране и в прочитанных книгах. Отправляясь в 1903 году в путешествие, он берет с собой «Коран» и произведения Саади.

Посетив древние страны: Египет, Сирию, Палестину, И. Бунин, по свидетельству его жены и спутницы Веры Николаевны, в этом путешествии не только перечитывал Саади, но и приступил к вольному переводу отдельных стихотворений из «Бустона» и «Гулистана» под общим названием: Саади

**Мустафа
БАЙШАНОВ**

Родился в 1952 г. Окончил Ивановский государственный университет. Доцент, декан филологического факультета Гулистанского государственного университета, автор многочисленных статей по истории и теории литературы.

¹ Бунин И. А. Собр. соч. в 9 томах, том 9. М. Худ. л-ра. 1967. С. 277-278

«Из поэмы Бустон». Следует отметить, что стихотворная форма, избранная Буниным, произвольна, а само содержание не всегда соответствует содержанию оригинала, например, вольный перевод фрагмента из поэмы «Бустон», условно названный «Отшельник и череп» (из гл. 1 – «Дар Адлу рой ва тадбири жахондорой»).

Бунин перевел из Саади всего 11 фрагментов.

Интерес к творчеству Саади в России особенно возрос в начале XX в. в связи с развитием русского востоковедения. Сравнительно полный перевод поэмы «Бустон», осуществленный Н. Урри (с немецкого), был опубликован в 1915 году в Петрограде. Первые полные научные издания и переводы с комментариями «Гулистана» и «Бустона» вышли в 1968-1969 гг. в большой серии «Памятники литературы народов Востока».

«Бустон» – дидактическая поэма, своеобразная нравственная мирооценка. Она состоит из предисловия и 10 глав, каждая из которых содержит морально-философские заключения автора, подтверждаемые рассказами и притчами.

«Гулистан» – это книга, воспевающая силу разума человека и красоту его чувств. Многое роднит эти книги, отличие – в форме. «Бустон» – поэма в стихах, «Гулистан» же написан в стихах и прозе, это своеобразный сборник остроумных нравоучительных рассказов, притч и анекдотов.

И. Бунин обогатил русскую литературу не только переводами произведений Саади, но и такими стихами о Востоке, как «Ковсерь», «Черный камень Каабы», «Айя-София», «Зеленый стяг», «Стамбул», «Темжид», «Тайна», «Розы Ширази», «Трон Соломона», «Магомет в изгнании», «Каир», «К Востоку», «Храм солнца», «Зейнаб», «Мекам» и др. В этих стихах аккумулировались впечатления от знакомства с философией и искусством Востока со всем увиденным в Турции, Египте, Сирии, Ливане и в других странах.

Не исключено, что именно отсюда идейно-эмоциональный стержень произведений Бунина – раздумья над вечными вопросами бытия, жизнью, смертью, единством человека с природой, со всем живущим, со своим народом, со всем миром.

Нужно отметить, что Бунин в своей поэзии и прозе весьма открыт религиозному чувству. В 1910 году в беседе с корреспондентом «Одесского листка» Бунин подчеркивает: «Я вообще люблю Восток и восточную религию».

Стихотворение «Ковсерь» поэт предваряет взятыми в качестве эпиграфа строчками из Корана: «Мы дали тебе Ковсерь» – святой источник в Мекке.

Бунин ошущает общность эпох и народов:

***И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он.***

Восточную тематику у Бунина отличает объективность и многоплановость художественного осмысления. Культурно-религиозная жизнь в ней психологически убедительна и не противопоставлена русской действительности. Тема связи времен, единство духовной жизни человечества проходят через всю лирику поэта, главное в которой – любовь к общечеловеческим ценностям, бессмертие, память, вечность, что и образует один из главных лейтмотивов лирики поэта:

Извечная борьба жизни и смерти, предопределенность человеческой жизни являются еще одним лейтмотивом восточной поэзии Бунина. Например, в стихотворении «Путеводные знаки»:

***Костями бог усеял все дороги,
Как след гиен среди ушей Ти.
Привет вам, почивающие в боге,
Нам проторившие пути!***

¹ Бунин И. А. Собр.соч. в 9-ти томах. Том 1. М. Худ. л-ра. 1965. С. 355.

Лирический герой в восточной лирике Бунина – обычный безымянный человек, несущий в себе доброе нравственное начало. В «Завете Саади» И. Бунин писал: **«Будь шедрым, как пальма. А если не можешь, то будь стволом кипариса, прямым, благородным»**¹.

Внимание И. Бунина активно привлекал образ мудрого государственного деятеля А. Темура, о чем свидетельствуют некоторые из его произведений. В четвертом номере журнала «Современник» за 1913 год было опубликовано стихотворение «Уголь»:

**Могол Тимур принес малютке-сыну
Огнем горящий уголь и рубин,
Он мудрый был: не к камню, не к рубину
В восторге детском кинулся Имин.
Могол сказал: «Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнувший огонь».
Но бог мудрей: бог пожалел ребенка –
Он сам подул на детскую ладонь»².**

В стихотворении речь идет о Темуре, воспитывающем в своем сыне твердость воли, трезвость ума и понимание того, что не во всяком ярком упрятано доброе начало. «Воля Бога выше ума Темура» – приходит к выводу поэт.

В октябрьском номере Горьковской «Летописи» в 1916 г. впервые было опубликовано одно из великолепных произведений поэта, посвященных матери, вскормившей своей грудью будущего завоевателя – Темура, «Орда». Эпизод, воссозданный поэтом, далек от нынешнего дня, но прошлое заново пережито, воспринято в формах, поражающих своей живописной конкретностью. Дар творца позволяет поэту и сквозь века угадывать подлинные красоты живой действительности. В своем стихотворении Бунин восславил Великого Темура, необузданного завоевателя, и его Мать:

**Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок,
Что сонный ребенок, державший твой темный сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?»³**

Несколько лет спустя Бунин вновь обращается к образу великого Темура.

В 1921 году, будучи в эмиграции, И. Бунин написал знаменитый философский рассказ «Темир-Аксак-хан».

Две странички рассказа о Темуре насыщены глубоким содержанием, полны философского смысла, изобилуют разного рода историческими параллелями:

«Не было во вселенной славнее хана, чем Темир-Аксак-хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его... Не было в подлунной отважней, счастливей и славнее тебя, смуглолицый, огнеглазый, светлый и благодный, как Гавриил, мудрый и пышный, как царь Сулейман! Ярче и зеленой райской листвы был шелк твоего тюбана, и семицветным звездным огнем дрожало и переливалось его алмазное перо...»

Величайший полководец и правитель, в руках которого судьбы стран и народов, владыка, потерял интерес к власти, осознал трагическую бессмысленность и пустоту своего существования и не смог выбраться из тяжелейшего духовного кризиса,

¹ Бунин И. А. Собр.соч. в 9-ти томах. Том 1. М. Худ. л-ра. 1965. С. 357.

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 405.

чтобы вновь обрести смысл бытия. Завоевав мир, он не обрел душевного покоя, почувствовав приближение смерти и свою беспомощность перед ней. Такова главная идея этой притчи.

Основой для нее послужили реальные факты биографии Темура, сведения о которых были переведены на русский язык в конце XIX века Н. П. Остроумовым. Согласно сведениям последнего времени, «Уложение Темура» было создано на тюркском (староузбекском) языке, а затем переведено на фарси, а не наоборот, как утверждалось прежде. Этот факт доказан текстологическим анализом «Уложения», написанного на фарси.

Нет сомнения в том, что писатель симпатизировал могуществу, воле, справедливости, решительности и другим качествам великого правителя.

И. Бунин умело использовал в своих произведениях выдержки, перифразы, цитирования, упоминание знакомых читателям сочинений Саади и других восточных авторов, их крылатые слова и выражения, эпиграфы из Корана. Любые интеллектуальные отношения строятся на взаимопроникновении текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый, в этом случае возникает сложная перекличка голосов – многоголосие.

В 1911 году Бунин написал рассказ «Смерть пророка» (Моисея). Рассказ о жизни пророка, написанный на традиционный религиозный сюжет. Здесь речь идет о том, что все в жизни преходяще, все смертно. Эту мысль Бунин подтверждает словами Саади: **«Гонец смерти не внемлет ни мольбе пастуха, ни воле владыки. Погоди: Земля выест мозги из наших черепов, полных замыслов. Смерть не магол, и ты не Атабек-Абубекр: от нее не откупишься золотом»**¹.

Бунин создает много прозаических произведений о Востоке. В рассказе «Крик» (1911) описывает душевное состояние простого восточного человека, потерявшего на войне своего сына. В рассказе «Скорбеи» (1924) – древнюю историю Египта. Древний Восток волновал Бунина, в чем он неоднократно признавался: «Восток – Царство солнца. Востоку принадлежит будущее»².

В творчестве Бунина восточная тема проступает гораздо ошутимее, чем у многих писателей, живущих на Востоке. Яркие образы и глубокое проникновение в ткань произведения восточной культуры создают особый колорит, проявившийся в «ясности души и стройности мирозерцания», в особом проникновении в восточную философию жизни.

¹ Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах. Том 1 . М. Худ. л-ра. 1965. С. 193.

² Там же. С. 127.

философия искусства

ПЕЙЗАЖ ДУШИ

*Мое искусство не желает соглашаться
с тем, что миром правит грусть.*

Шри Чинмай

...Птицы щебетали, выстраивались в очередь под пером художника, чтобы выпорхнуть из внутреннего мира, мира воображения.

Несколько лаконичных линий за считанные секунды, иногда даже за доли секунды и... рождались новые творения. Они не давали покоя художнику ни днём ни ночью. Они спешили появиться на свет парами или по одной, в стремительном движении полёта или в причудливых формах, полные жизни и индивидуальности...

Всякий раз, когда мы мечтаем о свободе, наш взгляд непроизвольно устремляется ввысь, в небо. Мы восхищаемся голубиной и простором неба, красотой полёта птиц, и в глубине сердца спонтанно рождаются чувства покоя, радости или восторга. Образ птицы, символа Мира и Свободы, во все времена вдохновлял художников. Вспомним один из самых узнаваемых символов мира, написанный волшебным карандашом Пикассо.

Что касается графических рисунков птиц художника Шри Чинмая, то они неповторимы и загадочны. Что же заставило художника в миллионах своих рисунков повторять один и тот же образ? Почему, начав рисовать своих птиц в 1991 году, художник рисовал их до последнего дня своей жизни?

Ответ простой: мы, живущие на планете Земля, пытаемся раскрыть главный секрет и ответить на вопрос: «Кто я и зачем пришёл в этот мир?» Шри Чинмай в своих рисунках тоже пытается ответить на этот вопрос. Ведь птицы в его работах – это не обычные птицы, а Птицы-Души, это духовный мир человека, его внутреннее пространство, которое в суете современной жизни человек прячет от непонимания, равнодушия окружающих.

Истинное искусство всегда поднимает сознание зрителя на более высокий уровень. Художник заставляет задуматься о смысле жизни, пробуждая к возвышенным переживаниям, к желанию творить, и в результате увлекает за собой в свой собственный мир, где берёт начало его творчество.

Другая серия рисунков Шри Чинмая получила название «Джарна Кала», что в переводе с его родного бенгальского языка означает «искусство, струящееся потоком из Источника вдохновения». Несомненно этим источником является сам художник.

Ольга АЛИХАНОВА

Родилась в 1967 г. Окончила Санкт-Петербургский университет биолого-почвенный факультет. Пишет стихи и рассказы. С 1998 г. работает куратором выставок по странам СНГ и Балтии всемирно известного бенгальского художника и общественного деятеля Шри Чинмая.

Шри Чинмаю было 43 года, когда в один из промозглых дождливых вечеров он почувствовал непреодолимое желание рисовать. Отныне кисточки и краски, самые яркие, сочные, стали его спутниками, где бы он не находился. Сначала зритель видит на картине пятна, линии, хаотически разбросанные по всему полотну. Потом начинает замечать цветовую гармонию, выдержанность линий и заключённую в рамку энергетику, на которую откликается всей душой.

Мне, как куратору его многочисленных выставок, проходивших по всему миру, посчастливилось видеть, как рисовал художник. Как-то он рисовал сутки напролёт. Посчитали – оказалось Шри Чинмай нарисовал шестнадцать тысяч тридцать одну картину, и ни одна не повторяла другую! За движением кисти невозможно было уследить. Изумляли и размеры картин: от крошечных, величиной с ладонь, до с площадью несколько десятков квадратных метров, когда художнику приходилось использовать специальные подъёмные устройства. Краски закупались ведрами, часто вместо кистей Шри Чинмай использовал губку, вату, нанося последние штрихи лёгкими касаниями кончиков пальцев. Он рисовал с азартом ребёнка. Испытываемые радость, восторг от виденного напомнили мне случай из детства, когда я научилась кататься на велосипеде: также захватывало дух, и я чувствовала себя самым счастливым человеком на Земле!

Названия его картин говорят сами за себя. Вот картина сиреневого цвета с щедрым плеском золотисто-жёлтого – «Милость». Не правда ли, поэтическое название, и как оно точно передаёт состояние души. Помните, «...и милость к падшим призывал». Картина «Любовь» нарисована всеми цветами радуги. Фантастическими оттенками зелёного, от бирюзового до медянки, нарисована картина «Искренность». А в картине «Мечта» радостная оранжевая краска торжествующе заявляет о себе и ищет точки соприкосновения с земной действительностью.

В своей книге «Царство цвета» Шри Чинмай пишет, что каждый цвет значим и с духовной точки зрения. Так во все времена белый цвет олицетворяет чистоту, невинность, божественность, красный даёт энергетику, силу, зелёный говорит о динамике, зарождении новой жизни, бордовый означает могущество и прочее. Утверждая, что в каждом человеке живёт художник, Шри Чинмай призывает людей к самовыражению – это ли не задача искусства, будь это живопись, литература или музыка.

Как часто я видела на выставках Шри Чинмая людей уходивших окрылёнными, поверившими в свою индивидуальность, желающими изменить в лучшую сторону свой мир. Многие задерживались у столиков с подготовленными для мастер-класса красками и прочими атрибутами для живописи, начинали рисовать, и мы получали их удивительные картины. Готовилась площадка ещё одной выставки, очень смотрительной, собирающей толпы посетителей: не к этому ли призывал Шри Чинмай – заглянуть в свои души.

Каковы они, пейзажи вашей души? Пробуйте, рисуйте, сочиняйте, музицируйте! Ищите новизну! Радуйтесь и радуйте! Никогда не поздно начинать. Пусть явится примером удивительная жизнь Шри Чинмая, выдающегося гуманиста и философа, художника, поэта и композитора, чей вклад в каждую из этих областей уникален.

НОВЫЕ ИМЕНА

МАЙК*Рассказ*

Майк сделал контрольный выстрел в голову. Тело вздрогнуло, раздался хрип. Он обвел взглядом разрушенное пространство ангара. Около полутора десятка разбросанных повсюду неподвижных тел – бой окончен. Майк убрал пистолет в кобуру и отключился до следующей битвы, погрузился во тьму, повис в пустоте, утратив всякое осязание. Даже ощущение тела пропало. Осталась лишь память о самом себе и тревожное чувство ожидания войны.

Он не помнил своего прошлого, не помнил, как сюда попал. Он только знал, что должен делать – убивать тех, кто пытается убить его, тех вооруженных людей, внезапно появляющихся из разных мест. Его кровавый путь всегда начинался одинаково: пробуждался в одном и том же месте и шел, шел, шел по одному и тому же маршруту, расстреливая назойливых врагов.

Но последнее время в его запрограммированном одиночестве стало что-то меняться. В перерывах между боями ему стали сниться сны. Поначалу они были похожи на краткие цветные вспышки, и он не мог разобрать сути своих видений, но со временем он научился понимать их. Это были мимолетные, цветные, живые образы, совсем непохожие на те серо-зеленые объекты, которые он привык видеть, пока пробирался к цели, пульсировавшей в его сознании навязчивой мыслью. Новые видения пахли «свободой» и, хотя в его интеллектуальном арсенале не было подобного понятия, он все же чувствовал ее, желал ее, стремился к ней, с нетерпением ждал конца кровавой бойни.

В конце концов он научился продлевать свои сновидения и соединять их в некую логическую последовательность. Все чаще ему удавалось начинать сон с того момента, где он видел свой однообразный мир на экране какой-то пластиковой панели, которая, как он узнал впоследствии, называлась «монитором». Он вставал из-за горизонтальной плоскости на четырех штырях, служившей своего рода подставкой для монитора, и шел совершать непонятные ему самому действия, непонятные настолько, что его ум в конечном итоге доходил до такой стадии напряжения, что Майк терял контроль над сновидением и вновь оказывался в темной пустоте. Прошло достаточно времени, прежде чем Майк разобрался во всех хитросплетениях новой, как ему нравилось думать, жизни. Он научился удерживать себя в этом состоянии, быть тем, кем видел себя.

Сергей ШМАКОВ

Родился в 1976 г.
в г. Березники
Пермской области.
Окончил Уральскую
государственную
юридическую ака-
демию. Автор ряда
эссе, опубликован-
ных в периодической
печати.
В «Звезде Востока»
публикуется
впервые.

В новой жизни или, иначе, сие его называли Джейм Янгом. Люди, среди которых он жил, не были похожи на людей из его мира, одноликих мужчин, вооруженных до зубов. Здесь они все были разные, не похожие друг на друга: лица, одежда, речь, манера поведения, возраст – все отличалось. Отличалось настолько, что Майку пришлось провести колоссальную работу по систематизации различий.

Здесь он впервые увидел людей, у которых были длинные волосы и две мягкие выпуклости на груди. Маленькие из них назывались «девочками», те, что постарше – «женщинами». С одной такой женщиной он жил в одном доме и называл ее «мамой». Она заботилась о нем. Был и «отец», который чем-то напоминал солдат из его реальности, но который не преследовал цели убить его. Напротив, этот помогал и вообще был очень внимателен к Джейму. Со временем Майк понял, что он их «сын» – человек, зависящий от «родителей».

Джей ходил в «школу» – место, в котором собирались «дети» для того, чтобы зарабатывать баллы. Это напоминало Майку его мир, где после прохождения очередного этапа он получал очки, в результате чего у него появлялось более мощное оружие. Школьные баллы в некотором роде тоже были оружием – они повышали его авторитет и обеспечивали особенное внимание «учителей», как он понял, обеспечивали большую выживаемость, по крайней мере, так говорили «учителя». Они пророчили успешным детям хорошее будущее – победу, в понимании Майка.

Но не всем баллы приносили уважение. Была и такая категория успевающих детей, которую унижали сверстники. Обидчики называли их «ботанами», «лохами» и прочим. К последним относился и Джей. Впрочем, он не получал особо высоких баллов, учеба его не интересовала; он, скорее, учился для родителей, потому что знал, что низкие баллы их очень огорчают.

Джей страдал. Систематические издевательства ограничивали его свободу, которую Майк ценил превыше всего. Будучи детищем войны, он остро чувствовал наносимый его двойнику вред. Было в этом что-то от смерти, о присутствии которой Майк никогда не забывал. Ощущение смерти было центром его существа, поэтому он все больше проникался проблемой Джейа, и однажды у него появилось желание помочь ему. Поначалу Майк относился к жизни Джейа, как к просмотру фильма, он сопереживал, но делал это отстраненно, не придавая особого значения происходящему. Но потом, когда он научился контролировать сновидения и даже влиять на них своими желаниями, его отношение изменилось, и он стал задумываться над тем, как помочь мальчику. Это был уже не совсем Джей, за которым наблюдает Майк. Это все больше был Майк, проглядывающий сквозь оболочку Джейа. Когда Джей повесил в своей комнате постер с изображением Майка, тот понял, что пришла пора действовать.

Первым шагом на пути решения проблемы стало знакомство с оружием. В мире Джейа дела с оружием обстояли не так, как в мире Майка. Здесь оно не появлялось само по себе, здесь нужен был четкий, детальный план. И Майк, будучи идеальным стратегом, этот план создал. Для этого он завел знакомство на сайте любителей оружия. Среди множества желающих покрасоваться со смертельными игрушками в руках он нашел несколько подростков, с которыми установил тесные отношения. Они обсуждали компьютерные игры-«стрелялки», художественные фильмы с обилием сцен убийств, делились тайными желаниями, основным из которых было лишение жизни пары-тройки ненавистных им людей, мешающих им спокойно жить.

Когда круг юных боевиков был более или менее сколочен, Майк предложил встретиться и пострелять по бутылкам. Предложение было принято. Встреча прошла успешно с одним минусом – оружие было не огнестрельным, а пневматическим. На встрече Джей впервые представился Майком, именем своего прототипа. Майк же теперь чувствовал себя в новом мире живущим по-настоящему. Можно сказать, что Джей с этого момента стал Майком, а Майк – Джейм; грань между двумя личностями

исчезла. Джей стал более замкнутым, обозленным, временами грубым. Родители делали скидку на возраст и объясняли личностные изменения сына переходным периодом. В классе Джей теперь не общался ни с кем, даже с девочками. Их насмешки вызвали в нем негодование, но он не позволял себе срываться, тайно вынашивая свой план, приближая долгожданную развязку, сулившую торжество, победу, триумф.

На одной из встреч появилось огнестрельное оружие. Это был пистолет, приобретенный членом группы тайком от родителей. Сделав несколько выстрелов, ощутив сокрушающую мощь железного механизма, Майк почувствовал, как в нем пробуждается сила и уверенность. Оставался последний шаг – воспользоваться пистолетом отца Джея. Тот лежал в сейфе, ключ от которого хранился в шкатулке с маминими украшениями. Джей знал это, поэтому ему не составило никакого труда завладеть долгожданным предметом.

Следующим утром, еще помня телесную дрожь от вчерашних выстрелов, Джей в числе прочих школьников, стекавшихся со всех сторон, был у школы. Оружие возмездия, спрятанное за ремнем брюк, напоминало о себе увесистой твердостью. Вот он поднялся на крыльцо, вошел в дверь, оказался в фойе, прошел в раздевалку и застался в ожидании первого звонка. Сердце билось так громко, что заглушало коридорный гам. Терзающий гнев, обида, желание отомстить, нарушить привычный ход вещей, сделать плохо всем слились с холодным трезвым расчетом убийцы.

Прозвенел звонок, и пространство школы стало быстро пустеть, освобождаться от суетливых тел. Когда воцарилась полная тишина, Майк поднялся и вышел из раздевалки. Направляясь к своему классу, он случайно встретился с учителем физкультуры – крепким молодым мужчиной, вызывавшим у Джея неприязнь из-за своих армейских шуток над хилостью подростков. Преподаватель, не оставивший, на свою беду, без внимания опоздание Джея, остановил его и начал отчитывать, подкрепляя свои доводы избитыми примерами об известных ему неудачниках, слонявшихся, как и Майк, без дела.

– Тебе, Джей, непременно нужно поучиться у твоих сверстников умению везде успевать вовремя, – сказал учитель и замер. На него, неуязвимо сверкая серебряной поверхностью, смотрел «Магнум 44».

– Боюсь, вы меня не за того приняли, учитель. Я Майкл Страйк, – уверенно произнес Майк и выстрелил мужчине в грудь.

Учитель упал, а спокойный и торжествующий Майк пошел дальше по коридору. Он видел, как школьники, привлеченные звуком выстрела, выбежали из классов и тут же спрятались. Тот, кто не успевал исчезнуть из поля зрения Майка, получал пулю. Их тела оставались неподвижными, а он все шел и шел, уровень за уровнем, этап за этапом, шел к своей цели. Это была месть за Джея. Мечь – на поражение – за унижения и равнодушие окружающего мира, за боль затравленного одиночества. Майк должен был уничтожить врага, должен был выжить, жить так, как от него требовала жизнь. Он должен был победить.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Даминжон
ПИРМАТОВ**

Родился в 1959 г. в Маргелане. Окончил факультет русского языка и литературы Херсонского государственного пединститута. Живет в Маргелане, работает в Маргеланском педагогическом колледже им. А. Навои. Автор двух поэтических сборников. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Цветет джида, как поздняя любовь...

* * *

Спокоен Маргелан. Он строг и тих.
Здесь жил поэт, здесь он слагал свой стих,
Здесь жили мастера и кустари,
Здесь дом стоит прекрасный «Муштарий».

Трудолюбив здесь доблестный народ,
И день, и ночь он устали не знает,
Здесь мастерица тюбетейки шьет,
Узором ярким древним украшает.

Здесь мастерят качели, колыбели,
Здесь платья шьют и чинят сапоги,
И мастера живут, и подмастерья,
Пекут самсы, лепешки, пироги.

Везде для творчества простор:
Для музыки и для лиры.
Жестящик выкроит затейливый узор,
Прекрасны украшения ювелира.

Сто тысяч песен и стихов
Тебя, мой город, прославляют,
Живешь ты множество веков.
И проживешь еще немало.

* * *

Пробежался летний дождик по полям,
Он соскучился по травам и грибам,
Он принял кусты колючек и траву,
Еж-трудяга быстро спрятался в листву.
Чикчиришки-воробышки
Ринулись под крыши,
Разбежались все по норкам
Полевые мыши.
И стремительной походкой,
Из листочков сделал лодки,
Разбежались муравьи,
Позабыв дела свои.
А виновница всей этой суеты
Тучка смуглая глядела с высоты.
Ей понравился мальчонка,
Что-то строящий в песке.
Дождь помыл ему ручонки
И укрылся вдалеке.

* * *

Осень-зануда – дожди и дожди,
Осень, не надо, постой, подожди,
Ливни свои до поры сбереги,
Ведь впереди октябри, ноябри...

Все отсырело: кусты, деревья,
Птицы умолкли, примялась трава,
Сменятся скоро дожди на снега,
Белое платье примерят луга,
Вьюги с ветрами завоют в ночи,
Осень, постой, не спеши, помолчи.

* * *

Влюбиться снова, вновь начать с нуля.
Не допусти, Господь, меня.
Цветет джида, как поздняя любовь,
Зачем она мне будоражит кровь?

Зачем тот аромат меня манит,
Тревожит душу, память ворошит?
Да, ей положено цвести и музой быть,
А сердцу моему любовь не позабыть.

* * *

Ветер, ночь не мучай,
Разгони все тучи,
Пригласи грозу на танец,
Пусть станцует гром,
Пусть закончится веселье
Проливным дождем.

Прояснится день ненастный,
Глянет луг в окно,
И согреет солнце красно
Лучше, чем вино.

* * *

Ты любовь моя красная,
Дорогие мечты.
Ветерок ты мой ласковый
В мои тяжкие дни,

Моя роза прекрасная,
Как же дни коротки,
Моя милая, страстная,
Моя жизнь – это ты.

Ты заря моя ясная
После темных ночей,
Моя нежная, страстная,
Жизнь моя, свет очей...

* * *

Горы – гордость моя,
Воды – совесть моя,
Солнце – радость моя,
Зори – юность моя,
Ночи – думы мои,
Корни – деды мои,
Травы – внуки мои,
Люди – братья мои,
Сыновья мать-Земли.

Родина моя

Если ты поле хлебное,
Может, я колосок.
Если ты воды чистые,
Может, я ручеек.
Коль весна ненаглядная,
Я твой первый росток.
Если лето ты красное,
Может, я твой денек.
Коль ты ветвь золотистая,
Я твой друг-ветерок.
Коль зима серебристая,
Я твой первый снежок.
Коль костер согревающий –
Жаркий твой уголек.
Воин, жизнь зашишающий,
Я стена и оплот.

* * *

Весна поссорилась с грозой –
Нет проливных дождей.
Все, как у нас почти с тобой,
Таких больших друзей.

Сбежал от криков даже гром,
И город опустел,
Притих наш сад и старый дом,
И город опустел.

* * *

Гаснут звезды. Словно тени,
Пролетают мимо дни.
День ночной сменился ленью,
Беды позабыв свои.

Скачут дни – лихие кони.
И клочками седины
День минувший я припомню.
Тише кони, кони-дни.

Звезды мечутся, как тени,
Убегают от зари.
Я хочу расстаться с тенью,
Позабыть лихие дни.

поздравляем!

С ОПТИМИЗМОМ ПО ЖИЗНИ ШАГАЯ

Перед ним открылись судьбы десятков, а возможно и сотен талантливых людей. Многим из них он помог определиться в творческих поисках, и за это они всегда остались благодарными ему.

Владимир Герасимович Чеботин не только много работал с авторами в качестве редактора, но и как опытный старший товарищ помогал им поверить в себя и обрести свой путь в литературе. Об этом хорошо помнят те, кому довелось обращаться к Чеботину-редактору в издательстве литературы и искусства им. Г. Гуляма, в редакциях газет «Вечерний Ташкент», «Голос Узбекистана» и других столичных изданий.

Владимир Чеботин получил признание и как поэт-лирик. Писать стихи начал со школьной скамьи, а первым его печатным органом была стенная газета. У его стихов простые душевные интонации. Это и располагает читателя, заставляет слушать, испытывая симпатию к поэту, к людям, о которых он рассказывает, помогает почувствовать в авторе доброго друга.

Юбиляр – автор поэтических сборников «Лицо человеческое» и «В осеннем лесу», участник коллективных сборников поэтов Узбекистана и России. Сегодня он готовит к публикации новые сборники. Сердечно поздравим коллегу по перу с 80-летием и от души пожелаем ему здоровья и, конечно, новых творческих задумок.

Совет по русской литературе

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» желают юбиляру доброго здоровья, благополучия и творческого вдохновения!

возвращение к читателю

Владимир ЧЕБОТИН

Родился в 1935 г. в Курганской области. Окончил факультет русского языка и литературы Томского государственного педагогического института.

В 1972 г. переехал в Узбекистан, работал лит. сотрудником, зав. отделом, зам. главного редактора газеты «Вечерний Ташкент», зам. главного редактора издательства литературы и искусства им. Г. Гуляма, в газете «Голос Узбекистана». Член Союза журналистов и Союза писателей Узбекистана. Автор многочисленных поэтических сборников, награжден несколькими правительственными наградами.

Миг вдохновенья...**Мне просто интересно жить**

Родной поэзии служить.
Любовью близких дорожить.
Миг вдохновенья сторожить.
О днях минувших не тужить.
На майских звездах ворожить.
Девчонкам головы кружить.
С бокалом Истины дружить,
Чтоб жажду жизни ублажить
И песню новую сложить.
...Мне просто интересно жить.

Мимоходом

Я пока что шутник не пропащий,
Но задорной улыбкой дразня,
Ты проходишь походкой летящей
Возмутительно – мимо меня!

Соединяю несоединимое.
Невозвратимое вернуть хочу.
И нелюбимую зову любимую.
И над бедою весело шучу...

* * *

Все в этом мире призрачно и зыбко.
Жизнь отшумит, как вешняя вода.
Но эта белозубая улыбка
Останется со мною навсегда.

Святочное гадание

Будешь думать обо мне:
Что за чудо с бороною?
Чем мы связаны с тобою?
Кто мы в этой стороне?

Будешь думать обо мне,
О таинственной загадке,
О гаданье этом в святки
В этой сказочной стране...

Что же он нашел во мне?
В чем нашел себе отраду?
Или все идет как надо
В нашей солнечной стране?

Красное и черное

Арпаю

Неужели такое возможно,
Чтобы женщина редкой красоты,
Разливая коньяк осторожно,
Нас кидала с тобой на весы?
Сколько стоим мы, кто посчитает?
На каких рассекретит весах?
...Наше время по капельке тает,
Как секунды на наших часах.
Но, играя с огнем, непокорно,
Забывая про час и про дом,
Мы с тобой между красным и черным
Безоглядно по жизни идем!

Грузинский мотив

Баллада

о том, как гордый сын Колхиды, истинный гуриец Георгий Гогуа объявил дефолт аргонавтам и восстановил историческую справедливость, нарушенную ими в день прихватизации золотого руна.

Все, что прошло, легендами обвито,
А все легенды отменяют шлак.
И вот, весенним дождиком умытый
Урючным цветом заиграл кишлак.
Так с детских лет, подобно астронавтам,
Впервые побывавшим на Луне,
Мы повторяем миф об аргонавтах
И видим сны о золотом руне.
А что в итоге? – те Ясона славят,

А эти за Медею травят спор.
...Однажды за бутылкой саперави
У нас зашел об этом разговор.
Через минуту страсти накалились,
И чтобы как-то пламя загасить,
Я так сказал: «Ну,плыли – не доплыли...
Кто знает? У кого теперь спросить?
Вот и гадай, где вымысел, где правда,
А доказать не сможешь все равно,
Действительно ли были аргонавты,
И где искать пропавшее руно? ,
Да и какие могут быть обиды?
Века травой забвенья поросли...»
«Нет! – возражает гордый сын Колхиды. –
Они мне лично травму нанесли!
И лучше в землю я уйду по пояс
И проживу три года без вина,
Но обещаю: я не успокоюсь,
Пока меня терзает их вина!»
...Прошло пять лет. И день за днем Георгий
На верфи пашет, не жалея сил.
И вот корвет под личным флагом «Гордый»
Построил он и на воду спустил.
Под стать ему подобрана команда:
Что ни матрос, то истинный джигит.
К штурвалу встал и в сторону Эллады
Герой Колхиды пристально глядит.
Уже давно продуман план похода,
И каждому наказ особый дан.
И день настал. И «В добрый путь!» – с восходом
Дает команду бравый капитан.
...А в это время во дворце, в Афинах,
Прекрасна, словно вешняя заря,
Цветет, живет божественно невинна
София – дочь афинского царя.
Живет, ни в чем не ведая кручины,
Не зная, что ей уготовил рок...
И вдруг без приглашенья, самочинно
Грузинский барс шагнул через порог.
Вошел, как будто не было преграды.
Неужто царский караул заснул?
Но... наш герой, подобно конокраду,
Красавицу Эллады умыкнул!..
Я от подобной дерзости балдею
И не пойму, ей-богу, одного:
Ну, хорошо бы умыкнул Медею.
Она, наверно, стояла того!..
А он похитил юное создание
И Гименя узами связал.
Всем аргонавтам новым в назиданье
Я эту притчу ныне рассказал.

караван истории

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

От родителей в наследство остаются не только материальные, но и духовные ценности, которые со временем обретают особую значимость. Не всегда, правда, мы дорожим этим наследством, а между тем, преумножение его – одна из наиболее важных задач каждого образованного человека. Как у Саади:

***Ты хочешь от отца наследства? Это – знание,
Другое ты в полдня прокутишь состояние.***

...Мне посчастливилось родиться и вырасти в интеллигентной и образованной семье, где царили культ книги и уважение к творчеству. Друзьями моего отца профессора Муратбека Каримовича Хамраева (1936–1983) были яркие, талантливые люди самых разных профессий: писатели Сабит Муқанов, Зия Самади, поэты Абдильда Тажибаев, Долкун Ясенов, Джуманияз Джабаров, литературоведы Есмагамбет Исмаилов, Леонид Тимофеев, Вахид Захидов, музыканты Куддус Кужамьяров, Газиз Дугашев, физик Геннадий Месяц, психолог Артур Петровский, педагоги Юрий Бабанский, Ибрагим Обидов и многие другие. Каждый из них – легенда страны, особая история. С некоторыми из них мне удалось пообщаться еще при жизни отца, хотя я был совсем юным, но впечатления сохранились. По воле судьбы после смерти отца с некоторыми его друзьями я продолжал и продолжаю общаться. При этом со многими у меня сложились ровные, хорошие, уважительные отношения, несмотря на большую разницу в возрасте. С другими общение свелось к минимуму, а с третьими – эти отношения приобрели более открытый доверительный характер, переросли в дружеские (естественно с определенной долей условности). К их числу можно отнести выдающегося узбекского поэта Абдуллу Арипова.

* * *

Абдулла Арипов – поэт, как говорится, от Бога. Он родился в 1941 году, ровно через V веков после Алишера Навои. В одной из своих ранних статей о творчестве А. Арипова я как-то писал, что поэтов такого масштаба узбекская земля рождает один раз в 500 лет.

При жизни отца мы с Абдуллою ака практически не общались: виделись и разговаривали у нас дома, в стационаре, где они с отцом несколько раз подлечивались, иногда даже в одной палате. Но это общение, как любят сегодня говорить, было протокольным. Абдулла ака много шутил и казался мне очень веселым и жизнерадостным человеком.

...Отец умер вечером 14 февраля 1983 года, похоронили его на следующий день после прощания в Институте, где отец работал директором. Абдуллы Арипова не было в республике. Пришел он к нам домой по возвращению в четверг вечером.

Фархад ХАМРАЕВ

(1963–2015)

Родился в Алма-Ате. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал научным сотрудником Узбекского НИИ педагогических наук им. Кары-Ниязова, преподавателем, доцентом ТашГУ (ныне НУУз), зав. кафедрой Университета мировой экономики и дипломатии, зав. сектором Министерства иностранных дел РУз. Член Союза писателей Узбекистана.

Немного посидев и поговорив с мамой, он попросил меня проводить его. Выйдя на улицу, он сначала утешал меня, как мог, потом сам расстроился и начал плакать. Немного успокоившись, уехал. Как я потом узнал, в тот вечер Абудулла ака написал свое стихотворение «Памяти друга Мурата Хамраева».

После этого (я еще был студентом) мы стали встречаться с Абудуллой ака достаточно часто по разным поводам: издание отцовских книг, проведение юбилея, встречались у нас дома и дома у Абудуллы ака, на его работе, в гостях у разных людей и на различных официальных и неофициальных мероприятиях. Неизменным было лишь одно: встречи и беседы всегда были полезными, занимательными и, конечно, разными: короткими и деловыми, очень продолжительными до глубокой ночи, но всегда интересными, эмоциональными, веселыми, иногда грустными. В них проявлялись неординарность его мышления и изложения мыслей, порой парадоксальность суждений, отсутствие искусственных ограничений в рассуждениях и взглядах на жизненные явления, людей, истинная нравственность и совесть человека-патриота и гражданина, естественность, непринужденность, искренность. Он умеет быть разным, но при этом всегда интересным и, главное, умным.

Однажды я пришел в Союз писателей, где работал Абудулла ака. Было пасмурно. Абудулла ака сидел в кабинете один и, как мне показалось, был не в настроении. Мне он обрадовался, мы разговоривали обо всем и ни о чем конкретно. Время от времени Абудулла ака держался за сердце, сетуя, что оно ноет, реагируя на погоду.

Зазвонил телефон. Звонил Эркин ака Вахидов, Абудулла ака поинтересовался делами издательства. На тот момент Эркин ака работал директором издательства литературы и искусства им. Г. Гуляма. Абудулла ака сдержанно улыбался. После окончания разговора я поинтересовался причиной улыбки.

– Он дома, у него тоже болит сердце, – ответил Абудулла ака.

– И вам стало легче... – пошутил я.

– Знаешь, значительно, – поддержал он шутку. – Оказывается, не только у меня болит сердце...

Секретарь Абуллы ака внесла в кабинет почту. Я собирался уже прощаться, но он удержал меня и предложил вместе пообедать. Я остался. Он стал просматривать почту. Было много писем от частных лиц, какая-то маленькая девочка прислала свои стихи. Абудулла ака кое-что прочитал вслух, поинтересовался моим мнением, потом позвонил в редакцию детского журнала и попросил, чтобы опубликовали стихи девочки. Достав листок бумаги, он быстро написал небольшое вступительное слово к подборке стихов и передал его секретарю для сотрудника журнала, который должен был прийти за стихами.

Когда секретарь вышла, Абудулла ака заметил:

– Если станет хорошей поэтессой, будет говорить, что я помог ей. Если не станет – значит не судьба. Но запомни, людям всегда надо помогать, если имеешь такую возможность. Особенно творческим людям, – добавил он. – Хотя всем помочь нельзя, не в силах мы этого сделать, как бы не хотелось...

Отец мне тоже неоднократно говорил об этом. На его жизненном пути не однажды встречались хорошие люди, которые помогали ему просто потому, что хотели помочь. Отец всегда с благодарностью вспоминал о них.

Тему, которую мы начали обсуждать в кабинете, мы продолжили и во время обеда. Абудулла ака рассказал некоторые случаи из своей жизни, когда ему тоже помогали разные люди. Он умел помнить добро. Человек большой и широкой души, он на многое имеет свой взгляд, но всегда считается с мнением других, пытается понять людей, помочь им.

Я вспомнил его ранний стих «Ни от кого не ожидаю счастья», и поэт многозначительно но улыбнулся.

* * *

В октябре 1989 года я пришел на работу к Абудулле ака. Мы не виделись с ним месяца два, и я решил навестить его. Настроение у меня было неважное: мою защиту кандидатской диссертации постоянно откладывали; с тех пор, как Специализированный совет принял ее и назначил официальных оппонентов, прошло около года. Все было готово, но директор Института языка и литературы не пропускал ее. Причин было несколько, среди которых моя молодость («Пусть не торопится, еще успеется», – говорил он) и некоторые неприятности у моего научного руководителя профессора Туры Мирзаевича Мирзаева.

Узнав о моих проблемах, Абдулла ака удивился тому, что я не обратился к нему раньше. Он позвонил в институт. Разговор длился недолго. Абдулла ака нашел правильные слова. В итоге моя защита состоялась через двадцать дней.

2 ноября, накануне защиты, из Нукуса приехал мой первый оппонент профессор К. Максетов с супругой. Естественно, они были приглашены к нам в дом. Чтобы Кабул Максетович не чувствовал себя стесненно, были приглашены другие гости: Тура Мирзаев, Эрик Каримов, Джуманияз Шарипов и Эркин Ахметходжаев. Был, естественно, и Абдулла ака.

Вечер затянулся, все говорили довольно оживленно, но с особым вниманием слушали Абдуллу Арипова. Все гости были людьми науки, профессионально занимались фольклором и литературой, однако знания поэта их потрясали. Он говорил ярко, образно, подкреплял свои мысли строчками из творчества того или иного поэта. Тогда я впервые удивился его ассоциативной необыкновенной памяти. Он цитировал Махмуда Кашгарского, Машраба, объяснял значение того или иного бейта. Были озвучены многочисленные газели Лутфи. Каждый вносил свою лепту в дискуссию, обнаруживая удивительную эрудицию. Но в центре внимания продолжал оставаться Абдулла Арипов.

Гости разошлись во втором часу ночи. Абдулла ака еще задержался. Мы разговаривали о разном, обсуждали планы на ближайшие дни, потом Абдулла ака произнес: «Ты иди отдыхать, у тебя завтра важный день. Ты должен выспаться. Я тоже пойду домой». Я предложил ему остаться у нас, но Абдулла ака категорически отказался. Тогда я вывезлся проводить его до дома. Мы вышли на улицу, Абдулла ака спросил, во сколько состоится защита. Я ответил, что в 11 часов.

– Я нужен тебе завтра? – неожиданно спросил он.

– Вы отдыхайте, – сказал я деликатно. – Завтра утром вам тяжело будет проснуться.

– За меня не переживай, – ответил Абдулла ака...

...Спецсовет начал работу вовремя, и первой была моя защита. Среди членов Совета было немало ученых, которые имели непростые отношения с моим отцом и Турой Мирзаевичем. Два-три «черных шара» из двадцати членов Совета, по всей видимости, были гарантированы. К этому я был готов, как и к разным вопросам, которые и прозвучали исключительно из уст «друзей» отца. Правда, они не были фольклористами, и их вопросы не представляли для меня особой сложности.

Когда я отвечал на вопросы членов Совета, в зале появился Абдулла ака. Его пригласили за председательский стол.

Все внимание переключилось на поэта.

Все понимали причину появления в зале А. Арипова. Они прекрасно знали, что мой отец и Абдулла ака дружили.

Больше вопросов ко мне не было. После выступлений ученых слово взял Абдулла Арипов. Он говорил всегда ярко и эмоционально. Тогда у меня сложилось впечатление, что защита моей диссертации была организована лишь для того, чтобы послушать поэта Абдулу Арипова. Это было забавно. Я встречался с ним часто, и для меня он был практически всегда доступен, а вот многие присутствующие в зале только мечтали бы с ним познакомиться, послушать, поговорить. Они ловили каждое его слово. Мне было очень приятно.

Абдулла ака говорил не только о моей диссертации, автореферат которой он читал, обо мне, но и о уйгурско-узбекских литературных связях. Он говорил о том, что в истории узбекской литературы были имена, которые способствовали укреплению этих связей. В частности, поэт говорил о Машрабе и Фуркате. Оценки А. Арипова были потрясающе интересными, его речь была яркой, образной, он оперировал фактами, читал наизусть стихи Фурката.

...В общем, защита моей диссертации прошла успешно. Ожидаемых мною «черных шаров» не было.

* * *

Как-то раз накануне его шестидесятилетия мы сидели с Абдуллой ака в его кабинете. Вышел в свет его четырехтомник, включающий практически все созданное им. И Абдулла Арипов, чье творчество давно по достоинству оценено и в республике, и за рубежом, искренне, как ребенок, радовался выходу своего четырехтомника. На мой вопрос, чем

объяснить такое юношеское восприятие, он ответил, что все в жизни когда-то заканчивается. Уйдем и мы. А книги останутся, и память об авторе будет жить до тех пор, пока будут жить его книги, пока люди будут их читать.

А. Арипов всегда был гибким, коммуникабельным, современным человеком, тонко разбирающемся во всех жизненных нюансах, конъюнктуре политических решений. Он всегда понимал, что надо делать и, самое главное, как. Как творческая личность он позволял себе некоторые отступления от общепринятых условностей, но масштаб его дарования позволял ему это делать.

Как художника и большого поэта Абдулла Арипова отличает свежесть восприятия жизни. Однажды я принес поэту один авторитетный московский журнал, где была напечатана моя статья, в которой я сравнивал поэзию Абдуллы Арипова и Николая Рубцова. Каково же было мое удивление, когда после внимательного прочтения статьи, он позвонил мне и поблагодарил за публикацию, отметив, что в таком контексте о нем практически никто не писал, и сам факт публикации в таком известном журнале свидетельствует о признании его таланта.

Не скрою, я был польщен его похвалой, в тот момент он разговаривал со мной как с коллегой, как с человеком, который понимает его, понимает его творчество и пишет о нем профессионально.

Он всегда оценивает людей по поступкам, и мне советовал не торопиться с оценками. «Время – вот самый объективный фактор, и нужно уметь видеть события в развитии, а для этого важно научиться разбираться в людях».

* * *

Однажды мы сидели в небольшом кафе на свежем воздухе. В те дни готовился юбилей одного великого узбекского поэта, издание его юбилейной книги. Естественно, что речь зашла о творчестве классика, и Абдулла ака стал выдавать такие потрясающие тонкости его творчества, что я не переставал удивляться, вновь убеждаясь какая у него феноменальная память. Он вспомнил ранние стихи поэта, потом более поздние, стал сравнивать их с творчеством других, более ранних узбекских поэтов, живших в XVII–XVIII вв.

– Ты понимаешь, так может писать только великий поэт. Он был не просто талантлив. Но хорошо знал отечественную литературу и мог по достоинству оценить творчество того или иного поэта, – назидательно произнес А. Арипов.

Я стал возражать и Абдулла Арипов философски заметил, что, если бы он ничего другого не написал, кроме этих двух четверостиший, то и тогда стал бы классиком узбекской литературы. А потом добавил, что этот замечательный поэт был еще и очень хорошим человеком. Немного подумав, добавил: «Он воспитал прекрасных детей, которыми можно по-настоящему гордиться».

Таким трогательным и сентиментальным я его давно не видел. В тот момент он показался мне каким-то особенным, с ясными, лучистыми искренними глазами.

Абдулла ака виновато улыбнулся и через минуту снова стал прежним: живым, эмоциональным, вновь стал декламировать стихи, оживленно о чем-то рассказывать, а мне так хотелось, чтобы он оставался таким, как пять минут назад. Но, увы!

Эта встреча почему-то очень запомнилась мне. Поэт поразил меня искренностью и проникновенностью, подобно его стихам, написанным в молодости.

...Много встреч и бесед было у меня с Абдуллой Ариповым. Убежден, в будущем их будет еще больше. Когда я с ним встречаюсь, на ум мне часто приходят строчки из стихотворения уйгурского поэта Учкуна «Спор о мудреце», как заповедь всем нам и будущим поколениям:

**Что сотрясать кладбищенский гранит?
Вы мудрецов живущих берегите!**

переводы

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Рассказ

(Перевод с узбекского Ойгуль Батировой¹)

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, печаль минувших дней
В моей душе – чем старше, тем сильнее.*

А. С. Пушкин

Всякий раз, когда я вспоминаю эти далекие события, меня охватывает грусть, хочется возвратиться в те дни, увидеть дорогие, милые лица моих друзей, глядя им в глаза говорить, говорить с ними бесконечно... Но, увы, это невозможно. И эта безысходность приводит меня в отчаяние. Прошло ни много ни мало сорок пять лет – срок, равный возрасту зрелого мужчины.

Я пытаюсь отрешиться от былого, забыть, не думать о давних событиях, вычеркнуть их из памяти. Но нет, всё напрасно. Как бы я ни старался – их невозможно забыть, эти сладостные и мучительные для меня дни. Поэтому я взялся за перо и решил поведать вам эту историю.

* * *

С Соней я познакомился весной 1969 г. Я учился тогда на четвёртом курсе Политехнического института. Жили мы в студенческом городке в общежитии, четыре парня в одной комнате: два Кадама (Бабджанов и Матчанов), я и парень-туркмен Яйлан из Чарджоу. Яйлан уже отслужил в армии, поработал на заводе и по направлению завода поступил в институт. Он был намного старше нас и держался несколько обособленно – постоянно был занят, много занимался. Мы с обоими Кадамами были неразлучны. Я даже старался подражать их хорезмскому говору. Иногда шутил, что и я родом из Хорезма. Ребята верили – начинались расспросы: из каких мест – из Ургенча, из Шавата? Расспрашивали о своих знакомых, называли имена, уточняли детали. Я в конце концов оказывался припёртым к стенке, не выдерживал и признавался, что я из Самарканда.

За четыре года, прожитых в одной комнате, мы сроднились, стали как братья, знали всё друг о друге, о наших семьях. В свободное время ходили вместе в кино, гуляли по городу. В тот год весна выдалась на редкость дождливой и унылой, настроение тоже было соответствующим. Мы с нетерпением ждали погожих солнечных дней, но небо было мрачным, темные тучи вновь и вновь исторгали свои прохладные слезы.

¹ Родилась в 1985 г., окончила переводческий факультет УзГУМЯ. Живет в Ташкенте.

Нарзулло БАТИРОВ

Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил Ташкентский политехнический институт и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Шарк Юлдузи», «Звезда Востока», «Гулхан», «Ешлик».

В то время я основательно увлекался боксом и достиг кое-каких успехов, став кандидатом в мастера спорта. В связи с возросшей учебной нагрузкой на четвертом курсе я реже стал ходить на тренировки, хотя мой тренер Борис Андреевич готовил команду к соревнованиям на первенство спортивного общества «Буревестник», куда должны были съехаться студенты-боксеры со всей страны. Я решил, чтобы быть в хорошей спортивной форме, достаточно одного месяца упорных тренировок, и отложил спортзал до «после сессии».

Решив освежить спортивную форму, направился в бытовую комнату, чтобы постирать ее. Вошедший Кадам Бабаджанов предложил:

– Пойдем на новый индийский фильм. Когда начнешь тренировки, уже не останется времени на кино.

Наспех постирав и пригласив второго Кадама, мы отправились в кино. В панорамном кинотеатре проходил фестиваль индийских фильмов, и сегодняшний фильм был одним из лучших. Небо по-прежнему было затянуто облаками, воздух был свеж и приятен, нежные листья молодых ив, растущих перед кинотеатром, как слезы, роняли капли только что утихшего дождя. Стены кинотеатра были увешаны большими рекламными плакатами с кадрами из фильмов. Яркие афиши удивительно украшали этот пасмурный день. Толпы юношей и девушек, выходящих в болоньевых плащах из кинотеатра, оживленно обсуждали только что увиденное. Кадам, глядя на проходящих мимо нас девушек, воодушевленно восклицал:

– Ах, ах! Какие красавицы!

– Неужели действительно такие красивые? – удивлялся я.

– Красавицы! – повторял Кадам.

– Если такие красавицы, попробуй познакомиться. Слабо? – не унимался я.

– Придет время, не спеши, – отвечал он.

Хоть мы и учились на четвертом курсе, девушек ни у одного из нас не было. Когда-то, еще в детстве, мне нравилась соседская девчонка Севара. При встрече с ней мне становилось почему-то весело, хотелось пошалить, подергать её за косички, а она начинала плакать. Её мать грозилась рассказать все моим родителям, обещала мне хорошую взбучку, но при встрече с моей мамой ни о чем не рассказывала. Я же, убедившись, что мать Севары говорит не обо мне, повстречав соседку, снова дёргал её за косички и убегал прочь. А когда мы подросли и пошли в школу, я помогал ей делать уроки, в жаркие летние вечера мы дружно носили воду из арыка для полива дворов. После окончания школы мы оба поступили в институты: она в Самарканде, а я в Ташкенте, некоторое время переписывались, потом все как-то прервалось. Но часто я с симпатией вспоминал Севару, иногда испытывал непонятное мне самому загадочное нежное чувство и некоторое беспокойство. Видимо, последнее было связано с её отцом, который, как мне представлялось, недолюбливал меня, предпочитая сыновей более состоятельных родителей. Я все ждал и надеялся, что наконец встретится единственная желанная суженая.

Из кинотеатра навстречу нам вышли три девушки. Одна из них в зелёном плаще, с белым шарфом и поднятым воротником, другая небольшого роста, а третья высокая со светлыми волосами. Девушки красивые, ладные.

Старший Кадам не удержался:

– Хорошенькие девушки, надо заговорить с ними, может, сможем познакомиться!

Младший Кадам, глядя в сторону девушек, вполголоса затянул куплет из репертуара Камильджона Атаниязова, правда, на свой лад – вместо «двух пери» у него их стало три по количеству идущих девушек:

– Вижу идут три пери Салана, Салана...

Тогда и я, повинувшись неведомой внутренней силе, выпалил:

– Если сможем познакомиться, то та, в зелёном плаще с белым платком – моя!

– Выбрал самую красивую. Ну, ты и глазастый!

Девушки приближались. Младший Кадам, только что напевавший песню отчаянно влюблённого враз стал кротким и, обращаясь к нам, предупредил:

– Ребята, прошу вас быть повежливей с девушками. Это мои землячки, я что-то и не узнал их сразу.

Увидев Кадама, девушки улыбаясь подошли к нам, поздоровались.

Младший Кадам, у которого при виде девушек не осталось и следа от прежней уверенности и напористости, с несвойственной ему суетливостью стал знакомить нас с девушками. Девушку в зеленом плаще, с белым шарфом на шее он представил:

– Соня, – и, указывая ей на меня, сказал: – Камол.

Я слегка поклонился, растерявшись и не находя слов. Соня, глядя на меня, улыбнулась и склонила голову. Других девушек звали Зайнаб и Кундуз. Девушки, оказывается, уже купили билеты на следующий сеанс, до начала которого еще было время прогуляться, подышать чистым весенним воздухом. Предстоящий фильм назывался «Тасвир» («Портрет»). Мы упростили кассира продать нам билеты на тот же ряд – благо, там были свободные места. Кадам предложил до начала сеанса полакомиться мороженым. За столом он намеренно посадил меня рядом с Соней. Я смущался, не зная о чём говорить с незнакомой девушкой. Оба Кадама оживленно беседовали со своими землячками. Я же сидел, как истукан. Из разговора я понял, что девушки учатся в институте иностранных языков, но на каком факультете?

– А на каком факультете вы учитесь?

– На факультете французского языка и литературы, – ответила она.

Беседа опять застопорилась, я снова онемел. Соня, ожидая продолжения разговора и не дождавшись, включилась в разговор с обоими Кадамами. Я же, не придумав ничего другого, спросил у неё:

– А вы говорите по-французски?

– Немного. А вы?

– В школе мы изучали английский, французского совсем не знаю.

– И я в школе изучала английский, но мне больше нравится французский, очень красивый язык, поэтому я решила изучать его.

– У меня, наверное, нет способностей к языкам.

– Где вы учитесь? – с интересом спросила она.

– В политехническом.

– Наверное, будете строителем? Мой отец тоже строитель.

– Нет. Я учусь на механическом факультете.

– Тогда вы, значит, будете машиностроителем.

Я пришел в восторг от её познаний: она хоть и училась в гуманитарном вузе, вполне понимала, каких специалистов готовит наш институт.

– А откуда вы знаете, что факультет механики готовит машиностроителей? – с удивлением спросил я.

– Я читала книгу про французского инженера Сади Карно. Он окончил Парижскую политехническую школу. По профессии механик-машиностроитель. Поэтому я и решила, что механики – это машиностроители, – улыбнувшись, сказала Соня. – Или я ошибаюсь?

У меня что-то противно заныло внутри. Во-первых, долго объяснять ей, что не все механики – машиностроители, из-за волнения я вряд ли смогу это сделать, во-вторых, хоть я и был студентом четвертого курса политехнического института, я не знал, что Сади Карно был механиком-машиностроителем.

– Какая умничка! – воскликнул я. – Будучи механиком, я не знаю того, что знаете вы. По термодинамике мы изучаем теорему Карно, и я думал, что Карно – это физик. О том, что он был механиком, я и не ведал. А вы знаете!

– Изучая язык, приходится читать книги на французском. Как-то мне в руки попала книга французского военного инженера Сади Карно. Его печальная судьба произвела на меня неизгладимое впечатление. С тех пор я интересуюсь его биографией. При поступлении в институт я писала сочинение на свободную тему про Карно и его жизнь.

Зайнаб, прислушавшись, заметила:

– Наша Соня круглая отличница. Школу окончила с медалью, при поступлении в институт все экзамены сдала на «5», учится в спецгруппе.

Соня смущённо покосилась на подругу. Моё уважение к Соне возросло. Я попросил её рассказать о Карно. Она поведала, что Карно родился в знатной французской семье, его отец был военным, государственным деятелем. После окончания Парижской политехнической школы молодой Николо по собственному желанию отправился военным инженером

на фронт, участвовал в сражениях в составе армии Наполеона. Соня говорила о трудах Карно, о его ранней смерти. Было видно, что она волнуется, мне подумалось, что не мешало бы почитать про этого человека.

Во время сеанса мы сидели рядом. Фильм был интересным и трогательным. После окончания, когда зажегся свет, я увидел покрасневшие глаза Сони.

– Наплакалась вдоволь, – тихо сказала она. Видимо, смущаясь, она чуть приотстала от нашей группы. Вновь начался дождь. Мы заторопились к трамвайной остановке. Не удалось поговорить до самого студгородка. Дождь лил как из ведра. Выходя из трамвая, Соня поскользнулась и присела на колени. Я помог ей подняться, стыдясь, что не догадался при выходе подать ей руку. Взявшись за руки, мы бежали от трамвайной остановки до самого дворца Спорта. Пока добрались до общежития, ни одной сухой нитки не осталось. Прошлась, Соня сказала:

– Вы промокли насквозь!..

– Ничего, ерунда. Главное, чтобы вы не простудились, – ответил я.

* * *

Прошла неделя. Я добросовестно тренировался. За четыре предыдущих бестренировочных месяца набрал в весе. Теперь предстояло сбросить лишние 10 кг. Это было нелегко. Каждое утро я пробегал по 10–12 км, после занятий в институте бежал в спортзал.

Сейчас я до самого вечера был занят только учебой и тренировками. Обессилевший, кое-как плёлся к автобусной остановке и добирался до студенческого городка. Проходя мимо корпуса, где жила Соня, я всякий раз собирался навестить ее. Студенты института иностранных языков жили рядом с нашим общежитием. Комната Сони на втором этаже окнами выходила на улицу. Во дворе у корпуса был цветник с красивыми алыми розами. Однажды, перепрыгнув через ограждение, я быстро сорвал три цветка, и вдруг, услышал окрик вахтера:

– Если всякий будет безнаказанно рвать цветы, эти места превратятся в безжизненную пустыню.

Я хотел было сунуть ему денег, но он их не взял и, предупредив, чтоб такое не повторялось, ушел к себе. «Теперь-то уж он точно не пропустит меня в общежитие», – подумал я. Но ошибся, вахтер лишь спросил в какую комнату я иду, и добавил при этом:

– Когда идешь к девушке, цветы следует покупать на базаре. Ладно, проходи. Только долго не задерживайся.

Волнуясь, я осторожно постучал в дверь. В одной руке сумка, в другой цветы. Дверь открыла удивленная Соня.

– Это вы, Камол?

– Привет, – робко сказал. – Вот проходил мимо и решил зайти к вам.

– Проходите, проходите в комнату, – сказала она.

Я неловко протянул ей цветы:

– Это вам.

Улыбнувшись, она заметила:

– Сегодня у меня не день рождения, – но, кажется, поняла, что допустила бестактность, взяла из моих рук цветы, приглашая пройти. В уютной, чистой комнате стояли четыре кровати. На стенах висели вырезанные из журналов красивые снимки, фотографии, над кроватями – маленькие коврики. Соня поставила мои розы в вазу, заметив мою перевязанную платком руку спросила:

– Что это у вас с рукой?

– Да, чем-то поцарапал, – ответил я.

– Давайте я перебинтую.

Там, в цветнике, поранив руку о шипы розы, я не успел вытащить колючку из ранки, услышав крики вахтера, и просто наспех обвязал руку платочком. Колючка причиняла жгучую боль, поэтому я охотно согласился, чтобы Соня перевязала ранку.

Зайнаб достала из шкафа аптечку. Соня осторожно и умело извлекла занозу из пальца.

– Ого, какая большая, – удивилась Зайнаб.

Обработав ранку йодом, Соня аккуратно перевязала палец бинтом. Зайнаб с хитрой улыбкой не преминула сказать, что такая сноровка у Сони по медицинской части оттого, что у них в институте есть медицинские курсы. Затем переключились на обсуждение фильма, который мы смотрели вместе на прошлой неделе. Зайнаб заварила чай. Девушки угостили меня, Соня прочитала несколько строк из стихотворений Зайнаб. Я тоже со школьной скамьи любил поэзию и немного писал. Рассказывая об этом, я вспомнил стихи одного поэта, которые вычитал в какой-то газете. Глядя на Союю я начал декламировать, стараясь понравиться девушке:

*Тебе твердят: – Остановись, постой,
О, сколько ещё можно в каждой строчке
Так восторгаться женской красотой?!
А ты в ответ: – Будет последней точкой
Та родинка красавицы восточной,
А её локон – лишь изяшной запятой¹.*

Соня покраснела. Спустя мгновение заметила:

– Вы настоящий поэт!

Мне захотелось немного прихвастнуть:

– Ну, разве чуть-чуть.

– У вас здорово получается. Совсем по-настоящему, – сказала она.

Мне стало неловко, и я засобирался.

– Какие у вас есть ещё стихи? Почитайте нам, – попросила Соня.

– У меня нет хороших стихов. Если хотите, почитаю чужие.

– Почитайте, я люблю стихи, – сказала она.

Глядя в глаза Сони, я начал читать стихотворение:

*Как по канату, человек идет,
И так за шагом шаг, за годом год.
Веревки лишней нет, чтоб обойти
Препятствия, что встретятся в пути.*

*Над пропастью любой готов шагать,
Чтоб взор любимой повстречать опять.
Но двинуться, увы, не в силах я,
Ужель остановилась жизнь моя?*

– Кому вы посвятили их? – спросила Соня.

– Это не я, известный поэт написал.

– Прекрасные стихи!

– Ну, я пошёл, – сказал я, вставая, – что-то очень устал: сегодня много тренировался.

– А каким видом спорта вы занимаетесь? – спросила Соня.

– Боксом.

– Значит, вы драчун?

– Нет, я не люблю драться.

Глядя на Союю, я улынулся. Девушки проводили меня до выхода из общежития.

* * *

Наш тренер Борис Андреевич направил письмо в деканат с просьбой освободить нас от занятий в институте на время подготовки к соревнованиям. Я вручил письмо замдекана нашего факультета Вере Азорьевне. Прочитав его, она полушутя, полусерьезно заметила:

– Послушайте, ребята, кем вы хотите стать? Инженерами или спортсменами? Почему

¹ Перевод стихотворений Р. Фархади. Член СП Узбекистана, главный редактор детского экологического журнала «Родничок».

вы не поступали в институт физкультуры? Опять мне придется хлопотать о вас, – но, увидев, как я растерялся, она хлопнула меня по плечу: – Ладно, не обижайся, я пошутила. Но без первого места не возвращайся, а то ни зачетов, ни отметок не получишь, будешь вечным «должником»!..

Выйдя из деканата, я направился к «Пахтакору», мы тренировались в спортзале стадиона, иногда на Кибрайской или в Чимионской спортивных базах. Тренировались усиленно. После, выйдя из тренировки, пообедал в «Диетической столовой» и отправился в сквер.

На деревьях распускались изумрудные листочки, после дождя особенно свежие и блестящие, – всё вокруг ласкало глаз. Народ толпился у лотков с мороженым. Молодежь, дети и их родители сидели за столиками: ели мороженое, пили лимонад. Мне тоже захотелось выпить лимонада. Я сел за крайний столик. За соседним столом сидели муж с женой и детьми – мальчиком и девочкой. Девочка капризничала – строгая мама не разрешила есть мороженое. Глядя на них, я немножко завидовал. Какая дружная семья! Красивый молодой мужчина, красивая молодая женщина. Двое маленьких детей. Вот бы и мне так! Интересно, кто же будет матерью моих детей? Соня? Но выйдет ли она за меня? Она из Ургенча, а я из какого-то кишлака в Самаркандской области. Из Пайшанба. Многие даже и не слышали о нем. Нет, это напрасные мечты. Я попытался прогнать эти мрачные мысли и снова глянул на соседний стол. Девочка продолжала капризничать, и я решил вмешаться:

– Если ты откажешься от мороженого, я дам тебе шоколадку.

Увидев в моей руке шоколадку, девочка обрадовалась. Родители стали возражать, отказываться, но я настойчиво вручил шоколадку девочке. Малышка несказанно обрадовалась.

Я встал, собираясь уходить, отец девочки поблагодарил меня, а я с грустью подумал: «Жаль, что у меня нет таких деток», – и снова вспомнил Соню. Проходя по скверу, я решил купить красные розы и навестить ее. Я никому до этого времени не покупал цветы, цена, названная цветочницей, показалась мне баснословной.

– Почему так дорого? – спросил я.

– Сегодня праздник. Потому и дорого. Но посмотрите, какие красивые розы! Это только вам я так продаю. Берите, берите, ваша девушка будет очень довольна.

Цветы действительно были хороши и ароматны. На лепестках роз блестели капли росы. В последующие годы я, конечно, покупал цветы по разным поводам, но их аромат был несравним с ароматом роз того букета, который я купил на Сквере. Я добрался до студенческого городка и зашел в общежитие к девушкам. На проходной сидел уже знакомый вахтер:

– Сегодня цветы тоже из цветника?

– Нет, честно куплены, – сказал я и показал букет.

– Заходите, не стесняйтесь. Хороший гость всегда приходит к застолью, – пригласила Зайнаб, а потом обратилась к Соне: – Ну, что ты стоишь! Возьми букет из рук гостя.

Я протянул Соне цветы. На подоконнике увидел те, что принес ей в прошлый раз.

– Хоть цветы и завяли, Соня не выбросила их, теперь вот заменит на свежие, – заметила Зайнаб, приглашая отведать праздничного плова.

Один среди девушек я смущался и съел совсем немного, сожалел, что такой вкусный плов остается не съеденным. Поболтав о том о сем, я собрался уходить. Зайнаб начала подшучивать надо мной:

– Камол, что же вы носите в такой большой сумке? И в прошлый раз вы приходили с ней, и сегодня, в праздничный день, тоже с ней?!

– Ну, какое тебе дело? – одернула ее Соня.

Но Зайнаб не унималась:

– А я думаю, может, там для нас праздничный подарок, Камол, видимо, забыл отдать его нам.

Я пожалел, что не догадался купить девушкам торт.

– Он ведь пришел с цветами, разве это не подарок? – вступилась Соня.

– Но цветы ведь для тебя, – возразила Зайнаб.

– Почему это для меня? Для всех, разве не так, Камол?

– Так, так, для всех, – быстро согласился я.

Потев от смущения, я мечтал быстрее покинуть комнату. Поблагодарив девушек и

пообещав в ближайшее время пригласить их к себе в гости, я с облегчением вышел.

Следом за мной из комнаты вышла Соня.

– Если у вас есть время, может быть, прогуляемся немного? Воздух после дождя такой чистый и свежий, – предложил я во дворе общежития.

Соня сказала, что у нее много дел, но все же некоторое время посидела со мной на скамейке. Потом решила немного проводить меня. Хотя уже смеркалось, вокруг общежития было светлым-светло от электрических лампочек на столбах и света, падающего из окон ярко освещенных комнат. Неспеша мы шли по двору общежития. Позади я заметил двух парней, поравнявшись с нами, один из них сказал:

– Соня, можно вас на минутку? На пару слов!

Соня остановилась, поздоровалась, я тоже поприветствовал парней, считая, что это знакомые Сони. Вероятно, у них какое-то дело к ней – я отошёл на несколько шагов в сторону и стал ждать. Тот, что заговорил, остался рядом с Соней, а второй подошёл ко мне и попросил сигарету. Я ответил, что не курю. Тогда он достал из своего кармана сигареты, закурил и протянул мне. Я отказался.

– Я вас не знаю. Зачем вы пристаёте ко мне? Ставите меня в неловкое положение перед преподавателями, однокурсниками! – послышался голос Сони.

Парень что-то угрожающе ответил ей.

– Уберите прочь руки!

До меня дошло, что это вовсе не знакомые Сони. Я рванулся к ней, но стоявший рядом схватил меня за локоть.

– Куда? Не лезь! Стой здесь! – угрожающе зашипел он.

Я резко отбросил его руку и поспешил к Соне, он подбежал сзади, собираясь ударить меня по голове. Я уклонился, но увернуться от удара не успел. Удар пришёлся чуть выше правой брови. Электрические столбы вдруг закружились, в глазах потемнело. Я присел. Не знаю, как долго это длилось, но вдруг услышал:

– Бей ногой в голову! Сильней! Чтоб не встал!

Я с трудом открыл глаза и, не вставая, резко откинулся назад, в арык у цветника. Замах ногой был такой силы, что, не попав в меня, парень потерял равновесие и упал. Я окончательно пришёл в себя и быстро поднялся. Он вскочил на ноги и рванулся ко мне. Я нанёс ему резкий удар прямо в солнечное сплетение. Он «ахнул» и, скрючившись, опустился на землю. Убедившись, что он вырубился, я кинулся ко второму парню, угрожающему Соне. Увидев, что я приближаюсь, он отпустил Сонины руки и двинулся на меня, будто хотел растерзать. Я нанёс ему несколько ударов ногой в живот, грудь. От ярости меня трясло.

– Перестаньте! Хватит! Всё! Вы его убьёте! – подбежав ко мне и обхватив руками, оттащивала меня Соня.

Я дрожал от обиды и злости. Услышав шум, обитатели двора, открыв окна и глядя на нас, подняли крики:

– Ой, убили! Двоих убили! Смотрите, они лежат на земле без движения!

– Ножом зарезал! У него в руках нож!

Я чувствовал, как по лбу стекает что-то липкое. Рубашка тоже была в крови. К этому времени из общежития выбежали ребята и вахтер. Увидев меня, он заорал:

– Опять ты! Действительно, ты хулиган! Я это сразу понял, когда ты цветник разорил. Зря я тебя в общежитие к девушкам пропустил.

Один из лежащих на земле поднялся, второму помогли ребята. Кто-то советовал сообщить в милицию, кто-то требовал вызвать скорую.

Вахтер, указывая на меня, распорядился:

– Этого задержите. Будьте осторожны, у него нож! Видите он весь в крови!

Подойдя, вахтер осмотрел мой окровавленный лоб:

– Вах, так это тебе разбили голову! Значит, это они тебя били?

Я промолчал.

– Не уходите, сейчас приедет милиция, – сказал сторож.

– Я учусь, куда я сбегу?

Испуганная Соня стояла рядом, не зная, что делать. Кровь продолжала сочиться. Мы с

Соней поднялись в мою комнату, где сидели оба Кадама и их гости-земляки. Увидев меня, старший Кадам вскочил:

– Что случилось? Кто избил тебя? Где? Здесь в городке?! Пошли! Сейчас разберемся! Кто?

– Успокойся, не надо. Всё нормально, – ответил я, останавливая его.

Соня вкратце рассказала о происшествии. Ребята быстро принесли откуда-то аптечку. Соня смазала рану йодом и перебинтовала мне голову. Мой единственный красивый костюм и купленная недавно белая нейлоновая рубашка были безжалостно испорчены – испачканы кровью.

– Жаль, я отдал 22 рубля на Чукурсайском базаре. Теперь, наверное, уже не надеешь, – с сожалением произнёс я.

– Я тебе подарю новую рубашку, – сказал маленький Кадам. – Радуйся, что глаз цел.

Между тем в комнату пришли два дружинника, председатель студсовета Марат Юсупов и капитан милиции. Капитан сразу же начал кричать, но, увидев мою забинтованную голову, притих:

– Ладно, расскажи, что произошло.

Я рассказал о случившемся.

– Чем они ударили тебя по голове? – спросил меня капитан.

– Не знаю. Наверное, чем-то железным. Рукой так не получится, – ответил я.

Капитан вытащил из своей сумки кусок металла:

– Вот чем они тебя ударили, – сказал он, показывая мне какой-то предмет.

– А как вы его нашли? – разглядывал я кастет.

– Когда вахтер сказал, что у тебя разбита голова, я, обследовав место происшествия, нашёл на асфальте кастет. Вот видишь, на нём следы крови! Он выпал, когда порвалась резинка, крепящая его к руке.

То, что показал нам капитан, было тяжелой свинчаткой прямоугольной формы с выступами в виде зубцов. Капитан взял письменные показания у меня и Сони, сказав, что при необходимости вызовет нас в отделение, и все разошлись. Несмотря на боль в голове и слабость, я проводил Соню. У входа в общежитие стоял вахтер:

– Так ты живешь в соседнем общежитии? Молодец, на вид шуплый, а побил двух верзил. Я-то думал, что ты их ножом ударил. Рассказывают, что ты боксёр. Сильно ты их побил. Они, как только услышали, что едет милиция, скрылись.

* * *

Утром, подойдя к зеркалу, я обнаружил над правым глазом большую опухоль. Глаз почти заплыл, голова болела. В таком состоянии я, конечно, не смогу тренироваться, необходимо предупредить тренера. К десяти часам я пришёл в спортзал. Увидев меня, Борис Андреевич вынес своё заключение: рана серьезная и принимать участие в соревновании нельзя, необходимо срочно пройти обследование у хирурга и невропатолога.

– Какие вы все безответственные! Вас надо было запирать до соревнований на ключ. Зря я вас оставил в городе. Надо было отправить в Кибрай или на спортбазу в Чимион, – раздражённо сетовал он.

– Голова не болит? Тебя не тошнило?..

– Нет, – ответил я.

– Завтра покажись хирургу. Посмотрим, что он скажет.

Я покинул спортзал в скверном настроении. В весе до 57 кг тренер возлагал на меня и Рината большие надежды. У Зайнулина Рината тоже случилось ЧП – с другом на мотоцикле по пути в Чимган они попали в аварию и сейчас лежат в больнице. Размышляя о случившемся, я не заметил, как добрался до общежития. В комнате никого не было. Время обеденное, а я со вчерашнего вечера ничего не ел. Послышался стук в дверь и девичьи голоса. Открываю – стоят Зайнаб, Соня и Кундуз. В руках у Зайнаб что-то завернутое в скатерть, у Сони такой же сверток. Я очень обрадовался, увидев их, пригласил войти, стыдясь беспорядка в комнате. Соня заторопилась убрать со стола, Зайнаб и Кундуз отправились мыть грязную посуду. Вскоре комната преобразилась – стала чистой и уютной. Зная, как мне понравился их вчерашний плов, девушки решили и сегодня приготовить такой же.

Разложили на столе лепёшки-патыр, зелень и прочее принесенное с собой. После обеда мы долго беседовали. Как всегда самой говорливой была Зайнаб. Соня и Кундуз были застенчивы и сдержаны.

Уходя, девушки забрали мою окровавленную рубашку, настояв, что Соня сама отстирает её. А костюм посоветовали отдать в химчистку. Забыв о своем заплывшем глазе, я вышел проводить их.

– Теперь вы стали мне как родной брат, – заметила Соня.

Мне очень понравились её слова. Как здорово быть братом такой красивой девушки! Тем более, что у меня нет ни братьев, ни сестёр!

– Ну, тогда по рукам. Камол приобрёл сестру, а Соня – брата, – торжественно объявила Зайнаб.

Соня протянула свою руку. Кундуз подтвердила, что и она свидетель того, что мы породнились.

– Отныне и до скончания веков вы – брат и сестра! – объявила Зайнаб. Видя, что я немного ошарашен происходящим, она спросила: – А что, у вас разве нет такого обычая, как побратимство, посестринство?

Когда я учился в школе, я слышал, что в старших классах ребята и девушки заключают такие союзы, и потому ответил:

– Ну да, есть такой обычай.

– Вот видишь, и у них тоже такое есть, – сказала она, обращаясь к Соне. Я был рад, что вот так, неожиданно, у меня появилась сестра, не просто сестра, а сестра-красавица! Но в глубине души меня все-таки что-то не устраивало. Я был немного обижен на Зайнаб. Почему это она так расстаралась, чтоб сделать нас братом и сестрой?..

* * *

Породнившись с Соней таким образом, я стал часто бывать у девушек. Как-то Кадам в шутку спросил:

– Что это с тобой? Ты что-то зачастил в соседнее общежитие. Неужели ты влюбился в Соню?

Я рассказал ему, что мы с Соней стали названными братом и сестрой и скрепили этот союз клятвой при свидетелях.

– Ну, это, конечно, хорошо, но немного странно. Наверное, лучше, если бы вы остались друзьями.

– Не знаю, – сказал я, – не все ли равно?

– Конечно, нет!

Снова начались тренировки. Хирург, обследовав меня, заключил, что травмы не столь серьёзные, однако до окончательного заживления следует остерегаться ударов. Чтобы не повредить рану, я тренировался в шлеме. Соревнования начались не 15-го, как планировалось, а 25-го мая. Рана затянулась, но Борис Андреевич предупредил, что следует беречь голову.

В воскресенье все участники соревнований собрались в спортзале стадиона «Пахтакор»: боксёры из Самарканда – ученики знаменитого в прошлом боксёра Панарина, Новосибирска, Москвы, Ленинабада, Киева, Ташкента и пр. Я лично знал многих из них. С Сашей Савельевым мы познакомились в прошлом году на соревнованиях в Запорожье. Здесь же я встретил своего соперника по полуфинальному бою в Запорожье студента Киевского университета Богданова Олега. Увидев меня, он поднял руку для приветствия. В прошлом году в Запорожье я проиграл ему бой.

– Ну что, опять будем с тобой биться? – подошел Олег.

– А ты в том же, до 57 кг, выступаешь? – спросил я.

– Нет до 60 кг. Если бы я выступал в твоём весе, я бы тебе показал, где раки зимуют, – пошутил он.

Подошёл Саша, взглянув на мой лоб спросил:

– Где ты получил такую отметину? На ринге? Береги голову!

– Если встретимся на ринге, я думаю, ты пошадишь меня, – заметил я.

– Я-то да, но вот другие точно будут метить именно в голову.

Сзади кто-то обнял меня. Поворачиваюсь – стоит Муртазо из Самарканда:
– Друг мой, здравствуй! Где пропадаешь? Почему забыл дорогу в Самарканд?
– Значит, не приглашаете!

– После соревнований обязательно приезжай. Поедем в Омонкутан, отдохнём.

По жребию мне выпало выйти на ринг со студентом Ленинабадского педагогического института Сафо Тохирзода из Таджикистана. Кандидат в мастера спорта, натренированный, атлетического телосложения спортсмен. Гладко выбритая сияющая голова, тонкие усики придавали его внешности солидный вид грозного и решительного римского гладиатора.

Начался первый раунд. Сафо стремительно бросился в бой, нанося сильные удары. У меня в голове одна мысль – защитить правую сторону головы, не пропустить удар. Весь первый раунд я провел в защите.

Во втором раунде Сафо, забыв о защите, решил быстрее покончить со мной. Я умело защищался. Однако один из сильных ударов Сафо попал мне в левый глаз. Голова закружилась. Нокдаун. Судья открывает счёт. Один, два... девять. Я оправился. Снова команда: «Бокс». Воодушевленный успехом, Сафо перешел в нападение. Лицо его открыто, он нанес мне сильный удар правой рукой, но я успел отскочить. Не попав в меня, он по инерции движется вперед. Голова и руки опущены. Для контратаки этот момент был наилучшим. Я быстро сделал шаг вперёд и нанёс ему сильный удар левой рукой в голову, затем, сделав шаг вправо, правой рукой еще раз резко нанес боковой удар. Сафо распостерся на ринге. Нокаут.

Уже выходя из зала, я взглянул в зеркало возле двери. Под моим левым глазом красовался большой синяк. Следующим моим соперником был Александр Савельев. В первый день соревнований он с явным преимуществом одолел мастера спорта из Москвы Петра Осипова. Начался наш бой. Зная друг друга, мы не стремились наносить слишком сильные удары. В основном старались показать техническое мастерство. В ходе боя я чувствовал, что Саша шадит меня: ни разу не нанёс удара по голове. Закончился раунд. Я не чувствовал усталости, был полон сил, снова рвался в бой. Бой завершён. Рефери поднял мою руку. «Наверное, Саша обиделся», – подумал я. Но он по-мужски, улыбаясь, протянул мне руку. Я обнял его и сказал:

– Прости!

Когда мы выходили из зала, он спросил:

– А за что ты просил прощения?

– Ты вёл бой вполсилы, шадя меня, и мог без труда победить.

– Не болтай чепухи, ты провёл красивый бой. Сильно прибавил в технике.

Мы с ним пообедали, потом сходили в кино. Оставив его в гостинице, я вернулся в студгородок и решил сходить к Соне. С июня начинаются экзамены, потом производственная практика в России, на Алтайском тракторном заводе. С Соней я не увижусь целых три месяца. Размышляя об этом, я направился к общежитию. На проходной сидел всё тот же вахтер. Увидев меня, он спросил:

– Почему у тебя опять синяк под глазом? Никак не угомонишься?

Я объяснил, что получил его на ринге.

– Проиграл? Глаз-то твой подбит!

Я ответил ему, что пока выигрываю все поединки.

– Неужели правда? Ты не шутишь?.. В тот день, когда ты распластал тех двух верзил, я понял, что ты отличный боксёр. Мой младший сын тоже хочет стать боксёром. Ты не сможешь обучить его? Он такой же худощавый, как и ты.

– Хорошо. Приводите. Я познакомлю его с моим тренером.

Я поднялся к девушкам, дверь открыла обрадованная Соня, но тут же огорчилась, увидев подбитый глаз. Я объяснил, что это обычное явление для боксёров.

– С чем вас поздравить? Соня прямо извелась в ожидании новостей, – воскликнула Зайнаб. Я взглянул на Соню.

– Зайнаб, наверное, свихнулась. Придумывает всякое, – смутилась Соня.

– А разве не ты молилась, чтобы Камол победил на соревнованиях? Зачем скрываешь? Соня, покраснела.

– Мы ваши болельщики, – заявила Кундуз, – все мы молились за вас.

– До сегодняшнего дня все ваши молитвы были приняты свыше. Я победил в двух боях. Что будет завтра – не знаю, – сказал я.

– Ура-а! – закричала Зайнаб, хлопая в ладоши. – Вот видите, это я больше всех просила Бога!

Только теперь я понимаю, что эти дни были самыми счастливыми в моей жизни. Улыбающаяся Соня, радостные рукоплескания Зайнаб и Кундуз...

* * *

На третий день соревнований я вышел на ринг против Анатолия Степанова, студента Новосибирского университета. Он был старше меня на два года и ростом повыше. Боксом занимался более 10 лет. Мастер спорта. Борис Андреевич даёт мне последние наставления: противник силен и опытен, будь очень осмотрителен в бою, но не теряя активности, не забывай о защите головы. Первый раунд прошёл хорошо. Анатолий вел бой на дистанции, я старался наносить удары левой рукой, а правую руку использовать для защиты головы. Анатолий часто атаковал. Его удар правой рукой я отбил левой и в прыжке нанёс ему удар в голову правой рукой, которая у меня была в защите. Удар вышел сильным и точным. Анатолий повис на канатах. Нокдаун. Рефери отсчитал до «9» и предложил продолжить бой, но прозвучал гонг.

Начался второй раунд. В этом раунде Анатолий был более осторожен, больше внимания уделяя защите и беспрестанно атаковал. Парируя его удары левой рукой, я нанёс ему боевой удар в голову правой. Удар вышел хорошим. Анатолий на миг замер в замешательстве, потом быстро отскочил назад. Гонг! Закончился второй раунд.

Прозвучал гонг, возвещая о начале третьего, последнего раунда. Мой соперник начал этот раунд в очень высоком темпе. Он знал, что уступил мне в двух предыдущих. Сейчас во что бы то ни стало ему необходимо было выиграть. Нанося легкие удары, я быстро отхожу назад, кружа по рингу. Анатолий же старается нанести удар в голову, почувствовав моё слабое место. Отступая, я тянул время. Соперник перешёл в атаку, стал прижимать меня в угол ринга и левой рукой нанёс мне сильный удар в голову, выше правого глаза. Я отскочил назад. Что-то тёплое стало растекаться по лицу. Соперник добился своего. Рефери немедленно остановил бой и вызвал врача. Обследовав рану, тот заключил: бой продолжать нельзя. Мне был объявлен технический нокаут, и рефери поднял руку Степанова. Когда мы пожимали друг другу руки, Анатолий сказал:

– Не обижайся. Это бокс. Ты провёл отличный бой. Замечательный!

Проиграв бой в полуфинале, я снова не выполнил норматив мастера спорта. Борис Андреевич сильно огорчился, но успокаивал меня:

– Ты хорошо бился. Ладно, на этот раз не повезло. Не расстраивайся! Бой ты провёл отлично. Чувствовался твой явный перевес.

Вернувшись в общежитие, в комнате я застал обоих Кадамов. Глядя на мою голову, Кадам спросил:

– Ну, как успехи?

– Из-за открывшейся раны на голове я получил технический нокаут.

– А соперник был сильный? – спросил маленький Кадам.

– Да. Хороший парень из Новосибирска.

– Значит, ты выбыл из соревнований?

– Да. Проигравший выбывает. Видимо, молитвы девушек сегодня не были услышаны свыше, – добавил я.

– Не понял. Что ты этим хочешь сказать? – удивился большой Кадам.

Я рассказал о вчерашнем разговоре с девушками. Оба Кадама дружно рассмеялись.

– Пошли к ним. Скажем, что их молитвы не помогли, видно плохо просили Всевышнего, – предложил маленький Кадам.

– Сейчас Камолу нужен лишь повод. Предложишь пойти к девушкам – сразу оживится, – пошутил большой Кадам.

– Да не-ет, куда сегодня я не пойду, – сказал я и, растянувшись на кровати, быстро уснул. Сказалась усталость от напряжённых тренировок – я проспал ровно двенадцать

часов. Утром, решив попить чаю, обнаружил, что кончилась заварка. Пошёл в магазин. Проходя мимо общежития девушек, глянул на их окна. Никого не было видно. Видимо, ещё спят. Я заварил и с удовольствием попил сладкого чаю. Сейчас я несколько не сожалел о вчерашнем проигрыше.

* * *

С середины апреля до конца мая я не был в институте. В карманах – пусто. У приятеля Ромы то же самое. На наше счастье, касса в бухгалтерии института была открыта. Получили стипендию сразу за 2 месяца – каждому по 80 рублей. У меня оставались ещё не использованные талоны на бесплатное питание, поменяли их на деньги. Теперь в кармане у меня было 101 руб., у Ромки – 80 руб. Мы неожиданно превратились в достаточно состоятельных людей.

– Давай пригласим ребят в какой-нибудь ресторан, – памятуя прошлогодний банкет в Запорожье, предложил Ромка. – Расходы разделим пополам.

Мы помчались в спортзал. Выступали боксёры тяжёлого веса.

– Кого же пригласить?

Я назвал киевлян Олега Богданова и победившего меня Анатолия Степанова. Среди приглашённых были и самаркандцы: Саша Савельев и Муртазо. После окончания соревнований состоялась официальная церемония закрытия. Победителям вручили подарки, кубки. Спортивное общество организовало для гостей приём в каком-то ресторане, и большинство участников пошли туда. А мы шестеро отправились в ресторан «Дустлик» на сквере. Заняли столик.

– Что будем пить? Шампанское? – спросил я.

Сидящие ответили отказом.

– Значит, мы не будем пить? – искренне удивился я.

– Будем, но только не шампанское, а водку и коньяк! – сказал Саша.

– Верно говоришь, – обрадовался я. – Будем пить водку и коньяк!

Муртазо рассказывал о замечательном самаркандском коньяке, что качеством выше армянского. Я заказал официанту коньяк «Самарканд». Ребята оценили. После вечеринки мы усадили их в такси и отправили в гостиницу, а сами с Ромкой вернулись в городок. Проходя мимо корпуса Сони, я показал на ее окно, объявив, что там живет моя сестрёнка.

– Так у тебя же не было сестры, – удивился Рома.

– Теперь есть, – ответил я.

– Ты пьян, поэтому несёшь чепуху. Или ты говоришь о той, в которую влюбился? Из-за которой тебе разбили голову? – спросил Ромка.

– Сейчас я её позову, сам спросишь у неё, – сказал я.

– Зови! – обрадовался Ромка.

Я громко завопил:

– Соня! Соня!

В комнате Сони загорелся свет, открылось окно, и она выглянула.

– Соня, кем вы приходитеесь мне? – прокричал я.

– Я ваша сестра, Камол. Сестра! – слышался голос и смех Сони.

– Слышал? Моя сестра! – сказал я Ромке. – Пока, спокойной ночи! – прокричал я девушкам.

– У тебя оказывается много знакомых девушек. У меня – ни одной. Познакомь меня с какой-нибудь красавицей, – попросил Ромка.

Я объяснил ему, что, кроме девушек этой комнаты, не знаю никого.

– Хитришь, жадничаешь.

Он замолчал. Зашли в комнату. Оба Кадама спали. Ромка уснул, сидя на моей кровати. Я укрыл его одеялом, а сам лёг на кровать Яйлана, которого в тот вечер не было.

* * *

Утром проснулся, ощущая некоторое недомогание, вспомнил вчерашнюю выходку, и стало стыдно. Надо обязательно сходить к девушкам и извиниться. Предложил большому Кадаму составить компанию.

– Чувствую, тебе, ой, как хочется увидеть Соню. Если не увидишь её сегодня, то и еда не пойдёт тебе впрок. Так ведь! – иронизировал Кадам.

Мы поспели к девушкам к завтраку. Зайнаб сразу спросила:

– С чем вас поздравить?

Соня, увидев свежезабинтованную голову на моей голове, забеспокоилась:

– Опять повредили лоб? Зачем нужен этот бокс? Бокс – это самый бессмысленный вид спорта. Разве нельзя было выбрать гимнастику или борьбу? Я ненавижу бокс. Ни за что, ни про что избивают друг друга. Кому нужен такой спорт?

Её откровенное беспокойство о моем здоровье выдавал дрожащий голос.

– Вы победили? – спросила Зайнаб.

Смеясь, я ответил:

– На этот раз ваши пожелания не были услышаны. Видимо, не так усердно вы просили Всевышнего.

– Ну и ладно, ну ее эту победу! – сказала Соня.

– Почему это? – заявила Кундуз. – Не ты ли говорила, что Камол обязательно победит и ждала этого? А теперь вот заявляешь обратное. Камол, она для вас приготовила букет, чтобы поздравить с победой. Вот уже три дня как она ждёт вас. Вчера вечером мы ходили к вам, но в комнате никого не оказалось. Мы вернулись. А когда уже легли спать, вы стали звать Соню. Вы были слегка пьяны? Камол, вы выпиваете?

– А кто сейчас не пьёт! Не так ли, Камол? – вмешалась Зайнаб.

На столе в вазе стоял большой букет. Огромные розы, наверное, стоят очень дорого. «Бедная Соня, сколько денег потратила», – подумал я. Зайнаб, взглянув на Соню, хитро улыбнулась, взяла букет и вручила его мне. В букете была открытка: «Камол, поздравляем вас с победой! Желаем новых больших достижений!» Я покраснел. От волнения выступила испарина. Я не мог вымолвить ни слова. Если ещё вчера я не был сильно огорчён поражением, то сейчас я горько сожалел о нем. Поборов смущение, я сказал:

– Поздравительная открытка мне, но цветы вам, девушки. Разрешите вручить этот букет вам, и это будет справедливо.

Вначале девушки отказывались, но, когда Кадам поддержал меня, согласились принять цветы.

Кадам заговорил с девушками об Ургенче, знакомых. Я обратил внимание на тетрадь, лежавшую на тумбочке. Взял её. Оказалось, это дневник Сони. Соня, увидев его в моих руках, покраснела:

– Камол, пожалуйста, не читайте.

– Нет, нет, я не буду читать, – успокоил её я.

– Может, напишете что-нибудь туда? – предложила Зайнаб.

Я посмотрел на Соню. Она взяла из моих рук тетрадь, открыла чистую страницу и снова передала её мне. Я не знал, что написать, может, какой-нибудь стих? Я кое-что знал наизусть, но сейчас, как ни старался вспомнить – всё вылетело из головы. Наконец вспомнились стихи какого-то поэта. Чуть изменив и немного добавив своего, красивым почерком я записал:

*Соня! Соня! Соня!..
Лист бумаги и на нём карандашом
Вновь и вновь пишу зачем-то ваше имя.
О друзьях забыл, о доме, обо всем, –
Лист бумаги, словно белая пустыня.
И совсем не понимаю что со мной:
Улица безлюдная, ночная.
Как отшельник, я иду по мостовой,
Имя это бесконечно повторяя.
Вдаль смотрите, в звёздный небосвод, –
И, как мне, вам повезет однажды,
Отыщете имя, что спасет
Вас от одиночества и жажды.*

И возвратил тетрадь. Открыв её, она прочитала стихи и покраснела. Такой я её ещё не видел. Зайнаб хотела посмотреть запись, но Соня не дала.

– Камол, что вы написали? Почему Соня так покраснела? Может, что-нибудь неприличное? – пошутила Зайнаб. – А может, вы назвали её курносой?

– Разве вы курносая... – сказал я, глядя на Соню.

Соня не ответила. После небольшой паузы она заметила:

– У вас очень красивый почерк.

Девушки вышли проводить нас. Зайнаб, Кундуз и Кадам вышли раньше, я подождал, пока Соня закроет на ключ дверь. Спускаясь вниз, Соня прошептала:

– Камол, я вас сильно уважаю, но не забывайте, я ваша сестра.

Когда мы вернулись к себе в комнату, Кадам спросил:

– Что ты написал ей в тетрадь?

– Просто стихи.

– Понятно. Наверное, «страдаю – томлюсь» и еще что-нибудь в этом роде? Определенно Соня влюблена в тебя. Иначе она бы так не покраснела.

– Да нет же. Как раз наоборот.

– И ты в неё влюблен. Я догадываюсь.

– Сегодня Соня мне напомнила: «Камол, не забывайте, что я вам сестра».

– Это только слова. И у нее есть к тебе чувства, только она не желает показывать. Ты слеп. Ничего не понимаешь. По-твоему, это она должна броситься к тебе со словами: «Я вас люблю». Так что ли?

Я задумался. Неужели это так?! Ерунда. Тогда зачем она назвалась сестрой? В это время в комнату вошла женщина-вахтёр:

– Вам телеграмма.

– Кому именно? – спросил Кадам.

Женщина прочитала мою фамилию. Моё сердце ёкнуло. В телеграмме сообщалось, что заболел мой отец, и мне нужно срочно приехать домой. Вечером оба Кадама проводили меня на вокзал.

Перебирая в памяти те события, я думаю о том, что в жизни человека – независимо от того, молод ли он или стар – счастье и несчастье, радость и горе всегда идут рядом, рука об руку, но человек никак не может смириться с этим, потому-то и обречён страдать и мучиться...

Приехав домой, я застал отца в тяжёлом состоянии. У него отнялись обе ноги, ниже пояса он ничего не чувствовал. Еще недавно это был совершенно здоровый, высокий, крепкий и всегда бодрый человек.

Мама рассказала, что в начале апреля отец собрался навестить меня в Ташкенте. На городском рынке в Каттакургане купил гостинцы. В тот день безостановочно лил дождь, он вымок и простудился. Вернувшись домой, слёг. Мама настаивала, чтобы он обратился к доктору, но отец отказывался, надеясь, что всё пройдет. Во время болезни в дом заглянули две цыганки, по их словам, в больного вселился жёлтый злой дух, которого нужно было срочно изгнать. Для этого нужно зарезать трёхлетнего чёрного барана, кровью которого следовало вымазать больного, потом укутать его в шкуру этого барана, потряхивая и постукивая для изгнания злого духа. Если этого не сделать, больной может умереть.

Услышав это, мама пришла в ужас и, хотя отец был против, позвала своих братьев, чтобы те купили и зарезали трёхлетнего чёрного барана. Цыганки провели обряд, обернули отца в тёмную шкуру, вытянули ему ноги, велели согнуть спину так, чтобы его голова касалась ног. Несмотря на боли в спине, отец не издал ни звука. Когда его голова коснулась колен, послышался хруст. Цыганки закричали: «Слышите, это злые духи обратились в бегство! Теперь он здоров!» Они уложили отца на спину, закутав в одеяла. А мясо барана объявили «нечистым» и решили выбросить (что они, якобы, и сделают). Уложив всё мясо в торбы, цыганки исчезли. С этого дня состояние отца стало резко ухудшаться, отнялись обе ноги – только тогда решили обратиться к докторам. Про цыганок, конечно, ничего не сказали. Лечение не дало положительного результата. Услышав всю эту историю, я сходил в районную больницу, встретился с врачами, они обследовали отца и решили срочно направить его в Самарканд, в травматологию. Там свободных мест не

оказалось. Я вспомнил про Муртазо, может, у него есть какие-то знакомые, и разыскал его. Знакомым оказался заведующий отделением в больнице.

Марат Кадырович – так звали знакомого Муртазо – оказался приветливым сердечным человеком. Я рассказал ему про болезнь отца и историю с цыганками. Он сочувственно отнесся к услышанному и отправился к главрачу. Возвратившись, он сообщил, что получил согласие на размещение отца в больнице и отправку машины «Скорой помощи» за ним к нам в район. Записав наш домашний адрес, он обещал, что машина будет назавтра к обеду. Муртазо собирался тоже приехать при наличии свободного места.

* * *

На следующий день, как и было обещано, к нам приехала машина «Скорой помощи». На носилках отца вынесли из дома и увезли в Самарканд, оставив плачущую мать. Долгое время, пока отец проходил лечение, я оставался дома. Ко мне приезжал маленький Кадам. Его отправили к нам ребята, встревоженные моим долгим отсутствием. Когда я начал расспрашивать Кадама о Соне и девушках, он рассказал, что девушки дважды приходили, спрашивали обо мне. Сейчас сдают летнюю сессию.

Как-то мама со слезами на глазах завела разговор о том, что я единственный сын в семье, они с отцом уже старые, и мне надо бы жениться. Что есть на примете хорошая соседская девушка Севара. Во время болезни отца она несколько раз приходила к нам, справлялась о его здоровье.

– Знаю, сынок, она тебе нравится, – продолжала мама.

– Откуда вы можете это знать. Я никогда не говорил об этом!

– Знаю и всё. Ведь я твоя мать!

– Наверное, Севара не пойдёт за меня

– Почему это не пойдёт? Чем ты хуже других? Скоро закончишь институт.

Тут я подумал о Соне: «У нее нет ко мне глубоких чувств, поэтому она и настаивает, что моя сестра. Когда я читал ей любовные стихи, она, смеясь, подчеркнула: «Не забывайте, мы с вами только друзья, настоящие истинные друзья». Выходит, я не вызываю у нее иных чувств. Наверное, у нее есть парень, которого она любит. Раз так, мне не следует думать о ней. А Севара? Понравлюсь ли я ей?»

– Севара тоже учится в большом городе, может, у неё есть кто-то на примете, – сказал я матери.

– Да нет, если бы у неё был кто-то, она давно бы вышла замуж, – уверенно возразила мама. – К ним в дом в последнее время часто заходят сваты. Недавно вот сватались их родственники, но она категорически отказала. И из Самарканда были сваты – им тоже отказала.

Когда я навестил отца, Марат Кадырович сообщил о значительном улучшении его здоровья и сказал, что мне можно теперь приступить к учебе. Выйдя из больницы, я пошел в университет, к Севаре. Я увидел их с подругой, выходящими из аудитории после занятий, и окликнул. Она крайне удивилась, увидев меня.

– Камол, что вы делаете у нас в университете?

Я сказал, что пришёл повидаться с ней. Она справилась о здоровье отца. Я попросил её показать мне город, конечно, если у неё есть свободное время. На минуту задумавшись, она согласилась:

– Пойдёмте! Наш Самарканд – небольшой город. Я покажу вам исторические памятники.

Пообедав, мы направились к мавзолею Гур-Эмир, расположенному рядом с университетом, оттуда прошли к площади Регистан, осмотрели комплекс Шердор, Тиллакори и медресе Улугбека. Я всё обдумывал, с чего бы начать разговор. Может, мне сказать ей прямо: «Я вас люблю». Может заявить: «Выходите за меня замуж». Наконец, собравшись с духом, я сказал:

– Севара, у меня к вам есть важный разговор. Вы не станете обижаться на меня после него? Она бросила на меня быстрый взгляд:

– Какой разговор? Конечно, это не будет неприятный, обидный разговор?

– Не знаю.

Севара пристально и долго смотрела на меня.

- Выходите за меня замуж!
– Что-о?..
– Выходите за меня замуж, – повторил я.
– Я ни за кого не собираюсь замуж.
– Почему?
– Я не выйду замуж за человека, который не любит меня.
– А помните, как я наливал в ваши вёдра арычную воду? Дергал за косички?
– Тогда вы были ещё маленьким мальчиком. Хорошим мальчиком. А теперь вы плохой: ни разу не справились обо мне, не навестили, – переводя разговор в шутку, сказала Севара.
– Сколько раз я приходил к вашему дому, но вы не выходили!
– Потому, что отец был дома!
– И на письма не отвечали. Я каждую неделю писал вам.
– Обманщик. Всего-то было три письма. На все три я ответила и сохранила их, чтобы при встрече вернуть вам.
– А на другие письма вы не ответили...
– Так вы же больше мне не писали. По-вашему я должна была умолять вас написать мне, так что ли?
– Даже если и так, что бы с вами случилось? – пошутил я.

Она сообщила, что переехала к своему дяде, вероятно, поэтому мои письма и не дошли до неё. Потом мы вспоминали и смеялись над своими детскими приключениями, играми. Как я под разными предлогами приходил к ним в дом, как однажды моя мама отправила меня к ним за ситом, а когда я возвращался с ситом, меня увидели мои одноклассники и прозвали «сито». Она вспомнила, как горько плакала из-за моих шалостей (и это тоже причина не идти за меня замуж – шутила она). Я понял, что и она равнодушна ко мне. Вечером, гуляя по ночному Самарканду, я сказал ей, что отправлю к ним сватов. Засмеявшись, она попросилась и ушла. Возвратился я домой очень поздно и объявил маме: «Засылайте к Севаре сватов!»

Мама решила действовать активно: сразу отправить сватов, устроить помолвку и, как только отец выпишется из больницы, устроить свадьбу.

Когда я вернулся в институт, летняя сессия уже закончилась. Вера Азарьевна посоветовала сдать, что можно, а после возвращения с производственной практики, осенью, досдать оставшиеся экзамены. Когда я начал расспрашивать у Кадама о Соне, он сообщил, что девушки, сдав сессию, разъехались по домам. Перед отъездом они приходили попрощаться и спрашивали обо мне и здоровье отца. Потом Кадам спросил:

- А ты не сожалеешь, что не встретился с Соней? Она очень хотела видеть тебя.
– Откуда ты знаешь? Она сама тебе сказала?
– По глазам понял.
– У неё, что в глазах это было написано?
– Не написано, но я знаю. Я замечал, как при встрече с тобой светились от радости её глаза. Вчера, когда прощались, я почувствовал, что она грустит.

Я ничего не ответил Кадаму. Прошла неделя, Севара позвонила мне и рассказала, что у них были наши сваты, что поломали лепёшку.

- Вы довольны? – спросил я.

Она сказала, что хотела бы выйти замуж не за нынешнего, а за того Камола из её детства, но, так как это невозможно, она поневоле согласилась на предложение сегодняшнего Камола. Я тоже сказал, что хотел бы вернуться в детство, ждать её у арыка, дёргать за косички.

- Теперь-то вы не будете заставлять меня плакать? – уточнила она.
– Никогда, – ответил я.

После разговора я испытал тревожные двойственные чувства: радость вперемешку с тяжелыми мыслями о Соне. Неужели я полюбил Соню?! Теперь мне очень хотелось, чтоб она ничего не испытывала ко мне, кроме дружеских чувств.

В начале июля нас отправили в Рубцовск на Алтайский тракторный завод. Возвратились в Ташкент только в конце сентября. Оба Кадама встретили меня на вокзале. В комнате ребята сообщили, что приходили девушки, спрашивали обо мне, они знают, что сегодня я возвращаюсь. Вечером оба Кадама ушли на день рождения своего одноклассника. Я отказался, сославшись на усталость, на самом деле я ждал прихода Сони. Вскоре

в дверь комнаты постучали Кундуз и Соня. Обе за лето похорошели. Пригласил войти. В Рубцовске в книжном магазине купил сборники стихов Сергея Есенина и Расула Гамзатова. Томик стихов Есенина я подарил Соне, книгу стихов Гамзатова – Кундуз. Девушки были очень довольны. Найти в Ташкенте эти книги тогда было практически невозможно. Они попросили сделать дарственные надписи. Взяв книгу из рук Сони, я задумался, потом решил написать то, что у меня на сердце.

– Что вы так призадумались? – спросила Кундуз.

– Не торопи. Камол хочет написать пожелание стихами, – остановила ее Соня.

После Сониных слов на внутренней стороне обложки я написал:

*Дарю вам заповедь любви,
Что вспыхивает в одночасье
Чистейшим пламенем в крови –
Всегда мечта. И явь. И счастье!*

«Что бы ещё добавить?» – подумал я. Ничего не шло на ум. В конце дописал: «Самой дорогой и единственной на свете моей сестре Соне. С пожеланиями счастья от вашего брата Камола. Двадцать восьмое сентября 1969 г. Ташкент. Вузгородок». В Рубцовске я написал стихи, посвятив их Соне, переписал на чистый лист бумаги и теперь, сложив этот лист пополам, положил в начало книги. Я не собирался отдавать их Соне, и почему я так сделал – до сих пор не пойму.

Соне

*Если сон вдруг покинет вас,
В одиночества мглу гоня,
Сердца краешком в этот час,
Может, вспомните вы меня.
Мы встречали вдвоем восход,
Грелись у одного огня,
Время этого не сотрет,
Может, вспомните вы меня.
Я всегда вам безумно рад,
Я не мог жить без вас и дня!
Ах, как быстро годы летят,
Может, вспомните вы меня.
Улыбнетесь в какой-то миг,
Иль озлитесь, те дни кляня.
Жив ещё наших чувств родник,
Может, вспомните вы меня.
Это страшная западня:
Одиночество и тоска.
Может, вспомните вы меня,
Отзовусь я издалека.*

18. 08. 1969 г. г. Рубцовск.

Снова Соне

*Чем отдаленней юности года,
Тем сладостней о них воспоминанья,
Счастливыми студентами тогда
Спешили мы на первые свиданья.
И в памяти остался каждый миг
Тех встреч, в которых чувства мы таили.
Да разве передать словами их,*

*Мы рядом шли и обретали крылья.
 Был от волненья лоб испариной покрыт,
 И я смешным в ваших глазах казался.
 Но лишь одно вам говорил мой вид,
 Как сильно вас я потерять боялся.
 Поныне сердце отдаю я вам,
 И, словно луч, летит посланье это.
 Так письма шлют по старым адресам,
 И, веря в чудо, тшетно ждут ответа.*

02. 09. 1969 г. г. Рубцовск, ночь 2 ч. 30 мин.

- Что так много написали? Это что, поэма или роман? – спросила Кундуз.
 – И то, и другое, – сказал я, передавая книгу Соне.
 Кундуз протянула свою книгу:
 – И мне напишите не меньше, чем Соне. Если будет меньше, не возьму.
 – Тогда вам придётся остаться тут и ждать всю ночь.
 – Ничего страшного, останемся... – пошутила Кундуз.
 В книге, подаренной Кундуз, я написал всего 8 строчек.

Кундуз

*Я целую крылья ваши,
 Милый ангел мой.
 Ангелов небесных краше
 Облик ваш земной.
 Обращаюсь с посвященьем,
 Легким, как поклон.
 Вашим ангельским смущеньем
 Я навек пленен.*

Мне захотелось немного пошутить, и ниже я приписал:

*Доченьку баюкая в колыбели вечером,
 Говорите самые ей слова сердечные,
 Чтоб росла счастливою
 И, как вы, красивою.*

На память от Камол. 28. 09. 1969 г. г. Ташкент.

– Камол, что же вы мне такое написали? Мне даже неудобно стало. Теперь эту книгу я не смогу никому показать. А я хотела похвастаться перед девушками, – возмутилась Кундуз, прочитав стихи.

Соня, взяв книгу из рук Кундуз, прочитала написанное:

– Что тебе не понравилось? Мне нравится.

– А тебе, что написали? Дай-ка мне свою книгу, – попросила Кундуз.

Соня подала ей книгу. Кундуз открыла и, прочитав стихи, заключила:

– У Сони стихи хорошие, проникновенные, написаны с любовью, – она развернула и стала читать листок, но Соня быстро выхватила его.

– Я ещё сама не читала... Прочитаю, тогда... – сказала она, закрывая книгу.

Чтобы как-то успокоить недовольную Кундуз, я сказал:

– Это шуточные стихи. Выражение душевных порывов поэта-любителя. Я привык к вам, потому и позволил себе такую вольность.

– И мы привыкли к вам, вы стали нашим братом. Мы скучали по вам.

Мы долго беседовали, шутили, потом Соня спросила:

– Ваш отец поправился?

Я рассказал про отца, но о самом главном событии в моей жизни я умолчал. «Скажу в другой раз, не сегодня, и только лично ей, Соне», – подумал я.

– Камол, Соня видела сон, что вы женитесь. Я сказала, что сны надо истолковывать наоборот, но Соня заявила, что её сны всегда сбываются, – вдруг сообщила Кундуз.

Я замер, не зная что сказать. Под пристальными взглядами девушек, ждущих моей реакции, я попробовал отшутиться:

– Соня видит вешие сны?

– А что, действительно женитесь? – удивлённо спросила Кундуз.

– Да, – выпалил я, сам не понимая зачем я это сделал.

– На ком? – тихо спросила Соня.

– На соседской девушке.

– Какая она счастливая! А как ее зовут?

– Севара.

– Лучше нашей Сони не сыскать! А ваша Севара похожа на Соню? – спросила Кундуз.

Я не понимал Кундуз и разозлился на ее неуместные слова. Но внимательно присмотревшись к Соне, я обнаружил её большое сходство с Севарой. Она действительно похожа на Севару. Кудрявые волосы, улыбка, свежесть лица, цвет глаз, рост. Я сказал девушкам об этом.

– Выходит, она красивая, – заметила Кундуз.

Соня с книгой в руках делала вид, что читает мои стихи, но глаза ее были полны слёз... Тогда я и почувствовал к ней неизъяснимую нежность, жалость и огромную любовь. Любовь всепоглощающую.

* * *

На следующий день я уехал в Самарканд. Вскоре сыграли свадьбу. Вернувшись в Ташкент, я часто вспоминал нашу последнюю встречу с Соней, её состояние, и у меня шемило сердце, было тревожно и скверно на душе.

Я решил навестить девушек. Дверь открыла Кундуз. Сони не было. Я почувствовал неладное и спросил о ней. Кундуз сообщила, что Соня уехала домой в Ургенч и неизвестно, когда вернётся.

– А учёба?

– По-видимому, она не собирается продолжать учёбу, все забрала, даже с дороги возвратилась, чтобы забрать забытую подаренную вами книгу.

Выйдя на улицу, я долго бесцельно бродил не находя покоя, испытывая гнетущую тоску.

В тот год Соня в Ташкент не вернулась. Несколько раз я пытался навести справки о ней через Кадама, но безрезультатно. Когда я попросил Зайнаб дать адрес Сони, она посоветовала не нарушать ее покой, так как та только начала приходить в себя.

– Мой вам совет – не показывайтесь ей. Она даже в больнице не расстается с вашей книгой и стихами.

– Разве она в больнице? – спросил я.

– Недавно выписалась, однако вам не следует беспокоить ее!

– Как она себя чувствует?

– Сейчас значительно лучше. Но может наступить рецидив, как говорят врачи.

Я был потрясён услышанным и растерян, не зная, что предпринять, желая лишь одного – увидеть Соню, услышать её, глядеть в её глаза, лицо. Мне так хотелось сделать её счастливой... Я не мог сдержать слёз отчаяния и сожаления...

* * *

Окончив институт, я вернулся в Самарканд, начал работать. Сколько воды утекло с тех пор! Но до сих пор мне вспоминается Соня, моя Соня, та, в зелёном болоньевом плаще, с развевающимся белым шарфом на шее, как в первый день нашего знакомства...

Часто мне становится немого и, когда я остаюсь один, я кричу во весь голос, что есть мочи кричу – это крик моего сердца, моей души: «Со-о-н-я-я, я тоскую по тебе!!!

Отзовись! Соня!»

литературоведение. литературная критика

Канимкул ТАДЖИЕВ

Родился в 1945 г. Окончил Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков (ныне УзГУМЯ), доцент кафедры английского языка и литературы Гулистанского государственного университета. Автор многочисленных статей, а также учебных пособий по англо-американской литературе.

Рафаэль АХМЕДОВ

Родился в 1984 г. Окончил УзГУМЯ. Преподаватель кафедры английского языка и литературы Гулистанского государственного университета, автор многочисленных статей по англо-американской литературе и по теории литературы.

РАЗВЕРНУТАЯ МЕТАФОРА КАК АКТИВИЗАТОР «СМЫСЛОВЫХ КОДОВ»

Интерпретация – это субъективная процедура истолкования текста, «перевод языка художественных образов на язык логических понятий, формулировка смысла, содержания произведения, что предполагает рассудочность и продуманность этой процедуры»¹. Основной задачей интерпретации художественного текста является извлечение из текста максимальной информации, полное постижение не только того содержания, которое заложено автором, но и которое потенциально содержится в нем, помимо авторской воли.

Важную роль для интерпретации произведения играет развернутая метафора, которая активно участвует в сотворении подтекста художественного произведения, стимулирует читательское восприятие. С ее помощью осуществляется художественная коммуникация, диалог «автор – читатель». Развернутая метафора является активизатором «смысловых кодов». «Смысловые коды» – это способы выражения авторской идеи, авторского «я», которые составляют систему художественного произведения и несводимы к сюжетно-композиционному или архитектурному своеобразию².

Какова же роль развернутых метафор в формировании «смысловых кодов» художественных произведений? В чем специфичность этой роли в романтических и реалистических произведениях?

Возьмем «Грозовой Перевал» Э. Бронте и «Полесскую хронику» И. Мележа. В романе «Грозовой Перевал» выдающейся английской писательницы Эмили Бронте (1818–1848) подводятся итоги английского романтизма. Роман создавался в то время, когда на смену романтическим идеалам пришла буржуазная система ценностей. Трилогия «Полесская хроника» Ивана Мележа (1921–1976) – талантливого белорусского писателя – считается вершиной его творчества.

И в том, и в другом произведении широко используются развернутые метафоры, продуктивно активизирующие их «смысловые коды». Развернутые метафоры присутствуют как в сильной позиции художественного текста – заглавиях, – оказывая немедленное воздействие на читателя, так и в самом тексте, являясь своеобразной «подсказкой» для него.

¹ Романова. Г. И. Практика анализа литературного произведения: учеб. пособие / Г. И. Романова. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 256 с.

² Уртминцева, М. Г. Смысловые коды и способы их дешифровки в произведениях мемуарно-биографического жанра / М. Г. Уртминцева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unn.ru>

Заглавие романа «Грозовой Перевал» – развернутая метафора, раскрывающая смысл произведения. Оно порождает различные интерпретации и ассоциации, а также меняет свое значение в ходе романа. Вначале мы видим семью, в которой царит относительная гармония. Появление Хитклифа в доме становится чем-то вроде предвестника «грозы», возникают ссоры и конфликты. Затем «смысловой код» «Грозowego Перевала» предстает перед нами как место преследования двух влюбленных, Кэтрин и Хитклифа, а позже Грозовой Перевал для Хитклифа – место боли и унижения. В конце Грозовой Перевал превращается в жилище призраков, воплощая романтические ценности, которые «сотрясаются, колеблются» под натиском буржуазного общества. Только после смерти Хитклифа, завладевшего обоими домами, утихают конфликты, и наступает спокойствие и умиротворение. Теперь Грозовой Перевал – умиротворенное место, где царит любовь и гармония.

Имя Хитклифа неразрывно связано с Грозowym Перевалом и тоже метафорично. Хитклиф для других персонажей романа не кто иной, как исчадие ада, лживый бес, дитя сатаны. Образ Хитклифа, искалеченного обществом, в центре романа и выражает его основную мысль об одиночестве и моральной гибели человека, исполненного жажды любви, дружбы, знаний в буржуазном мире. Образы Хитклифа и его возлюбленной Кэтрин Эршно весьма метафоричны и близки. Они словно часть природных стихий, которые неистовствуют на Грозowym Перевале. Ярость, свирепствующая в Хитклифе, его страсть и ненависть не могут быть адекватно истолкованы обыденным сознанием. Хитклиф и Кэтрин – типичные герои романтического произведения, в котором акцент перенесен с окружающей среды на личность.

В трилогии Ивана Мележа «Полесская хроника» – «Люди на болоте», «Дыхание грозы», «Метели, декабрь» – каждая часть является логическим продолжением предыдущей, дополняет и раскрывает ее смысл.

Заглавие произведения позволяет нам расшифровать первый поверхностный смысл романа. Это роман о жителях деревни Курени, отрезанной от внешнего мира полесскими болотами. Болото является символом стагнации, распада и гибели. Ассоциируемое с болотом физическое разложение олицетворяет разложение духовное. В этой части романа ярко выражена развернутая метафора слова «дороги». Здесь дороги выступают как символ новой жизни, верного пути системы коллективного хозяйствования, на который местные органы управления должны вывести крестьян, чтобы преодолеть территориальную и ментальную изоляцию.

Заглавие второй части романа «Дыхание грозы» предупреждает нас о предстоящих переменах в жизни куреневцев. Коллективизация, представлявшая собой революцию во всем укладе жизни крестьянства, составляет главную тему романа и является не фоном действия в «Дыхании грозы», а самой сутью исторической эпохи, изображаемой И. Мележем. Календарное время, в границах которого совершается сюжетное действие третьей части романа, обозначено в заглавии, но смысл этого заглавия – «Метели, декабрь» – неизмеримо шире и глубже. Очевидна смысловая многозначность образов метели, вихря, ветра, непроторенной дороги с резкими поворотами на ней, с крутыми восхождениями, спадами и новыми подъемами. Они зыбки, эти образы, подвижны, и не сразу улавливается переход от прямого их значения к иносказательному – часто это образы-символы.

Несмотря на то, что роман Э. Бронте «Грозовой Перевал» – произведение романтическое, где метафора используется как одно из наиболее активных средств воздействия на читателя, развернутые метафоры произведения не столь многочисленны, как в реалистической трилогии «Полесская хроника» И. Мележа. Это, на наш взгляд, объясняется проблемами переломной эпохи в авторской рефлексии. В культурно-историческую эпоху создания «Грозowego Перевала» «буржуазное» уничтожает, подавляет «романтическое», что находит отражение в малочисленности развернутых метафор. Напротив, И. Мележ, раскрывая картину коллективизации в белорусской деревне, широко использует развернутые метафоры для создания напряжения, глубинного постижения трагедии эпохи в читательском восприятии. В «Полесской хронике» И. Мележа смысл развернутых метафор усугубляется от романа к роману, отражая процесс расширения авторского замысла.

переводы

**Кахрамон
РАХМАНОВ**

Родился в 1953 г. в Андижанской области. Окончил Институт иностранных языков (ныне УзГУМЯ), работал директором редакции вещания на английском языке в Гостелерадио Узбекистана, переводчиком в Сирии, участвовал в реализации различных проектов международных организаций в Узбекистане и странах Средней Азии. Имеет публикации в СМИ, переводит с узбекского, английского и русского языков. Живет в Ташкенте.

ДОЧЬ

Рассказ

(Перевод с узбекского Сабохат Рахмановой¹)

Как часто нам приходится читать и слышать о смелых поступках, подвигах сыновей, совершенных во имя семьи, во славу родителей, отечества, гораздо реже мы читаем и слышим о дочерях.

Какой же поступок дочери может удостоиться внимания и похвалы? Когда же уместно, подобно Чингизхану, восхищенному принцем Джалалиддином и воскликнувшему: «Вот какой сын должен быть у отца», с восхищением и гордостью сказать подобное о дочери.

* * *

Воскресный сентябрьский день выдался солнечным и нежарким по меркам Ташкента. Температура едва достигала сорока градусов по Цельсию. После июльского и августовского зноя это просто благодать. Отшумели праздники, народ окунулся в трудовые будни. Настала пора хлопот и для меня. Необходимо было сделать кое-какие покупки, благо, после праздника и уже случившегося начала учебного года, на рынке было не так многолюдно.

Моя дочь Юлдуз с сыном, моим внуком Омарбеком, остались ночевать в родительском, т. е. нашем доме. Ей тоже нужно было на «Ипподром», куда я уже давно планировал попасть.

На прошлой неделе на Алайском базаре у меня украли мобильный телефон «Эрикссон». Тогда мы тоже были с Юлдуз. Я нёс на руках Омарбека и почувствовал, как кто-то слегка подтолкнул меня слева. Вытащить телефон не представляло большого труда: карманы жилетки я никогда не застёгивал, и от частого ношения в них громоздких предметов они всегда смотрели на мир широко раскрытыми «ртами». Спешащий куда-то паренек «случайно» наткнулся на меня сбоку. Почувствовав что-то неладное, я проверил рукой левый карман. Телефона в нём не было. У лепёшечного ряда этот худосавый парень оглянулся, и наши взгляды встретились. Жаль, что я был не один. А то досталось бы ему...

Тогда я не захотел пугать внука и дочь и даже не сказал, что у меня выкрали телефон. Меня даже позабавило то, как будет разочарован этот мерзавец, когда поймет в каком состоянии

¹ Родилась в 1969 г. в Андижанской области. Окончила факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работает корреспондентом ТРК «Эхо долины». Автор сборника рассказов «Гильотина йул», публиковалась в республиканских журналах. Переводчик. Живет в Андижане.

мой аппарат. Несколько лет тому назад его мне подарил президент компании «Ю-Тел» в благодарность за начитанные на английском языке тексты автоответов. Мобильник уже устарел, быстро разряжался, зависал, вряд ли грабитель сможет его продать за сколько-нибудь значительную цену. А у меня вот повод нашёлся купить новый аппарат.

Юлдуз взялась оказать мне консалтинговые услуги при выборе модели мобильного телефона. Она привела меня прямо в лавку друга своего мужа Тимура, предупредившего заранее друга-продавца о предстоящей покупке. Нас ждали. После недолгого совещания я остановил свой выбор на «Нокии»: практичный, без особых «причиндалов», не самый дешёвый, но и не самый дорогой. Авторитет Тимура оказался непререкаем: нам сделали хорошую скидку, вставили «чип» в новую трубку, тут же позвонили Тимуру и доложили, что просьба его выполнена, все перепроверили, упаковали, вручили Юлдуз коробку и поздравили с покупкой.

Теперь нам оставалось проехать на вещевого рынок. До «Ипподрома» доехали быстро, но очень долго искали место для парковки. Таких как я, желающих «побазарить» в воскресный день после праздника, оказалось немало, подумывалось уже о возвращении домой. Но Юлдуз рассудила, что раз уж приехали, есть смысл что-нибудь купить.

Толку от дежурных и инспекторов было немного, как обычно они ничего не могли поделать с длинным рядом припаркованных вдоль подъездной дороги машин, который начинался задолго до центральных ворот рынка. Времени на ожидание у нас не оставалось. Вдруг справа, между южным углом базара и въездом на стоянку выехал чёрный «БМВ». Я притормозил, дал возможность ему проехать и припарковался на его место. Сегодня повезло.

А очередь ждала... Несмотря на целый легион то ли штатных, то ли добровольных регулировщиков, ситуация не менялась. Хотя, какие «добровольцы» при рыночных отношениях в переходный период.

Было тесно и душно, от выхлопов чадающих двигателей пошипывало глаза. За бордюром шагах в десяти в сторону стоянки рядом с белой «Нексией» нервно прохаживался под одинокой чахлой акацией худощавый парень с засученными рукавами. Времени у нас было в обрез.

Вначале мы прошлись по рядам, которые интересовали Юлдуз, хотя она предлагала начать с покупок для меня. Куда мне торопиться с покупкой: может, ничего и не понравится. Вообще-то я приехал сюда потому, что она попросила. Невесело ей бедной сидеть всё время дома с ребёнком.

Мы долго продирались сквозь плотную толпу покупателей, останавливались, рассматривали, приценивались, торговались и, так и не сговорившись в цене, шли дальше по непонятному для несведущих лабиринту торговых рядов. По рядам рынка сновало множество одержимых покупателей, которые с отчаянием обречённых на покупку искали товар по душе и по приемлемой цене. Такое встречалось редко, и вся эта масса обезумевших от бесплодных поисков тел по несколько раз возвращалась к одному и тому же прилавку, так и не решившись заплатить несколько лишних тысяч за приглянувшийся товар.

Мы добрались до рядов, где я планировал купить себе плаш. Плаш понравился и Юлдуз, и мне, это многое значило. Примеряя его, я вдруг вспомнил про машину: запер ли я двери? Такое иногда случалось со мной, когда машина всю ночь могла простоять на улице открытой. Ох, не радость это – надвигающаяся старость!

Вторая удачная за день покупка кому угодно поднимет настроение, но открытые двери нашего автомобиля неприятно поразили. Вначале я подумал, что действительно забыл запереть машину на ключ. Но в салоне справа от переднего пассажира грустно свешивалась связка цветных проводов, будто кишки из вспоротого живота раненного зверя. Я не очень разбираюсь в технике и сначала не понял, что это означало для меня. Естественно, машина не заводилась. Юлдуз печально взирала на мои усилия...

Близился вечер. Неподалеку всё так же прохаживался парень в белой рубашке, разговаривая с кем-то по мобильнику. Носильщики-мардикоры с интересом наблюдали за моими бесполезными усилиями. Было видно, что ждут, когда я подойду к ним и начну задавать вопросы. Знаю, что будут только голову морочить, строить всякие предположения, советы идиотские пихать. Нет смысла. Всё равно окажется, что ничего не видели.

Юлдуз переживала больше меня. Она категорически отказалась уехать в такси. Время летело. Поблизости никаких магазинов запасных частей не было. Разбирала досада и обида от своего бессилия не столько за пропажу, сколько за неподходящий момент ограбления. Надо было предпринять что-то немедленно. Бог с ними, с грабителями, незавидная у них жизнь¹.

Юлдуз позвонила мужу, рассказала о происшедшем. Он моментально оценил ситуацию и обещал помощь. Оставалась слабая надежда на то, что в одной из близлежащих автомастерских окажется этот самый, так некстати похищенный процессор. Но все они оказались уже закрытыми.

Тимур перезвонил и обещал, что кто-то из его ребят попробует найти процессор и привезти часа через полтора-два. С учётом времени на дорогу и поиск это означало не менее трёх часов ожидания. Задерживать Юлдуз больше я не мог, остановил такси, назвал адрес нашего дома, щедро заплатил и отправил дочь домой.

Солнце клонилось к закату, базар постепенно затихал и редел. Мимо проходили люди, которые несли на головах, на плечах, под мышкой, за спиной переливающиеся всеми цветами радуги клетчатые тюки, ковры, огромные пакеты, спортивные сумки, картонные ящики, вёдра, рулоны; со стоянки автомобилей выползали тележки, велосипеды, мотоциклы, легковые и грузовые автомобили с нераспроданным или купленным за день...

«Мои» носильщики-мардикоры продолжали сидеть на тележке, тихо переговариваясь между собой и изредка поглядывая в мою сторону. Для них представление ещё не закончилось, и ради него они готовы были пожертвовать вечерним заработком в час пик и ранним ужином. Парень в белой рубашке наговорил по своему мобильнику, наверное, уже на сотню баксов, но трубку от уха так и не оторвал. А, может, он сам с собой разговаривает?

Тут я вспомнил о купленной трубке и в ожидании помощи друзей Тимура решил почитать инструкцию по эксплуатации, если только его тоже не прихватили с собой грабители. К моему удивлению и радости коробка с телефоном лежала на месте, мало того, телефон оказался немного подзаряженным. Вспомнилось, что по нему продавец звонил проверяя.

Подумав немного, я связался с племянником жены, который, на мой взгляд, мог оказать содействие в сложившейся ситуации. Он посоветовал вызвать эвакуатор. Я всё ещё надеялся на помощь друзей Тимура, считая, что эвакуатор дело долгое.

Прошло достаточно времени, я решил убедиться в том, что Юлдуз благополучно добралась до дома и занимается Омарбеком. Позвонил домой, трубку поднял мой сын Карим и сказал, что Юлдуз ещё не приехала. Я удивился и попросил его перезвонить, как только она явится.

Прошло ещё минут двадцать. От Тимура известий не было, Карим тоже молчал. Я начал беспокоиться и перезвонил ему. Юлдуз ещё не приехала.

– А что случилось? – спросил он.

Я убедил его, что всё в порядке, но меня прошиб холодный пот, бешено заколотилось сердце. Что случилось? Почему она всё ещё не доехала до дома? Авария? Или водитель? Я едва смог припомнить, что она уехала на красном «Матизе». Ни номера машины, ни лица водителя, кроме усов, я не запомнил. Надо что-то делать... Ехать? Но куда? Или всё же мне обратиться к мардикорам? Может, вспомнят и подскажут какие-нибудь детали? Звонить в милицию? Оказалось, что телефон разрядился. Теперь и позвонить нет возможности. Парень с телефоном куда-то исчез. Ехать домой? Но что я скажу жене, Кариму, Тимуру, Омарбеку?

Надо ехать по маршруту такси. Вдруг поломка, или, не дай бог, авария? Но, как назло, к этому времени поток машин иссяк. Только через минут пять вдали показался автомобиль с включенными подфарниками. Надо же, ещё один красный «Матиз». Я поднял руку. Машина остановилась, и я узнал усатого водителя за рулём. Неужели опять вернулся на «Ипподром»? Только потом я разглядел на переднем сиденье Юлдуз, Она вышла из машины и протянула мне серебристую коробку.

¹ Как говорит наш друг Баташка (Бахтиёр-ака): «Хорошо, что не мы грабим, а грабят нас. Это даёт нам большое преимущество. Всегда спим спокойно».

– Что случилось? Почему ты не дома? – почти закричал я, не веря, что Юлдуз цела и невредима.

– Дада¹, вот вам процессор.

Но мне было не до процессора.

– Ты где его взяла? Срочно езжай домой! Телефон разрядился! Я тебя потерял и чуть с ума не сошёл! Спасибо тебе, конечно, но зачем ты так?! Ты же знаешь, я бы выкрутился как-нибудь.

– Ваша дочь попросила отвезти её на Фархадский авторынок, – вмешался в разговор таксист. – Там я показал ей, где продаются процессоры. Продавцы загнули цену. Почти в четыре раза больше обычной. Она отдала им все свои деньги, драгоценности: золотую цепочку и серьги – в залог. Сам слышал и видел. Свести у них нет. Я даже пытался вмешаться... Вы знаете, она очень у вас умная, любящая и преданная. Не каждый бы догадался так поступить, да и не всякая бы женщина рискнула своими драгоценностями. А она, не раздумывая, все отдала, чтобы отца выручить. Да-а, хотелось бы быть похожим на неё, и такому маленькому посильному подвигу позавидовать можно!

Всё ещё не веря в то, что Юлдуз цела и невредима, полный признательности за её работу, я поблагодарил её, вновь усадил в такси и отправил домой. Уже садясь в машину, она неторопливо объяснила мне, куда ехать, чтобы доплатить за процессор и забрать её украшения...

– Сколько я вам должен доплатить? – спросил я главного из пиратского вида продавцов запчастей, когда отыскал указанную Юлдуз лавку. Он ответил. Я протянул ему деньги. Он принял и пересчитал их.

Продавцы откровенно изучающе рассматривали меня. На полке справа от входа на клочке серой бумаги лежали золотые украшения.

– Вот серьги, кулон и цепочка. Мы не требовали столько: она сама отдала, лишь бы получить процессор поскорее. Вот мы и положили их на полку: никто к ним не прикасался. Она ваша дочь? Вы, наверное, её очень любите. Она объяснила нам, что случилось, и отдала всю имевшуюся у неё наличность и драгоценности. Сказала, что вы где-то ждете совсем один, и вам надо помочь. Мы сидим вот здесь и только о вас с ней и говорим. Откровенно говоря, мы завидуем, что у вас такая дочь.

Когда один из них сказал: «Если у вас такая дочь, то каков же должно быть ваш сын?» – меня чуть не прошибла слеза.

Вряд ли кто-нибудь назвал бы этих людей сентиментальными. Не каждый смог бы расщепить их ожесточившиеся от рискованного бизнеса души.

* * *

Как часто наши дочери имеют возможность на этом свете продемонстрировать свое благородство и любовь по отношению к воспитавшим их родителям, оказавшись после замужества в окружении людей, которые, вольно или невольно, полностью меняют их привычный образ жизни. Если Чингисхан по достоинству оценил отчаянную доблесть и силу духа Джалалидина Мангуберди, то кто-то в истории должен был оценить и добродетели своей дочери, но ничего, кроме «Короля Лира» Шекспира, я что-то не припомню. Однако Корнелия – это прекрасный художественный образ, далеко отстающий от нас по времени. Сегодня же добрых намерений-то у наших дочерей много, а как насчёт их реализации?

¹ Дада – обращение к отцу.

Саидамин БАКИЕВ

Окончил МГУ и аспирантуру при нем. Доктор технических наук, профессор. Специалист в области прикладной ядерной физики и ядерной аналитики. Имеет множество профессиональных публикаций, автор двух изданных в Москве книг по мерфологии. Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов 21 столетия».

ОБЩАЯ ЧЕЛОВЕКОЛОГИЯ¹

ДРУЗЬЯ, ВРАГИ

Аксиома Аристотеля

У кого есть друзья,
У того нет друга.

Народная пословица

Старый друг лучше новых двух.

Аксиома Джоунса

Друзья приходят и уходят, а враги накапливаются.

Коммутативный закон

Если число твоих врагов превысило число твоих друзей – поменяй их местами.

Определение Дж. Аулера

Друг – человек, который знает о вас все – и тем не менее любит вас.

Другое определение друга

Настоящий друг тот, кто может, как на духу, поведать вам о всех своих бедах, – но не делает этого.

Замечание Дж. Свифта

Помоги себе сам, и друзья тебя больше полюбят.

Правило В. Вишневского

Если у тебя с другом давние, сложившиеся и испытанные отношения, то нет никакой необходимости омрачать эту дружбу общением.

Совет из цикла «маленькие хитрости» Жюль Ренара

Не следует знакомиться со своими друзьями раньше, чем к ним придет слава.

Правило Э. Марбури

Чем богаче твои друзья, тем дороже это тебе обходится.

Аксиома Ларошфуко

Суждения наших врагов о нас ближе к истине, чем наши собственные.

Раневская о друзьях

Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести.

¹ Окончание. Начало в журнале «Звезда Востока» № 3 за 2015 г.

Замечание Ипохорской

И все же приятнее слышать плохое о своих недругах, чем хорошее о своих подругах.

Принцип Р. Орбена

Лично я всегда делюсь своими огорчениями с врагами. Только они по-настоящему меня слушают.

Принцип Антисфена

Не пренебрегай врагами: они первыми замечают твои ошибки.

Совет Марка Твена

Прошайте врагов ваших – это лучший способ вывести их из себя.

Правило Поля Валери

Никогда не судите о человеке по его друзьям. У Иуды они были безупречны.

Наблюдение Ж. Ростана

Среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства.

УСПЕХ, НЕУДАЧА

Сложилось нынче на потеху,
что я, стареющий еврей,
вдруг отыскал свой ключ к успеху,
но не нашел к нему дверей.

И. Губерман

Закон Питера

Успех ударяет в голову, неудача ударяет в сердце.

Классификация А. Бирса

Несчастья бывают двух видов: во-первых, наши собственные неудачи, во-вторых, удачи других.

Замечание Лукиана из Самосаты

Несчастье ближнего утешает нас в наших несчастьях.

Одесская шутка

Не хочу вас расстраивать, но у меня все хорошо.

Справедливая логика Г. Ньютона

Тот, кто в своих неудачах обвиняет других, рассуждая логически, должен также признать их долю в своих успехах.

Парадокс Заходера

Пока не стал ты генералом,
умей довольствоваться малым.
Но, кто довольствуется малым –
навряд ли станет генералом.

Кредо У. Филдса

Если вы не добились успеха сразу, попытайтесь еще и еще раз. А потом успокойтесь и живите в свое удовольствие.

Условие успеха по Вольтеру

Чтобы добиться успеха в этом мире, одной глупости недостаточно – к ней еще нужны хорошие манеры.

Правило Б. Бихана

Радуйся любой статье о себе, если только она не в траурной рамке.

Наблюдение О. Уайльда

Все сочувствуют несчастьям своих друзей, и лишь некоторые радуются их успехам.

Аксиома удвоения беды М. Генина

Беда никогда не приходит одна. С ней идут сочувствующие.

ЗАВИСТЬ, ЛЕСТЬ**Аксиома Дж. Коллинза**

Зависть – самая изысканная форма лести.

Постулат Ю. Тувима

Поздравления – самая изысканная форма зависти.

Принцип безошибочной лести

Если не знаете, как польстить человеку, скажите ему, что он не из тех, кого можно обмануть лестью.

ОПЫТ**Закон С. Гитри**

Источник нашей мудрости – наш опыт. Источник нашего опыта – наша глупость.

Аксиома Э. ван Берена

Если бы опыт можно было бы продать по себестоимости, мы бы стали миллионерами.

Принцип Д. Финчера

Опыт позволяет нам ошибаться гораздо увереннее.

Определение А. Мюссе

Опыт – это имя, которое большинство людей дает наделанным глупостям или пережитым неприятностям.

ОШИБКИ**Аксиома Гельвеция**

Самые великие умы делают самые большие ошибки.

Ошибочный принцип Питера

Если вы не учитесь на своих ошибках, нет смысла их делать.

Принцип двух ошибок Питера

Если две ошибки не принесли результата – испробуй третью.

Ошибочная логика

Я только однажды ошибся, когда думал, что я ошибся.

Постулат Р. Тагора

Закройте двери перед всеми ошибками, и истина не сможет войти.

Аксиома Д. Пашкова

Самая большая ошибка – говорить об ошибках начальника.

Принцип Марка Твена

Всегда честно признавай свои ошибки, это притупит бдительность начальства и позволит тебе натворить новые.

Парадокс теории ошибок

Чтобы не совершать ошибок, нам надо набираться опыта, а чтобы набраться опыта, нам надо совершать ошибки.

Правовой закон Бакиева

Каждый имеет право совершать свои собственные ошибки.

Утешительный постулат теории ошибок

Чем больше ошибок мы совершаем, тем их меньше остается.

ОТПУСК, ОТДЫХ**Определение А. Фортена**

Отпуск: свободное время, которое дается служащим, чтобы дать им понять, что на службе могут обойтись без них и во все остальное время.

Альтернативные формы отдыха по А. Климову

Одни, чтобы отдохнуть от дел, спешат уйти в отпуск, другие – вернуться из отпуска.

Определение Дж. Прендергаста

Отдых – то, что вы делаете, когда никто не говорит вам, что делать.

Как хорошо ничего не делать, а потом отдохнуть.

Испанское изречение

Девиз Бакиева

И от отдыха надо отдохнуть.

ЛОЖЬ, ОБМАН, СПЛЕТНИ**Правило В. Блоньской**

Соврать раз легко, но трудно соврать только раз.

Определение Уилсона

Сплетни – это когда вы слышите то, что вам нравится, о тех, кто вам не нравится.

Постулат Г. Оното

Если бы все знали, что все говорят обо всех, то все не разговаривали бы со всеми.

Аксиома М. Эбнер-Эшенбах

Даже семейные узы распались бы, если бы наши мысли были написаны у нас на лбу.

Совет М. Эбнер-Эшенбах

Хочешь знать, что о тебе говорят твои знакомые? Послушай, что они говорят о людях, которые лучше тебя.

Золотое правило

Лги о других так, как ты хотел бы, чтобы лгали о тебе.

Афоризм Г. Честертон

Каждый хочет, чтобы его информировали честно, беспристрастно, правдиво – и в полном соответствии с его взглядами.

Постулат Г. У. Шоу

Чем меньше мы знаем, тем больше подозреваем.

Принцип П. Бомарше

Прежде я говорил вам все, а теперь я ничего от вас не скрываю.

КОМПЛЕКСЫ

Устройство мира столь непросто,
что смотришь с горестью сиротства,
как истекает от прохвоста
спокойствие и превосходство.

И. Губерман

Закон журнала «Пшекруй»

Чем меньше человек, тем больше комплексы.

Замечание жены С. Довлатова

Комплексы есть у всех. Ты не исключение. У тебя комплекс моей неполноценности.

Аксиома Ипохорской

Неправда, будто некоторые мои подруги страдают комплексом неполноценности. Никакого комплекса у них нет – они в самом деле менее полноценны.

Наблюдение Ж. Дютур

В комплексе неполноценности хуже всего то, что обычно им страдают не те, кому следовало бы.

КРИТИКА

Классификация критики

Конструктивная критика: когда я критикую вас. Деструктивная критика: когда вы критикуете меня.

Замечание С. Гарбетта

Критиковать может любой дурак, и многие из них этим и занимаются.

Определение К. Чапека

Критиковать – значит доказывать автору, что он не сделал этого так, как сделал бы я, если бы умел.

Лучший способ критики

Лучший способ раскритиковать чужую работу – сделать ее лучше.

ЛИЦО

Постулат Дж. Оруэлла

В пятьдесят каждый из нас имеет такое лицо, какое заслуживает.

Наблюдение С. Альтова

Ничто так не старит, как лицо.

Принцип В. Верховского

Мужчина должен иметь голову на плечах, а женщина – лицо.

Классификация Э. Кроткого

Лицо у нее было очень подходящее для выступлений по радио.

БИОГРАФИЯ, МЕМУАРЫ

Анкетная аксиома

Никогда человек не бывает так близок к совершенству, как при заполнении анкеты о приеме на работу.

Автобиографический закон Бакиева

Автобиография всегда лучше биографии.

Характеристика характеристики

Характеристика – документ, до которого не вырос пока что ни один человек.

Биографический принцип Б. Шоу

Читая биографию, помните, что правда никогда не годится к опубликованию.

Автобиографический постулат С. Е. Леца

Описание жизни человека, выдуманное им самим, является подлинным.

Мемуарная аксиома Т. Галина

Если вы думаете, что в прошлом уже ничего нельзя изменить, значит, вы еще не начали писать мемуары.

Наблюдение П. Устинова

Раньше зарабатывали на жизнь, публикуя свои мемуары; теперь зарабатывают еще больше, угрожая публикацией мемуаров.

НАГРАДЫ**Закон К. Конколевского**

Великий человек награждает награду, которую согласился принять.

Пояснение К. Бунша

Ордена – знак заслуг перед теми, кто дает ордена.

Замечание Эриха Менде

Ордена помогают отличить политиков от официантов.

Замечание Б. Крутиера

Если бы каждому по заслугам, то у некоторых знаки отличия должны быть не спереди, а сзади.

Наблюдение К. Пруткова

Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли.

Закон К. Пруткова

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников.

ОДЕЖДА**Наблюдение М. Твена**

Человека красит одежда. Голые люди имеют крайне малое влияние в обществе, а то и совсем никакого.

Аксиома М. Ашара

Если бы женщины одевались только для одного мужчины, это не продолжалось бы так долго.

Замечание Дорис Дей

Если женщины так тщательно наряжаются, то лишь потому, что глаз мужчины развит лучше, чем его ум.

Постулат Ф. де Миомандра

Женщины верят, что они наряжаются ради мужчин или для собственного удовольствия; а по правде, они наряжаются друг для друга.

Принцип Я. Ипохорской

Может быть, работа не слишком приятное занятие, но куда-то ведь надо утром идти.

Определение работы по Д. Рудому

Раз за это платят деньги, значит, это работа.

Закон Ю. Булатовича

На хлеб зарабатывают руками, на масло – головой.

Закон Ф. Саган

Комплимент повышает производительность женщин вдвое.

Аксиома Ж. Элгози

Обычно те, кто лучше других умеют работать, лучше других умеют не работать.

Закон простоя Д. Макивор и О. Белл

Соотношение между рабочим временем и временем, в течение которого работник работает, есть величина постоянная и составляет 0,6.

Поправка Бакиева

Число 0,6 не обосновано. Ближайшее научно-обоснованное число есть 0,693, равное $\ln 2$.

Закон Р. Бенчли

Любой человек способен сделать любую работу, если за нее не нужно приниматься сейчас.

Закон Вейлера

Нет невыполнимой работы для человека, который не обязан делать ее сам.

Дополнение Бакиева

Нет невыполнимого правила для человека, который не обязан соблюдать его сам.

ХОББИ**Диагноз О. Бальзака**

Пристрастие к коллекционированию – первая ступень умственного расстройства.

ЧЕЛОВЕК**Принцип выносливости человека («Пшекруй»)**

Человек снесет все, кроме яйца.

Постулат Жюль Ренара

Богу недурно удалась природа, но с человеком у него вышла осечка.

Определение В. Зубкова

Человек – единственное существо в природе, наделенное разумом, чтобы совершать глупости.

Аксиома Жана Поля

Характер человека лучше всего раскрывается, когда он описывает характер другого человека.

Замечание Б. Спинозы

Слова Павла о Петре говорят нам больше о Павле, чем о Петре.

Наблюдение К. Кребийона

Женщина не поколеблется пожертвовать честью, чтобы спасти репутацию.

Я изучил по сотням судеб
и по бесчисленным калекам,
насколько трудно выйти в люди
и сохраниться человеком.

И. Губерман

Кредо Ж. Голоноговой

У меня такая репутация, что лучше бы мне ее потерять.

Замечание С. Джонсона

Тщеславное желание показать, что тебе доверили тайну, обычно и становится главной причиной её разглашения.

Определение Р. Платова

Оптимист – человек, который женится на своей секретарше, полагая, что и дальше сможет ей диктовать.

Определение сильной воли

Человек с сильной волей бросает курить. Человек с очень сильной волей не только бросает курить, но и не хвастается этим.

Хвалебное замечание У. Черчилля

Мистер Эттли очень скромный человек. И у него есть для этого все основания.

Девиз Бакиева

Если у тебя есть недостатки, их необязательно носить с собой.

Наблюдение Елены Флишиан

Единственным его недостатком является отсутствие таковых.

Девиз совестливого

Совесь у меня есть, но я редко ею пользуюсь – говорят, она изнашивается.

Аксиома А. Карабчиевского

Чем меньше совести, тем больше всего остального.

Замечание Лихтенберга

Парень, который украл однажды 100 000 талеров, уже может в дальнейшем честно прожить жизнь.

Аксиома П. Грегора

Порядочность, как и девственность, теряется раз и навсегда.

Замечание В. Гольданского

Добродетель всегда вознаграждается – порок приятен сам по себе.

Определение В. Жемчужникова

Мудрость – это не морщины, а извилины.

Максима Людовика XVIII

Точность – вежливость королей.

Комментарий Бакиева

Без пяти минут король тот, кто опаздывает на пять минут.

Расширение О. Сеина

Неточность – вежливость королев.

Добавление Ивлины Во

Пунктуальность – вежливость зануд.

Наблюдение Бакиева

В нем пропал хороший актер, хороший поэт и просто хороший человек.

Аксиома смеха

Человек смеется в двух случаях: когда ему смешно и когда шутит начальство.

Недоумение М. Аврелия

Разум есть у тебя? Есть. Зачем же без него обходишься?

Определение П. Валери

Человек компетентный – это тот, кто заблуждается по правилам.

Принцип кулинарной экономики

Ничто так не улучшает вкуса домашних блюд, как изучение цен в ресторане.

Аксиома Сократа

Лучшая приправа к пище – голод.

Девиз Дона-Аминадо

Люби человечество сколько тебе угодно, но не требуй взаимности.

Замечание В. Брудзинского

Каждый способен на что-то великое. К сожалению, не каждому удалось в этом помешать.

Постулат о способных

Бойтесь способных. Потому, что не знаешь заранее, на что они способны.

Аксиома Чехова

Честные не лгут, когда не нужно.

Признак культуры человека по Бакиеву

Культурный человек не должен говорить «твою мать». Он должен говорить «вашу мать».

Дорожная аксиома

На скользкой дороге резко уменьшается число культурных людей.

Юбилейный принцип Р. Подлевского

Юбилей не обязательно нужно заслужить, иногда достаточно просто подождать.

Первый постулат эпитафиологии П. Эдриджа

Когда читаешь эпитафии, кажется, что спасти мир можно, только воскресив мертвых и похоронив живых.

Эпитафиологический комментарий

Некоторые эпитафии существуют скорее для удовлетворения гордости живущих, чем для восхваления добродетелей умерших. («Спи спокойно, жена кандидата экономических наук» (Из прозы И. Губермана)).

Определение А. Моруа

Некролог – самая краткая и самая лестная служебная характеристика.

Не говорите об умерших плохо, ибо они и так отправились туда, где каждому воздают по заслугам.

Хадис

Принцип Вольтера

К живым следует относиться доброжелательно, о мертвых же нужно говорить только правду.

СЧАСТЬЕ

Не по капризу Провидения
мы на тоску осуждены,
тоска у нас – от заблуждения,
что мы для счастья рождены.

И. Губерман

Аксиома З. Фрейда

Задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира.

Постулат А. Берне

Только счастливые будут в раю. Несчастливые прокляты как в той, так и в этой жизни.

Принцип Солона

Нельзя никого назвать счастливым прежде его смерти.

Замечание Сенеки

Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастья!

Определение Я. Ипохорской

Счастье состоит из всех тех бед, которые нас миновали.

Наблюдение Ларошфуко

Человек никогда не бывает так несчастен, как ему кажется, или так счастлив, как ему хочется.

Аксиома Достоевского

Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив.

Мажорный закон Сильвии Чиз

Каждый год кончается счастливо – он кончается Новым годом.

Афоризм Б. Рассела

Действительно возвышенные умы равнодушны к счастью, особенно к счастью других людей.

Максима Б. Шоу

Если когда-нибудь, гоняясь за счастьем, вы найдете его, то, подобно старухе, искавшей свои очки, обнаружите, что счастье было все время у вас на носу.

Принцип Б. Шоу

Мы не имеем права потреблять счастье, не производя его.

Путь к счастью по Лихтенбергу

Научиться достаточно наглядно представлять себе, что никто не является вполне счастливым, есть, возможно, ближайший путь к полному счастью.

Рецепт счастья по Р. Бэкону

Нет ничего более умного, чем заставить колеса собственного ума вращаться вместе с колесом фортуны.

Рецепт счастья по Бакиеву

Жизнь состоит из черных и белых полос. Поэтому, встав однажды на белую полосу, просто не нужно оттуда сходить.

Эпиграммы

Лариса ЮСУПОВА

Совету по русской литературе

Их оставалось меньше втрое
На безымянной высоте.
Они Атланты и герои,
Но годы все ж уже не те.

Когда ж она придет подмога.
Подхватит знамя с этих рук?..
Поэтов не бывает много
И важен каждый новый друг.

Анатолию БАУЭРУ

Я себе любимый самый.
Сам себе всегда родной.
Я овечья доброй славой.
Не шутите все со мной!

Гениальное ваяю
И нетленку создаю.
Не хвалите. Не растаю.
Не мешайте. Я творю.

Александру СВИСТУНОВУ

Жаль не пишет он стихов
Александр Свистунов.
Насвистел бы эпиграмм
В каждый номер килограмм.
Вот такая фантази,
Все бы было на мази.

Абдухакиму ФАЗЫЛОВУ

Мне уже являлся черт,
Чуть в Аид не уволок.
Черту все ж я дал отпор.
Запер двери на запор.

У меня есть физика,
У меня есть лирика.
Если черта не прогнать,
Превратишься в шизика.

Анатолию ЕРШОВУ

Хорошо, что он Ершов.
А, к примеру, не Ежов.
От фамилии такой
Потеряли б мы покой.

Владимиру ВАСИЛЬЕВУ

Самый лучший в мире «-изм»,
Господа, оппортунизм.
Бутерброд сам упадет.
Прямо в рот нам попадет.
Пришла ко мне фантазия
Не видеть безобразия.

Якубу ХОДЖАЕВУ

Неужели пионер
Стал теперь пенсионер?!
Враки! Он же литератор,
Значит должен быть новатор.
Эй, товариш! Без капризов
Ждем сюжетов и сюрпризов.

Раиму ФАРХАДИ

Любая труха
Годна для стиха,
Любая мура
Пойдет для пера.

Напишу пристойно,
Гладко и достойно.
Я сказитель и акын,
Дайте мне вода стакын.

Ариадне ВАСИЛЬЕВОЙ

Я родилась в Париже,
Могла бы и поближе.
Тогда бы не писала
Я книги, а читала.

Я родилась в Париже,
Я там жила пять лет.
На сотню тысяч книжек
Тот растяну сюжет.

Лариса ЮСУПОВА

Сегодня из Ларисы
Вдруг высунулась крыса.
Надоело грызть вершки,
Ляпать детские стишки.
Добралась до корешков
И настряпала стихов.
Злющие и странные
И с понтом эпиграммные.
И сидит глядит в окно
Вот такое я «...оно».